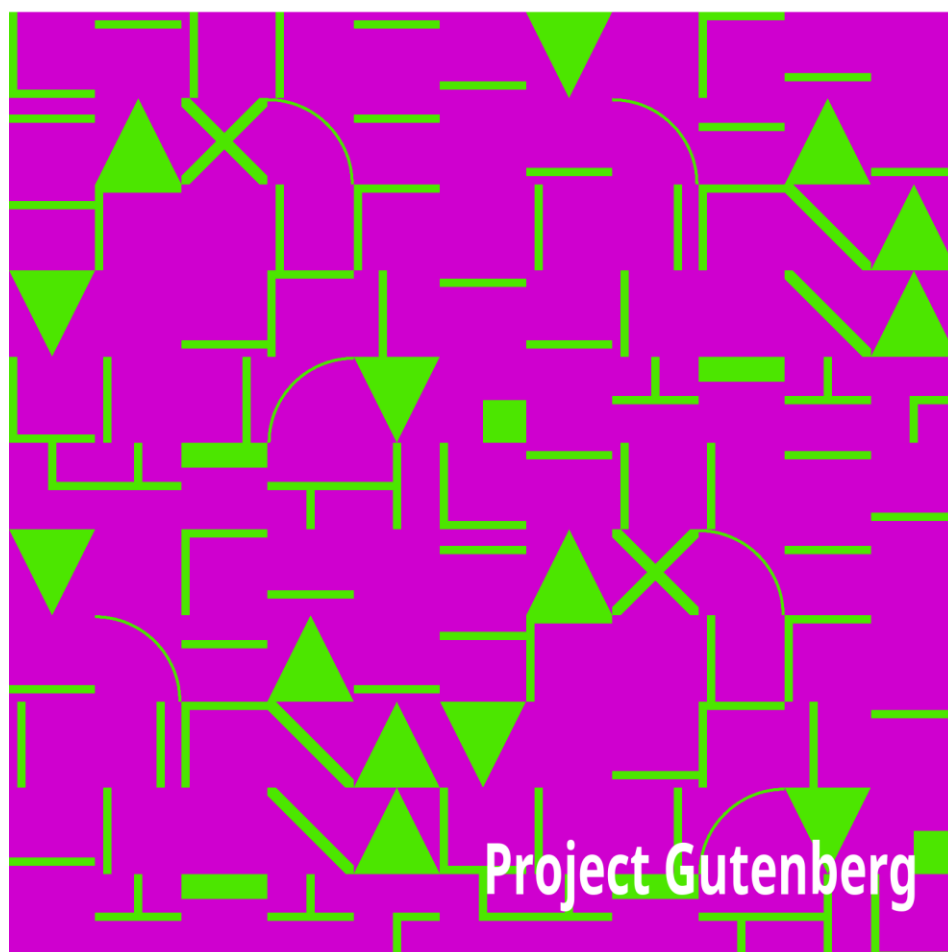

Письма Давида Рикардо Томасу Роберту Мальтусу, 1810-1823

Давид Рикардо

**Letters of David Ricardo to Thomas Robert
Malthus, 1810-1823**

David Ricardo and James Bonar

Электронная книга проекта Гутенберга Писем Давида Рикардо Томасу Роберту Мальтусу, 1810-1823

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Письма Давида Рикардо Томасу Роберту Мальтусу, 1810-1823

Автор: Давид Рикардо

Редактор: Джеймс Бонар

Дата выхода: 7 июня 2011 [Электронная книга № 36345]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Адрианом Мастронарди и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПИСЬМА ДАВИДА РИКАРДО ТОМАСУ РОБЕРТУ МАЛЬТУСУ", 1810-1823 ***

ПИСЬМА РИКАРДО

К МАЛЬТУСУ

Издательство

Оксфордского университета в

Лондоне

ГЕНРИ ФРОУДЕУгол Аминь, Е.С., Калифорния, Сша.....

ПИСЬМА ДАВИДА РИКАРДО К ТОМАСУ РОБЕРТУ МАЛЬТУСУ
1810-1823

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖЕЙМСА БОНАРА
магистра права В ОКСФОРДЕ, доктора права В ГЛАЗГО

Оксфорд
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ CLARENDON PRESS
1887

[Все права защищены]

Содержание.

	СТРАНИЦА
1. Предисловие	vii
2. Краткое изложение предметов	XIX
3. Письма с I по LXXXVIII	1-240
4. Хроника	241
5. Индекс	245

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нижеследующие письма печатаются впервые по оригинальным рукописям, любезно предоставленным для этой цели полковником Мальтусом, С.В. Представители Рикардо были настолько любезны, что предприняли поиск соответствующих писем Мальтуса, но безуспешно.

Сборник охватывает весь период дружбы двух мужчин. То, что представляет сугубо частный интерес (очень небольшая часть), как правило, опускалось. В тексте редко встречаются неясности; почерк Рикардо четкий и аккуратный. У более ранних писем нет конвертов. При взломе печати часто отрывалась страница и уничтожалось одно-два слова. В двух случаях у нас нет ничего, кроме фрагмента письма. Но, к счастью, большая часть серии дошла до нас в законченном виде.

Эти письма, очевидно, были известны Эмпсону и Маккалоху, чьи ссылки на них приведены в соответствующем месте. Другие письма Рикардо, а также его выступления в парламенте цитируются здесь и там, когда они иллюстрируют текст или заполняют пробел. Переписка с Дж. Б. Сэем приводится довольно подробно, поскольку она, вероятно, мало известна английским читателям.

Будет обнаружено, что описание Предметов содержит лишь общий набросок основных позиций, занятых Рикардо против Мальтуса в этих Письмах. Это не могло бы быть справедливо

расширено до изложения обеих сторон спора, поскольку, когда мы находимся в пределах слышимости только одного из спорящих, мы не можем со всей справедливостью полагать, что перед нами все дело целиком. Мы не можем согласиться с его изложением условий дискуссии, поскольку, хотя у него были все желания быть справедливым по отношению к своему оппоненту, его образ мыслей был настолько иным, что вряд ли можно подумать, что он разделял взгляды своего оппонента с полным сочувствием [1].

Эти Письма действительно почти на каждой странице показывают, насколько сильно два экономиста расходились во взглядах. Начавшись с глубокого взаимного уважения, их знакомство друг с другом переросло в очень тесную близость; но это была дружба двух людей, совершенно непохожих по складу ума. Рикардо признает, что на него произвел глубокое впечатление "Очерк о населении" (стр. 107), но считает, что Мальтус склонен упускать из виду истинный предмет политической экономии, исследование распределения богатства, и ограничиваться производством, из которого ничего нельзя извлечь (стр. 111, 175); Мальтус, по мнению его друга, имеет слишком сильный практический уклон (стр. 96); вместо того, чтобы размышлять об общих принципах, определяющих (например) иностранные валюты, он пытается пролить свет на ямайских купцов и городских торговцев слитками (стр. 3, ср. 12); он погружается во временные причины и следствия вместо того, чтобы обращать внимание на постоянные (стр. 127); он отстаивает свою точку зрения с помощью определения, а не аргументации (стр. 237) и, возможно, из-за той же практической предвзятости, он слишком поглощен вопросами своего собственного колледжа (стр. 125) и недостаточно стремится к политическим реформам (стр. 151, 152). Мальтус, кембриджский философ и профессор Хейлибери, был свободен от каких-либо академических предубеждений в пользу абстрактного мышления; на самом деле в нем было мало от типичного университетского человека, за исключением любви к катанию на лодке (стр. 158). Рикардо, человек, сделавший все сам и в значительной степени самообразованный [2] (хотя у него не было ни гордости первого, ни тщеславия второго), не было традиций, которые не были бы меркантильными, и он сколотил большое состояние на фондовой бирже [3]. Но в своем мышлении он не был рабом деталей; он даже сознавал сильную теоретическую предвзятость (стр. 96). Ему больше нравилось "придумывать веские доводы" для разъяснения принципа, чем приводить реальные инциденты для его подтверждения (стр. 164, 167). Сама узость его программы позволила ему (как позже это позволило Кобдену и его школе), казалось, исчерпать все трудности предмета и устранить их с помощью простых прямолинейных доказательств. Мальтус, обладавший менее острым логическим пониманием, но более ясно видевший реальную широту и сложность предмета, часто казался более неуверенным и менее последовательным с самим собой.

Рикардо согласился со своим другом в том, что в целом он смотрит на светлую сторону вещей и предсказывает процветание Англии даже в мрачные дни луддитов и Шести актов (стр. 139, 141). Они оба были неподготовленными писателями, отчасти из уважения к критике друг друга (стр. 20, 23, 117, 125, 155, 159, 207),— отчасти, в случае Рикардо, из-за неловкости в композиции, где он всегда был, по его собственному мнению, худшим человеком из двух (стр. 104, 108, 145, 208),— отчасти потому, что неясность предмета, по их мнению, противоречила догматической достоверности (стр. 111, 176, 181). Но они свободны в своей критике; им и в голову не приходит позволить ей повлиять на их хорошее настроение (стр. 175, 240), и они никогда не боятся признаваться в ошибках (стр. 20, 184, 207, 231 и т.д.).

Лично они сходились в том, что наслаждались обществом и путешествиями, любили "закон и порядок" и ненавидели "ссоры" (стр. 64, 208) и нигде не были так счастливы, как в кругу своей семьи, в случае Рикардо патриархально многочисленной (стр. 146). Крепкое здоровье Мальтуса не разделял его друг (стр. 140), но последний обладал большими качествами общественного человека, и в Палате общин он ни в коем случае не был молчаливым членом. Круг их интересов был, пожалуй, одинаково широк, хотя Рикардо тяготел к естественным наукам, а Мальтус - к математике. В политике они оба выступали за парламентскую реформу. Фрэнсис Плейс [4] в письме в 1832 году корреспонденту, который упрекал политэкономистов во враждебности к реформам, говорит, что исследование почти обязательно стремится к политическому просвещению, и в подтверждение указывает на Мальтуса, Милля, Рикардо и других. "Мистер Мальтус, - говорит он, - был аристократическим священником, когда он впервые опубликовал свое эссе о народонаселении ... но, продолжая свою работу и будучи вынужденным изучать политическую экономию, его предрассудки уступили место принципам, и он стал, насколько осмеливался, сторонником хорошего правления. Его работа содержит неопровержимые аргументы в пользу всеобщего избирательного права, которые нельзя упускать из виду, но должны применяться каждым читателем, разбирающимся в предмете; и в его работе также есть другие указания на то, что мы с вами должны назвать либеральными принципами [5]. "Что касается меня, добавляет Плейс, я был "простым республиканцем в течение сорока лет"; Джеймс Милль "такой же плохой, как я". Что касается Рикардо: "Он был одним из самых просвещенных реформаторов, которых я когда-либо знал; он был человеком, который никогда не скрывал своих мнений". Из всех свидетельств нет никаких сомнений в том, каковы были эти мнения. Рикардо выступал за широкое распространение избирательного права, частое участие в парламентах и особенно за тайное голосование. В своих речах в Палате общин, которых насчитывается более сотни, с первой, произнесенной 25 марта 1819 года, до последней, произнесенной 4 июля 1823 года, он ясно высказывает свое мнение не только о банке, Амортизационном фонде, валюте, сельском хозяйстве, законе о бедных и тарифах, но и о реформе парламента, сокращении бюджетных расходов, свободе прессы и праве публичных собраний. Его ораторское искусство, по-видимому, во многих отношениях напоминало ораторское искусство Кобдена. Аргументы были приведены с простой прямоотой, без изыщества дикции; и они были подкреплены прозаическими сравнениями из повседневной жизни или коммерческого опыта. От Брозема мы знаем, что его манера говорить была серьезной, скромной, добродушной, откровенной и незатронутой; и, поскольку он говорил только о том, что знал, его всегда слушали со вниманием [6], хотя его чувства были неприятны и он обычно находился в безнадежном меньшинстве.

Бентам утверждал, что является духовным дедом Рикардо [7], и Рикардо, возможно, почерпнул свои первые мысли о политике от него и Милля, а об экономике - от Адама Смита; возможно, он также перенял у Бентама его привычку рассуждать абстрактно. Но аргументы, которые он использует в защиту своих политических взглядов, таковы, что создается впечатление, что он пришел к своей политике через свою политическую экономию, причем первое является лишь вторым с другой точки зрения. Похоже, он строит свое представление о свободном правительстве на основе своего представления о свободной торговле. Когда он принимает непопулярную сторону в деле Карлайлов [8], заключенный в тюрьму за богохульную клевету, Уилберфорс справедливо описывает его как просто "переносящего в более важные дела принципы свободной торговли, которые он так успешно излагал" в других делах. Его интерес к народному образованию, по-видимому, проистекает из желания, чтобы наш народ был

должным образом подготовлен к промышленной конкуренции. Он посещает городской обед у испанского министра в то время, когда европейские державы угрожают Испании, и апеллирует к принципу невмешательства [9], таким образом предвосхищая Манчестерскую школу и применяя *невмешательство* в больших масштабах. Он применяет те же принципы, возможно, слишком абстрактно, в случае Законов Спиталфилда [10], согласно которым заработная плата шелкопрядов должна устанавливаться судьями, а не "рыночными махинациями", и в случае системы грузовых перевозок [11], или выплата заработной платы натурой; но было много причин оправдывать его враждебность к первому, и было успешное использование Робертом Оуэном чего-то очень похожего на систему грузовых автомобилей в Нью-Ланарке, чтобы оправдать его защиту второго. У него была готовность государственного деятеля принять часть там, где он не мог получить целого, и приветствовать компромисс, а не отсутствие прогресса вообще. Он не отменил бы хлебные законы одним махом, но подготовил бы наших аграриев к переменам, год за годом снижая пошлину на импорт, пока не осталось бы ничего, кроме 10 *шилл.* четверть, которые оставались бы в качестве "компенсационной пошлины", примерно равной по величине специфическому бремени британских аграриев [12]. Некоторые из его оппонентов называли его "простым теоретиком"; но это обычная насмешка над людьми, которые не могут привести доводы против людей, которые могут. Даже его ученик Маккалох считает, что его исследования были "слишком абстрактными, чтобы принести большую практическую пользу" [13]. Но в его собственных руках они не были настолько абстрактными, чтобы быть оторванными от практики или неизменными с учетом потребностей каждого конкретного случая. Такие меры, которые он рекомендовал в Палате представителей, имели большую практическую полезность и почти все были воплощены в последующем законодательстве; тем не менее, он основывал их все на определенных общих принципах, которые в порядке его мышления были сначала экономическими, а затем политическими. Что касается политики, мы считаем принципы абстрактными просто потому, что в наши дни они не являются принципами, наиболее необходимыми в законодательстве.

Короче говоря, мышление Рикардо было абстрактным только в том смысле, в каком таковым было мышление Бентама. Они пришли разными путями к одной и той же политической философии. У Рикардо было устоявшееся представление о личности как о чем-то логически предшествующем обществу; и интересы сообщества означали для него только интересы большого числа индивидуумов, а коллекция в целом не обладала качествами, которыми не обладала каждая из частей, и не было никакой духовной связи. Природа (что означает в данном случае теорию, а не историю) начинается и заканчивается индивидами; Природа создала индивидов, а Человек создал группы. Рикардо согласился с Бентамом в том, что "сообщество - это фиктивное Тело, состоящее из отдельных лиц, которые считаются составляющими, так сказать, его Членов. В чем же тогда заключается интерес сообщества? Сумма интересы нескольких членов, которые составляют его [14]. Мы находим Рикардо, утверждая: 'Дайте мне знать, что государство мужских интересов, и я скажу тебе, какие меры они будут рекомендовать; и что государство является самым совершенным, в котором все санкции согласны, чтобы сделать его интересам, чтобы все люди были добродетельны, другими словами, способствовать всеобщему счастью [15]. Итак, рассматривать человеческие существа как прежде всего отдельные друг от друга и имеющие отдельный личный интерес, который управляет их действиями, - это, безусловно, рассуждать абстрактно. Но этим абстрактным рассуждением философских радикалов экономисты среди них обязаны скорее Адаму Смиту, чем Бентаму. Большинство из них, подобно Рикардо, получили не только свои первые экономические

познания, но и первые уроки мышления из "Богатства народов". "Богатство народов" несло на себе печать того индивидуализма, который мы обычно ассоциируем с Руссо. Семнадцатью годами ранее ее автор написал книгу, в которой он уделил почти исключительное внимание общим узам, объединяющим человека с человеком, способности одного человека мысленно ставить себя на место другого, или (в широком смысле этого слова) симпатии. Нет необходимости предполагать, что Адам Смит забыл или отрекся от "Моральных чувств"; но несомненно, что в более позднем и значительном труде, ставшем учебником политической экономии, он намеренно придерживается другой точки зрения и представляет людей во власти частных интересов. Принимая во внимание его частые оговорки ("в целом", "во многих отношениях" и т.д.), нет сомнений в том, что он рассматривает "естественные усилия, которые каждый человек постоянно прилагает для улучшения своего собственного состояния", как принцип роста и здоровья, который мало или вообще ничего не должен государству или обществу, но постоянно преобразует их и превращает их зло в добро. Он полностью осознает, как правительство и цивилизация народа повлияли на промышленность во всех ее формах; но он считает саму промышленность или коммерческие амбиции трудолюбивых классов еще более могущественными. Что касается промышленного прогресса, он сказал бы вместе с Бентамом, что Природа начинается и заканчивается индивидуумами; в вопросах торговли он не доверяет объединениям людей, даже если они добровольные. Для него действительно благотворное объединение - это непреднамеренная и непрехотливая организация, возникающая в результате разделения труда, разделения профессий и неконтролируемых движений коммерческих амбиций со стороны отдельных людей. Он осторожно говорит, что политическая экономия - это не политика [16]; но он настаивает на том, что все политические ограничения и предпочтения должны быть сняты с промышленности, и "очевидная и простая система естественной свободы" "установится сама по себе". Неудивительно, что этот урок индивидуализма был усвоен его преемниками без предостережений, которыми окружил бы его учитель. Ученики бессознательно рассуждали так, как будто политический индивидуализм был неотъемлемой частью экономических принципов, поскольку именно так выглядело в единственной книге их учителя, к изучению которой их побудили; и, когда Бентам сделал личный интерес ведущим принципом политики, Рикардо, чтобы последовать за ним, нужно было только прояснить для себя политическую основу своих экономических идей. У Мальтуса экономический индивидуализм сдерживается сильной приверженностью принципу национальности, а также широким кругом философских и общих интересов. Но для Рикардо политическая экономия - это все во всем; руководящие принципы всего его мышления определяются для него экономикой; и результатом является индивидуализм как в политике, так и в политической экономии. Враждебность его критиков, возможно, так же часто объясняется их сильной неприязнью к политической философии, лежащей в основе его доктрин и заимствованной через Адама Смита у Руссо, как и к любой реальной или предполагаемой абстрактности самих доктрин.

Политическая деятельность Рикардо, таким образом, обладает достоинствами и недостатками теории индивидуализма и политики *невмешательства*, которая увенчала свои достижения отменой хлебных законов и актов о судоходстве. Джон Стюарт Милль, воспитанный индивидуалистом, оставил нам в своих трудах точное отражение перемен, произошедших в английской политике и английской экономике в течение его жизни, и которые он сам приветствовал с некоторыми опасениями. Мы перестали верить, что устранения препятствий достаточно для обеспечения высшего блага как в правительстве, так и в промышленности. Но

мы не должны отрицать, что Манчестерская школа и ее предшественники были незаменимы в свое время.

Иногда говорят, что в дополнение к недостаткам его школы, у Рикардо были и собственные недостатки, которые были вызваны определенным сильным уклоном в личных интересах [17]. Мы могли бы ответить, что его аргументы, тем не менее, должны соответствовать своей собственной логике. Но нет никаких оснований предполагать какую-либо предвзятость Рикардо, за исключением его особого склада ума и образа мыслей. У него был интеллектуальный интерес разумного человека в получении правильного, а не неправильного ответа на трудный вопрос; и его эгоистичный интерес как представителя "имущих" классов не был достаточно ясен, чтобы стать для него ловушкой. "Хорошего бухгалтера озадачило бы, - говорит он в the House [18]), - на какой стороне преобладал мой интерес; мне самому было бы трудно определить этот вопрос из-за различных видов собственности, которой я обладаю (без частичного финансирования)". Иногда он мог вести себя по-рыцарски и даже донкихотски. Его лучшие политические друзья [19] считали его донкихотом, когда он предлагал ввести высокий налог на имущество для погашения государственного долга: "Я должен пожертвовать любую часть своего имущества для достижения этой великой цели, если другие поступят так же" [20]. "В его похвале Письму Коббетта к луддитам было рыцарство" [21]; Коббетт оскорбил его, не смешав ни капли великодушия. Поэтому мы можем напрасно искать у Рикардо какого-либо чувства антипатии к землевладельцам или любой другой группе людей, хотя он по долгу службы выступал против землевладельцев, директоров банков и всех классов монополистов всякий раз, когда они вставали на пути срочных реформ. Как и другие мужчины, он, что не маловероятно, испытывал скрытое пристрастие к тому, что было главным делом его трудовой жизни. Но в своих произведениях и речах он делится с нами не чувствами, а аргументами, и аргументы, которые нельзя отбросить как замаскированные чувства.

В чисто экономических работах больше абстрактной теории, чем автор когда-либо полностью осознавал. Мало того, что он как индивидуалист обычно рассматривал людей как отдельные конкурирующие атомы, а желание богатства - как постоянный и доминирующий мотив людей [22]; но он сделал свои общие утверждения слишком абсолютными. Иногда он защищал себя, говоря (как он делает в этих Письмах): "То, что я излагаю, верно в течение любого значительного периода времени; причины, на которые я указываю, постоянны; Я допускаю, что другие причины могут преобладать в течение коротких промежутков времени; временные причины могут казаться преобладающими над постоянными; но я рассчитываю на окончательное урегулирование". Тем не менее, за свою карьеру он не раз признавался, что слишком категорично заявлял о постоянных причинах. Учение о стоимости впервые представлено им как чрезвычайно простое— стоимость вещи зависит от труда, затраченного на ее производство. Затем, по мере продвижения, мы обнаруживаем, что это верно только для "ранних стадий развития общества, до того, как используется много машин или долговременного капитала", в то время как даже там это не должно быть верно в отношении объектов, которые имеют "причудливую" ценность исключительно из-за их редкости. Далее, нам говорят, что в наше время на относительную стоимость двух вещей влияет соотношение, в котором основной капитал и оборотный участвуют в их производстве; если основной капитал вкладывается в один из них больше, чем в другой, то повышение заработной платы снизит стоимость первого, поскольку это снизит норму прибыли, а поскольку в первом случае прибыль больше, то стоимость этого первого упадет по отношению к другому. Это еще не все; —если две вещи производятся с одинаковым количеством основного капитала, то все же, если долговечность

капитала различна, будет больше труда там, где долговечность меньше, и больше прибыли там, где долговечность больше; товары, произведенные более долговечным основным капиталом, будут понижаться в стоимости из-за повышения заработной платы, что снижает норму прибыли; и так далее, *с соответствующими изменениями*. Короче говоря, на стоимость влияет не только труд, но и заработная плата за труд. К этим уступкам мы можем добавить важное изменение точки зрения, которое (как мы знаем из этих Писем) заставило Маккалоха трепетать за Ковчег своего Завета [23]; сначала мы не слышали ничего, кроме восхваления машин как снижающих цены и увеличивающих общее благосостояние; теперь нам напоминают, что их изобретение может на время нанести серьезный ущерб рабочему классу [24].

Людам, живущим двумя поколениями позже Рикардо и обладающим (как он сам выразился) [25]) "всею мудростью своих предков и еще кое-чем в придачу", нетрудно указать на множество неоправданных допущений, множество двусмысленных терминов и даже на множество колеблющихся высказываний в "Принципах" Рикардо, несмотря на их кажущуюся строгую логику. Отдельные практические брошюры автора были в этом отношении гораздо более действенными, чем этот том несовершенно связанных эссе по общей теории. Лстивые приставания друзей побудили бессистемного писателя попытаться написать систематический трактат [26]. Кардинальная доктрина Ценности применяется только к одному классу случаев, да и то с серьезными изменениями. Более поздним экономистам, таким как Джевонс в нашей стране, Менгер и Бем Баверк в Германии, было поручено взяться за разработку теории стоимости, которая охватывала бы все ее случаи, не исключая те объекты, которые обладают стоимостью, "полностью независимой от количества труда, первоначально необходимого для их производства, и изменяющейся в зависимости от богатства и склонностей тех, кто желает ими обладать" [27].'

Мальтус оставил четкое изложение спорных моментов между Рикардо и им самим в "Ежеквартальном обзоре" за январь 1824 года. Он возражал Рикардо, утверждая, что (1) Количество труда не является главной причиной стоимости, но (2) "Спрос и предложение" более точно описываются именно так, в то время как (3) Конкуренция капитала, а не плодородие почвы, определяет норму прибыли. Но что касается первого, то он едва ли отдает должное Рикардо за его большие уступки. Что касается второго, он не осознает, что спрос и предложение - это расплывчатые термины, которые могут быть определены только самой теорией стоимости. Что касается третьей позиции, если перевести плодородие почвы как продуктивность основной промышленности, то точка зрения Рикардо кажется более близкой к истине, чем его собственная. Неадекватность всей дискуссии по этому третьему разделу в значительной степени объясняется тем фактом, что социализм тогда еще не подтолкнул экономистов к тщательному исследованию прибыли и процента. Они были довольны тем, что позаимствовали эти идеи из повседневной коммерческой жизни и относились к ним как к данности, не требующей объяснений. Поэтому они так и не смогли полностью выполнить самую первую задачу политической экономии - изложить факты такими, какие они есть, и проанализировать с точки зрения их фундаментальных законов существующую промышленную систему современных наций. Еще в меньшей степени они выполнили свою вторую задачу - оценить отношение промышленной системы к более крупному социальному и политическому организму, в котором она живет, движется и осуществляет свое бытие. Особые желания и мотивы отдельного народа, изменяющиеся по мере развития цивилизации, должны рассматриваться в их воздействии на производство и распределение национального богатства, если мы хотим полностью узнать правду о последнем. Именно потому, что экономисты старшего

поколения не пытались этого сделать, их дискуссии, которые вели даже самые выдающиеся их представители, кажутся более поздним читателям поверхностными и нереальными. Но в их экономике, как и в их политике, у них была своя работа, а не наша; и мы не должны винить их за то, что они не ответили на вопросы, которые лишь совсем недавно пришли в голову нам самим.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ.

Только в двух случаях письма из этого сборника образуют группы, в которых есть отдельная тема, сколь-нибудь подробно не обсуждаемая в других письмах. Письма с I по XIV - единственные, в которых сколь-нибудь подробно обсуждается влияние обесценивания валюты на курсы иностранных валют. Письма с LXXVIII по LXXXVIII - единственные, в которых обсуждается Мера стоимости. После этого ближайший подход к преемственности, возможно, содержится в Письмах от LXXI до LXXVII, когда главной темой является перепроизводство. Но обсуждение ренты, заработной платы и прибыли ведется не по главам, как в книге; оно следует за ходом бесед, которые не были записаны, и подчиняется подсказкам, которые даны в ответах, утерянных нами. Мы не можем надеяться на то, что предложения по этим трем разделам выстроятся в последовательный логический ряд.

Приведенный ниже анализ писем не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим. Мнения Рикардо о Банке Англии (XXXV и т.д.) и об Ост-Индском колледже (XL и т.д.), например, в нем не будут найдены. Это просто изложение основных экономических аргументов.

В ранних письмах переписка ведется главным образом по вопросам, получившим в то время (1810 г.) широкую огласку благодаря Комитету по слиткам и собственному памфлету Рикардо "Высокая цена золотых слитков". Хотя эта брошюра появилась в отдельном виде только в начале 1810 года, содержание ее было опубликовано Рикардо в серии писем в "Морнинг Кроникл", начиная с сентября 1809 года. Эти письма привлекли внимание общественности к их автору, и они, по-видимому, побудили Мальтуса искать с ним знакомства. Самые ранние письма (из которых Письмо I в этом сборнике явно не было первым во всей переписке), естественно, были посвящены темам, которые впервые свели двух мужчин вместе.

Основные позиции Рикардо по отношению к Мальтусу следующие:—

1. Количество валюты в стране определяется для нее не просто ее размером и населением, но характером и масштабом ее торговых операций; и все же, когда указаны эти элементы, валюта одной страны будет относиться к валюте другой в некоторой устанавливаемой нормальной пропорции, изменить которую - значит изменить относительную стоимость затронутых валют (VI, VII, X).
2. Такие события, как неурожай, изменение предметов потребления или перевод субсидий за границу, изменяя относительную стоимость нашей валюты, окажут воздействие на биржи, которое, помимо их собственного специфического средства правовой защиты, является постоянным, а не преходящим (I, VII, X).

3. Увеличение количества золота и серебра в стране приведет к увеличению использования этих металлов в общих целях, а не к пропорциональному падению их стоимости (II, III).
4. Увеличение стоимости экспорта и импорта страны может не включать увеличения ее богатства или капитала, но может быть вызвано простым переходом от одного набора предметов потребления к другому или продолжающейся торговлей с иностранным капиталом (IV).
5. В любом случае, такое увеличение является не причиной, а следствием изменения валюты; это признак того, что деньги переходят оттуда, где они дешевы, туда, где они дороги (IV, VI, IX, ср. XII и XVII), и обмены являются точным показателем разницы (VII).
6. В последние годы в нашей собственной стране, безусловно, наблюдался рост благосостояния, но это не обязательно сопровождалось повышением нормы прибыли (V, ср. XX).

В Письмах с XV по XXI приводятся следующие основные положения:—

1. Ограничения на ввоз хлеба путем поддержания цен на предметы первой необходимости имеют тенденцию к снижению прибыли (XV), если, конечно, за ними не следует значительное сокращение капитала (XVI, XVII).
2. Единственной причиной постоянно высокой или низкой прибыли является легкость приобретения предметов первой необходимости, поскольку от этого в основном зависит уровень заработной платы (XVI, XVIII, XIX, XX, XXI, ср. V и для квалификации LXXIX, LXXX).
3. Другие причины, такие как неурожай, новое налогообложение, изменения в спросе или чрезмерное накопление, носят лишь временный характер (XX, XXI, ср. Политику Рикардо. Экономика. и налоги., глава vi. "О прибыли").
4. Усовершенствования в сельском хозяйстве или технике за счет повышения производительности постоянно увеличивают прибыль (XX, ср. V и XXIII).

К ним можно добавить—

5. Потребление и накопление в равной степени стимулируют спрос, и оба они являются неискоренимыми тенденциями нашей природы: одна увеличивает наши удовольствия, другая - нашу силу (XIX).
6. Накопление увеличивает не только производство, но и потребление (XXI век).
7. Стоит установить истинность принципа, даже если мы не можем установить его полезность (XXI).

В письмах с XXIII по LXVIII и с LXXVIII по LXXX позиции следующие:—

1. Импортируя дешевую иностранную кукурузу, население экономит всю разницу в цене (XXIII, XXIV).
2. Следует допустить, что цены на изделия, помимо изменения в зависимости от количества затраченного на них необходимого труда, изменяются в зависимости от стоимости используемого для них сырья (XXV).

3. Помимо изменений валюты, повышение цен на хлеб и падение заработной платы за хлеб были бы противоречием (XXVI).
4. Из принципа народонаселения следует, что темпы сельскохозяйственного производства, в отличие от объема, растут не больше, а меньше, когда увеличение численности населения вынуждает сельское хозяйство обрабатывать более бедные почвы (XXVII, XXVIII, ср. XLIX).
5. Это означает, что совокупные затраты на зерно будут выше по отношению ко всему произведенному зерну, и, хотя совокупные денежные затраты могут быть меньше по отношению ко всему произведенному в деньгах, норма прибыли от сельского хозяйства упадет (XXIX).
6. Налог на отечественную кукурузу повышает цены в два раза и должен сопровождаться компенсационной пошлиной, в других случаях в этом нет необходимости (XXIX).
7. С течением времени повышение цен на кукурузу стоит на первом месте, а дорогостоящее выращивание - на втором, но это увеличение прибыли фермеров может быть связано с падением общей прибыли, которое само по себе вызвано повышением цен на кукурузу (XXIX).
8. Рост благосостояния имеет тенденцию снижать прибыль и увеличивать ренту (XXIX).
9. Простое увеличение количества кукурузы не предотвратит повышение цен, если количество потребителей увеличилось в равной или большей пропорции. Так будет однажды в Америке (XXX).
10. За повышением цен на хлеб последует не повышение цен на другие товары, а падение прибыли (XXXI, XXXIV, XXXV).
11. Добавление богатых земель к нашему острову снизило бы цену на кукурузу за счет снижения затрат на увеличение общего предложения кукурузы; и это не повысило бы стоимость промышленных товаров (XXXII).
12. Высокие цены, независимо от того, вызваны ли они обесцениванием денег или трудностями производства, не являются общественным благом; в первом случае они являются причиной бедствий, особенно для рабочих классов; во втором они являются признаком, но не причиной процветания (XXXIII, XXXIV).
13. Средства производства включают навыки и приспособления, а также плодородие почвы, и в этом смысле, внезапно появившись в плодородной стране, они на некоторое время погасили бы ренту (XXXVI).
14. Нет реального различия между производительностью промышленности и производительностью капитала; и по мере общественного прогресса и то, и другое будет уменьшаться, а рента увеличиваться (XXXVI).
15. Заработная плата не повышается, когда труд производителен, если только производительность труда не приводит к возникновению нового капитала, требующего нового труда (XXXVII).
16. Такого спроса на новую рабочую силу не может быть, если не произойдет снижения стоимости продуктов питания (XXXVII).

17. Единственной постоянной причиной снижения спроса на капитал является повышение цен на продовольствие (XXXVIII).
18. Низкие цены не обязательно препятствуют производству (XXXIX).
19. Необходимость обработки менее продуктивных почв является причиной более высокой номинальной и более низкой реальной заработной платы (XLII), и это единственная причина постоянной работы (XLVIII, ср. LXIX).
20. Прибыль зависит от заработной платы; заработная плата - от спроса и предложения рабочей силы и от стоимости предметов первой необходимости для рабочих (XLIX).
21. Следовательно, прибыль возрастет, если последние будут легко производиться, если только из-за постоянства численности населения спрос на рабочую силу не увеличится (L).
22. В двух странах с равным капиталом и равным населением, но с разным плодородием почвы, прибыль будет отличаться в пользу более плодородной (L).
23. Норма процента не является надежным показателем нормы прибыли; и низкая норма процента может сосуществовать с низкой нормой заработной платы и высокой нормой прибыли (LXIII).
24. Нельзя сказать, что прибыль зависит от "соотношения капитала и труда", поскольку там, где прибыль была наименьшей, для получения данной прибыли потребовалась бы большая часть капитала, а там, где она была наибольшей, - наименьшая в пропорции (LI).
25. За повышением стоимости денег возможно (хотя и маловероятно), что за снижением стоимости труда, материалов и оборудования может последовать увеличение, а не уменьшение их денежной стоимости (LXIII).
26. Дефицит может увеличить прибыль и богатство, удешевив рабочую силу (LXIII).
27. Свободная торговля зерном может увеличить размер прибыли больше, чем политика ограничений может увеличить размер арендной платы (LXVII, ср. LXX).
28. Рента - это всегда передача, а не создание богатства (LIII, LXVIII).
29. В одной и той же стране не может быть двух норм прибыли одновременно (LXXVIII), и при свободной торговле не может быть очень разной нормы прибыли в разных странах, когда стоимость предметов первой необходимости и, следовательно, уровень заработной платы приближены к одному уровню, при этом принимаются во внимание различия между одной страной и другой в отношении уровня жизни (LXXIX). Кажется невозможным, чтобы при свободной торговле плодородная страна, если только сельское хозяйство не было ее единственной отраслью промышленности, а капитал не был небольшим, долгое время продолжала продавать свой хлеб по высоким ценам своих менее привилегированных конкурентов; цены упали бы до себестоимости (LXXX).

В букве LXV и в буквах с LXIX по LXXVII позиции следующие:—

1. Естественную цену не следует описывать как зависящую, подобно рыночной цене, от спроса и предложения, поскольку она никогда не может постоянно опускаться ниже или подниматься выше издержек производства (LXV).

2. Всеобщее перепроизводство невозможно (LXXII, LXXVII), и избыток отдельных товаров может быть устранен прекращением производства этих товаров (LXXII); "высший гений" мог бы уже сейчас так распределить наш капитал, что все могли бы процветать (LXXIII).

3. Ценность регулируется не спросом, а предложением, а само предложение определяется сравнительными издержками производства (LXXIII, LXXIV).

4. Если бы весь труд и капитал были направлены на производство предметов первой необходимости, тогда мог бы возникнуть их переизбыток, или общий переизбыток; но ни в каком другом случае такой переизбыток невозможен (LXXIV, LXXVII).

5. Перепроизводство имеет тенденцию излечиваться само по себе, уничтожая прибыль и тем самым лишая производителя мотивации к производству. Но производство не могло продолжаться, когда эта точка была достигнута, и, следовательно, перепроизводство не могло продолжаться (LXXVI).

6. Средством правовой защиты было бы не увеличение потребления непроизводителями, а выплата более низкой заработной платы, что означает получение производителями более высокой прибыли. Когда заработная плата завышена, рабочие являются непроизводительными потребителями, и работодатели, которые им платят, тем самым вызывают перепроизводство, а не лечат его (LXXVI, LXXVII).

7. Снижение спроса на рабочую силу может означать не наем меньшего количества людей, а выплату более низкой заработной платы (LXXVII).

В письмах от LXXVIII до LXXXVIII указаны следующие позиции:—

1. Лучше взять в качестве меры стоимости какой-нибудь иностранный товар [например, золото], издержки производства которого почти неизменны, чем оценивать либо количеством труда, либо количеством зерна, либо других товаров вообще, которые будут приобретены на измеряемый предмет (LXXVII, LXXVIII).

2. В упомянутом труде нет ничего, что позволяло бы считать его лучшим мерилom стоимости, чем что-либо другое; напротив, использовать его в качестве меры - значит впутываться в парадоксы (LXXXIII, LXXXV - LXXXVIII).

3. Не может быть абсолютной или универсальной меры стоимости, поскольку нет единообразия в условиях, при которых производятся товары, так как, например, время, а также пропорция и долговечность применяемого капитала сильно различаются (LXXXIV).

ПИСЬМА ДАВИДА РИКАРДО К ТОМАСУ РОБЕРТУ МАЛЬТУСУ

Я.

Фондовая биржа, 25 февраля 1810 г..

Мой дорогой сэр,

После очень напряженного дня у меня как раз есть время сказать вам, что я постараюсь уговорить мистера Мушета [28] встретиться с вами у меня дома за завтраком в воскресенье утром. Во всяком случае, я буду ждать вас, и, если Мушет занят, я смогу сказать вам, встретится ли он с нами в понедельник или вторник в Городе. Он чрезвычайно любезен и, я уверен, не возражал бы против неприятностей, если бы мог внести свой вклад, чтобы пролить свет на тему обменов, но я думаю, что он не будет склонен публиковать что-либо под своим именем, поскольку в прошлом он нанес большое оскорбление высшим силам.

Вы четко обозначили точку различия между нами; я думаю, что мы никогда раньше так хорошо не понимали друг друга. Есть некоторые причины, действующие на обмен, которые по своей природе носят временный характер; есть и другие, которые имеют более постоянный характер. Если мы согласимся, что изменение вкуса одной страны к товарам другой и передача субсидии производят определенные эффекты на обмен, то единственный вопрос между нами заключается в их продолжительности. Я придерживаюсь мнения, что они будут действовать очень долгое время и что на самом деле прибегать к слиткам приходится не в качестве последнего средства.

Я не могу поверить, что вы даете правильный отчет о своих практических привычках не больше, чем о своей памяти, когда я видел вас в последний раз. Все мои наблюдения привели бы меня к выводам, прямо противоположным тем, которые сделали вы; и я полагаю, что большинство ваших друзей разделили бы мое мнение. Когда вы как следует начнете, я ожидаю, что вы будете продвигаться вперед гигантскими темпами.

Я прошу вас с добром относиться от меня к миссис Мальтус.

Я, мой дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

II.

Фондовая биржа, 22 марта 1810 г..

Мой дорогой сэр,

Миссис Рикардо ожидает, что миссис Мальтус будет сопровождать ее в следующую пятницу на концерте Найветта, и, я уверен, будет очень разочарована информацией, которую я должен ей сообщить, о том, что она не сможет сопровождать вас в город. Однако я не совсем оставляю все надежды увидеть ее.

Вы определенно не должны думать о том, чтобы покинуть нас раньше вторника. Я пригласил нескольких ваших друзей встретиться с вами за ужином в понедельник, и я выдвигаю не только свои претензии, но и претензии мистера Уишоу [29], мистер Шарп [30], мистер Теннант [31], и мистер Дюмон [32].

Я навел справки об одном торговце слитками. Я обнаружил, что торговлей в основном занимается класс людей, не особенно щепетильных в способах получения денег, и мне сказали, что они были бы не очень общительны, особенно по поводу своегоэкспорта. Однако есть несколько хорошо информированных торговцев, которые многое знают о торговле, не будучи сами активно вовлеченными в нее, с которыми, я надеюсь, смогу вас познакомить.

Я не допускаю, что если бы вы удвоили стоимость средства обмена, оно упало бы наполовину своей прежней стоимости, даже если бы вы также удвоили количество металла, которое было стандартом такого средства. Потребление увеличилось бы вследствие снижения его стоимости, и падение его стоимости регулировалось бы точно таким же законом, как падение стоимости индиго, сахара или кофе.

Мистер Мушет пообедает с нами в воскресенье. Что вы думаете о финансовых талантах мистера Ванситтарта?

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание.— Выступая в Палате общин 7 мая 1822 г. по вопросу о бедствиях в сельском хозяйстве, Рикардо приводит иллюстрацию, которая отражает некоторые моменты предыдущего и последующих писем: "Представим себе мой собственный случай. Я владею значительным участком земли, не обремененным ни единым долгом. Теперь, по словам почтенного члена (мистера Эттвуда) Я и арендаторы этой земли пострадали бы только в той степени, в какой изменение стоимости денег привело к увеличению бремени налогообложения; но на самом деле мы пострадали гораздо больше". "Избыточное предложение" вызвало падение стоимости зерна более чем пропорционально самому дополнительному количеству. Чтобы понять почему, возьмем случай с товаром, представленным впервые, скажем, с особым видом сверхтонкой ткани: "Если бы при таких обстоятельствах было импортировано 10 000 ярдов этой ткани, многие люди захотели бы ее приобрести, и, следовательно, цена была бы чрезвычайно высокой. Предположим, что это количество ткани удвоилось; совокупная стоимость 20 000 ярдов была бы гораздо более значительной, чем совокупная стоимость 10 000 ярдов, поскольку изделие все еще было бы дефицитным и, следовательно, пользовалось бы большим спросом. Если бы количество ткани было снова удвоено, эффект был бы все тот же, ибо, хотя каждый отдельный ярд из 40 000 упал бы в цене, стоимость всего сукна была бы больше, чем стоимость 20 000. Но если бы они продолжали таким образом увеличивать количество ткани до тех пор, пока она не стала бы доступной для покупки [sic] каждого класса в стране, то с этого времени любое увеличение ее количества уменьшило бы совокупную стоимость. Этот аргумент применим и к кукурузе. Кукуруза - это продукт, потребление которого неизбежно ограничено, и, если бы вы продолжали увеличивать ее количество, ее совокупная стоимость снизилась бы по сравнению с меньшим

количеством. Я делаю исключение в пользу денег. Если бы в этой стране было всего 100 000 фунтов стерлингов, это отвечало бы всем целям более расширенного обращения; но, если бы количество было увеличено, стоимость товаров изменилась бы только пропорционально увеличению, потому что нет необходимого ограничения количества денег, которое [требуется]". (Ср. Письмо III, стр. 3.) Итак, 12 июня он говорит: "Количество регулирует стоимость всего", хотя также верно (говорит он в речи от 9 мая 1822 г.), "что цена каждого товара определяется заработной платой и продуктом [sic] в наличии".

III.

Фондовая биржа, 24 марта 1810 г..

Мой дорогой сэр,

Я оставил вас совершенно свободными на пятницу, но, к сожалению, ваши дела не позволяют вам прийти к нам в этот день. Мы ждем вас в субботу утром. Я надеюсь, что визит миссис Мальтус не будет отложен дольше, чем следующая встреча Короля трэф [33].

Мне кажется, что вы приписываете разницу в колебаниях цен, которые, вероятно, были бы следствием удвоения количества кофе, сахара или индиго, с одной стороны, или удвоения количества драгоценных металлов, с другой, неправильной причине. Кофе, сахар и индиго - это товары, применение которых, хотя и увеличилось бы, если бы они сильно упали в цене, все же, поскольку они неприменимы для большого разнообразия новых целей, спрос неизбежно был бы ограничен; не так обстоит дело с золотом и серебром. Эти металлы существуют в некотором дефиците и применимы для большого разнообразия *новых* применений; падение их цены вследствие увеличения количества всегда сдерживалось бы не только повышением спроса на те цели, для которых они применялись прежде, но и нехваткой их для совершенно новых применений. Если бы их было в достаточном изобилии, мы могли бы даже делать из них наши чайники и кастрюльки. Именно этому существенному различию между этими товарами, а не тому обстоятельству, что один из них используется в качестве средства обращения, я должен приписать различные эффекты, которые последовали бы за увеличением их количества. Однако, с какой бы точки зрения я ни рассматривал это, я не вижу, какое существенное отношение это имеет к вопросу между нами, а именно, часто ли используются драгоценные металлы для выплаты долгов между странами, когда не произошло никаких изменений в количестве или пропорции валюты.

Я, как и вы, удивляюсь, что акции не ощутили на себе воздействия энергичной системы мистера Ванситтарта. В качестве причины можно рассматривать задержку с созданием новых акций, хорошие новости из-за рубежа и, прежде всего, отсутствие отражения в массе акционеров.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание.— "Король трэф" описан в "Жизни сэра Джеймса Макинтоша" (его сыном, 2—е изд. 1836 г.), том i. стр. 137 (под датой 1800 г.): "В качестве приятного места сбора в дополнение к обычным встречам социального круга, обеденным клубом (названным "Король трэф" мистером Робертом Смитом [Бобусом, братом Сидни Смита]), был основан компанией в его [Макинтоша] доме, состоящей из него самого [Макинтоша] и пяти следующих джентльменов ". , все из

которых до сих пор живы: мистер Роджерс, мистер Шарп, мистер Роберт Смит, мистер Скарлетт и мистер Джон Аллен. К этим первоначальным членам впоследствии были добавлены имена многих самых выдающихся людей того времени; и он испытывал родительскую гордость и удовлетворение, когда некоторое время спустя он получил известие о том, что они "вынуждены исключать посторонних и ограничивать их количество, так что то, как питается "Король треф", с помощью каких тайных ритуалов и институтов это проводится, должно быть предметом догадок изобретательного антиквара, но никогда не может быть регулярно передано потомству добросовестным историком". — Добавляет биограф в примечании, что Клуб был внезапно распущен в 1824 году. Перечислены некоторые из наиболее выдающихся членов, среди них Рикардо (l. с. стр. 138н.). Судя по письму Макинтоша Шарпу от 29 июня 1804 года, в Клуб на тот момент входили (помимо писателя и его корреспондента) только Сидни Смит, Скарлетт, Боддингтон, поэт Роджерс, Уишоу и Хорнер (Мак. Life, т. i. 209). Время собрания, по-видимому, было первой субботой каждого месяца. Смотри ниже Письмо XLIV, но ср. XLIII. Добавьте "Мемуары Хорнера", i. 193, под датой апрель 1802 г., и "Мемуары Холланда о Сиднее Смите", i. 91 и с.

IV.

Лондон, 10 августа 1810 г..

Мой дорогой сэръ,

По возвращении в Лондон, после короткой экскурсии в Танбридж-Уэллс, я нашел ваше любезное письмо.... Поразмыслив, я утвердился во мнении, которое высказал относительно эффекта открытия новых рынков или расширения старых. Я охотно допускаю, что после войны увеличилась не только номинальная, но и реальная стоимость нашего экспорта и импорта; но я не вижу, как это признание благоприятствует вашему взгляду на этот предмет.

Англия, возможно, расширила свою транзитную торговлю со столицей других стран. Вместо того чтобы экспортировать сахар и кофе непосредственно из Гваделупы и Мартиники на европейский континент, плантаторы в этих колониях могут сначала экспортировать их в Англию, а из Англии - на континент. В этом случае список наших экспортных и импортных товаров будет расширен без какого-либо увеличения британского капитала. Вкус к какому-либо иностранному товару, возможно, усилился в Англии за счет потребления какого-либо отечественного товара. Это снова увеличило бы стоимость нашего экспорта и импорта, но не доказывает общего увеличения прибылей или какого-либо материального роста благосостояния.

Я придерживаюсь мнения, что повышенная стоимость товаров всегда является следствием увеличения либо количества средств обращения, либо их мощности за счет улучшения экономии [в] их использовании [*так в оригинале*] [34], — и никогда не является причиной [35]. Именно снижение стоимости, я имею в виду номинальную стоимость товаров, является главной причиной увеличения добычи на рудниках; но повышенная номинальная стоимость товаров никогда не сможет вызвать появление денег в обращении. Это, безусловно, следствие, а не причина. Я пишу в шумном месте; поэтому вы должны извинить все грубые ошибки. Я должен принести такие же извинения за мои две половины листа [36]. Мне не хотелось переписывать первую половину заново.

С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус я остаюсь,

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

V.

Фондовая биржа, 17 августа 1810 г..

Мой дорогой сэр,

... Не могу отказать себе в удовольствии принять ваше любезное приглашение на следующую субботу. Я буду у вас в обычное время.

Я один из первых, кто верит в то, что с начала войны мы пережили значительный рост богатства и процветания; но нет уверенности в том, что такой рост должен был сопровождаться увеличением прибыли, или, скорее, увеличением нормы прибыли, поскольку это вопрос между нами. Однако я почти не сомневаюсь, что в течение длительного периода, в течение интервала, который вы упомянули [37], норма прибыли увеличивалась, но это сопровождалось такими решительными улучшениями сельского хозяйства как здесь, так и за рубежом, поскольку Французская революция была чрезвычайно благоприятна для увеличения производства продуктов питания, что это полностью согласуется с моей теорией. Мой вывод заключается в том, что произошел быстрый приток капитала, которому помешали проявить себя в виде низкой процентной ставки новые предприятия по производству продуктов питания. Я вполне согласен с тем, что повышенная стоимость определенных товаров, вызванная спросом, имеет тенденцию вызывать увеличение оборота, но всегда вследствие дешевизны некоторых других товаров. Поэтому их дешевизна является непосредственной причиной введения дополнительных денег.

Я не был дома с тех пор, как получил ваше письмо. Я посмотрю отрывок, на который вы меня отсылаете, в книге Адама Смита [38], и рассмотрю другие вопросы в вашем письме, чтобы быть готовым изложить вам свою теорию при встрече.

Факты, которые вы извлекли из таблиц Ветенхолла, любопытны [39] и вряд ли согласуются с какой-либо теорией. Я объясняю многие из них состоянием замешательства, в которое Европа была ввергнута масштабами и характером войны; и было бы совершенно невозможно правильно рассуждать на их основе, не подсчитав, каково было состояние реального, а также расчетного обмена в упомянутые периоды. Прошу вас, передайте мои наилучшие пожелания миссис Мальтус, и поверьте мне,

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

VI.

Уважаемый сэр,

Я, не теряя времени, отвечаю на ваше любезное письмо и стараюсь, насколько это в моих силах, устранить очень немногие возражения, которые мешают нам придерживаться совершенно одинакового мнения по поводу денег и законов, регулирующих их стоимость в

странах, имеющих постоянные торговые сношения друг с другом. В этой дискуссии у меня нет иной точки зрения, кроме той, которую вы признали, - распространение истины; поэтому, если мне не удастся убедить вас и вы выразите свое мнение в печати, для меня не имеет значения, упомянете ли вы мое имя или нет. Я верю, что вы сделаете то, что наиболее полно будет способствовать установлению справедливых принципов науки.

Мне кажется, что нет никакой существенной разницы между слитками и любым другим товаром в том, что касается регулирования их стоимости и законов, определяющих их экспорт или импорт. Верно, что слитки, помимо того, что они являются товаром, полезным в искусстве, были повсеместно приняты в качестве меры стоимости и средства обмена; но по этой причине они не были исключены из списка товаров. Конкретному изделию было найдено новое применение; следовательно, на него возрос спрос и увеличилось предложение. Это новое употребление сделало каждого человека торговцем слитками; он покупает их, чтобы продать снова, и общая конкуренция всех этих торговцев будет так же верно и строго регулировать их стоимость в каждой стране, как конкуренция тех же или других торговцев будет регулировать стоимость всех других товаров. С вашего позволения я называю каждого покупателя товаров торговцем слитками; и хотя на языке коммерсантов продавцы денег во всех случаях называются покупателями, от этого не менее верно, что они являются продавцами одного товара и покупателями другого. Природа зерна не изменилась от открытия того, что ему можно найти новое применение путем ферментации и дистилляции; и если бы мы впоследствии обнаружили, что его можно использовать для сотни других целей, способствуя комфорту и удовольствиям человечества, спрос на него увеличился бы, и цена на него в первую очередь значительно возросла бы; но это было бы единственным изменением, которому он подвергся; его продолжали бы ввозить и экспортировать по тем же правилам, что и любой другой товар. Я не сомневаюсь, что по этому вопросу у нас не должно быть разногласий; следовательно, вам остается показать, почему новые виды использования, для которых золото было применено вследствие его принятия в качестве мировых денег, должны освобождать его от общего закона конкуренции и почему оно не должно определенно и неизменно (неизменно только в том случае, если этот термин применяется к другим товарам) стремиться к наиболее выгодному рынку.

Вероятно, слово "избыточность" не было удачно выбрано мной для выражения впечатления, произведенного на мой взгляд, о причине неблагоприятного торгового баланса; но, просматривая статью в Обзоре, [40] Я нахожу, что вы используете его именно в том смысле, в котором я хочу донести свою мысль, поскольку вы признаете, что относительно избыточная валюта может быть и часто является причина неблагоприятного торгового баланса; но вы утверждаете, что это не единственная причина. Теперь я, так понимая это слово, утверждаю, что это неизменная причина. Эта относительная избыточность может быть вызвана как уменьшением количества товаров, так и фактическим увеличением количества денег (или, что то же самое, увеличением экономии в их использовании) в одной стране; или увеличением количества товаров или уменьшением количества денег в другой. В любом из этих случаев избыточное количество денег производится так же эффективно, как если бы рудники стали более производительными. Я не отрицаю, что в стоимости драгоценных металлов действительно происходят временные колебания; напротив, я утверждаю, что эти колебания никогда не прекращаются; но я приписываю их все одной причине, а именно избыточности валюты, произведенной одним из вышеупомянутых способов, а не спросу на определенные товары. Эти требования, по моему мнению, регулируются относительным состоянием валюты;

они являются не причинами, а следствиями. Мне кажется, вы недостаточно учитываете обстоятельства, [которые] побуждают одну страну брать на себя обязательства перед другой. [Bo] всех случаях, которые вы приводите, вы всегда предполагаете, что [deb] t уже заключен, забывая, что я единодушно утверждаю, что именно относительное состояние валюты является мотивом для самого контракта. Я говорю, что зерно не будет куплено, если денег не будет в относительном избытке; вы отвечаете мне, предположив, что оно уже куплено и вопрос касается только оплаты. Торговец не станет брать долг за зерно перед иностранной страной, если он не будет полностью убежден, что получит за это зерно больше денег, чем он договаривается заплатить за него, и, если бы торговля двух стран ограничивалась этими сделками, для меня это было бы столь же убедительным доказательством того, что деньги были излишними в одной стране, как и то, что кукуруза была излишней в другой. Это также доказало бы, что ничего, кроме денег, не было лишним. Если бы сахар действительно экспортировался каким-либо другим торговцем, долг за зерно был бы выплачен без вывоза денег, и я бы сказал, что сахар был избыточным товаром; а экспорт сахара, более избыточного товара, за счет уменьшения совокупного количества товаров повысил бы стоимость денег, так что через короткое время деньги, если бы кукуруза продолжала импортироваться, а сахар экспортироваться, перестали бы быть избыточными даже по сравнению с кукурузой. Ваше замечание справедливо относительно дополнительных расходов, связанных с вывозом крупногабаритных товаров; но во всех этих рассуждениях мы должны предполагать, что эти расходы составляют часть цены товара; наше сравнение проводится по ценам, по которым импортер мог бы позволить себе продать их, и эти цены обязательно включают расходы любого рода. Я не думаю, что знание вычисленной биржи Ямайки пролило бы какой-либо свет на предмет спора [41]. Я, однако, постараюсь узнать все подробности, касающиеся этого, и надеюсь, что смогу в следующую субботу нанести вам визит в Хартфордшир, где мы продолжим обсуждение этих кажущихся трудностей.

Я, дорогой сэр, с большим уважением,
Ваш покорный слуга,
Дэвид Рикардо.

Трогмортон-стрит, 18 июня 1811 года.

VII. [42]

Уважаемый сэр,

Я был так занят с тех пор, как имел удовольствие получить ваше письмо, что у меня не было возможности ответить на него до сегодняшнего вечера.

Информацию, которую вы желаете получить относительно премиальных по векселям на Ямайке с 1808 года по настоящее время, я постараюсь раздобыть, но, поскольку все эти сделки совершаются на Ямайке, и поскольку здешние торговцы часто не знакомы с ценами, по которым согласовываются переводимые им векселя, я не уверен, что добьюсь успеха.

Я очень сожалею, что вероятность того, что мы окончательно придем к согласию по вопросу, который в последнее время привлек наше внимание, столь мала. Определение, которое вы даете слову "избыточный" применительно к валюте, меня не удовлетворяет. Хотя следует допустить, что повышение цен на один товар в случае нехватки зерна должно сопровождаться

падением цен на все остальные, почему при таких обстоятельствах избыток валюты должен быть невозможен? Я полагаю, что валюту следует рассматривать как единое целое и как таковую сравнивать со всеми товарами, в обращении которых она находится. Если тогда они будут в большей пропорции к товарам после, чем до скудного урожая, в то время как такого изменения в пропорциях между деньгами и товарами за границей не произошло, мне кажется, что никакое выражение не может более точно описать такое положение вещей, чем "относительный избыток валюты". При таких обстоятельствах не только деньги, но и любой другой товар стал бы сравнительно дешевым по сравнению с кукурузой и, следовательно, экспортировался бы в обмен на кукурузу, которая пользовалась бы спросом в этой стране. Таким образом, под относительной избыточностью я подразумеваю относительную дешевизну, и экспорт товара я считаю, во всех обычных случаях, доказательством такой дешевизны. Действительно, от того, кто допускает, что количество денег, используемых в какой-либо стране, регулируется их стоимостью и, следовательно, может быть сравнительно избыточным, хотя бы оно составляло всего миллион, или недостаточным, хотя бы оно составляло сто миллионов, я не ожидал бы какого-либо расхождения во мнениях относительно сравнительной дешевизны денег, являющейся единственным удовлетворительным доказательством их избыточности. Однако, если бы я думал, что разница между нами заключается в правильном употреблении слова, я бы немедленно изложил суть спора, но я убежден, что мы не согласны в принципе. Вы придерживаетесь мнения, что плохой урожай повысит цены на кукурузу, но в некоторой степени снизит цены на другие товары. Сделало бы это или нет, несущественно; но, если ваше мнение верно, тогда я говорю, что вывоза денег не было бы, потому что деньги не были бы самым дешевым экспортируемым товаром. Если бы до неурожая деньги имели одинаковую стоимость в любых двух странах, то есть все их экспортируемые товары без исключения были по одинаковым ценам в обеих, то, согласно вашему взгляду на вопрос, после дефицита цены на все товары упали бы в стране, где произошел такой дефицит. Хотя тогда цены в двух странах были неодинаковыми, в обмен на зерно экспортировались бы только товары, и между нами не было бы никаких вопросов, потому что мы расходимся во мнениях относительно причины вывоза денег. Вы действительно сказали, что на внешнем рынке может возникнуть избыток товаров. Что? избыток товаров по более высокой цене! невозможно, — эти два обстоятельства несовместимы. Если цена на какой-либо товар составляла 20 фунтов стерлингов в обеих странах и вследствие неурожая она была снижена до 15 фунтов стерлингов в одной из них, избыток этого товара в другой стране не мог возникнуть до тех пор, пока он там также не упал до 15 фунтов стерлингов. Не только цена одного товара должна упасть на внешнем рынке, но и цены на все (поскольку вы предполагаете, что все они упали в Англии), прежде чем деньги могли быть экспортированы в обмен на зерно, и тогда я бы допустил, что деньги будут экспортированы, но даже тогда это было бы так только потому, что в целом они были более дешевыми по сравнению с товарами в стране-экспортере, и это, как я утверждаю, является доказательством их относительной избыточности. Вы утверждаете, что плохой урожай делает деньги дешевыми по сравнению только с хлебом, но со всеми другими товарами они дороже, чем раньше, — и затем, что кажется мне очень непоследовательным, вы настаиваете на том, что этот товар, ставший таким образом дефицитным и дорогим, будет экспортироваться, хотя до того, как он вырос в цене, у него не было тенденции уходить от нас, в то время как также есть товары, которые претерпели противоположное изменение, которые из более дорогих стали дешевле и которые, тем не менее, будут упорно удерживаться нами. Это способ рассуждения, с которым я не могу примириться.

Что касается другого момента, а именно того, что биржа точно измеряет обесценивание валюты [43], я не могу не смиренно придерживаться этого мнения, несмотря на то, что высокие инстанции настроены против меня. Я не хочу утверждать, что потрясенное состояние биржи, подобное тому, которое было бы вызвано субсидией, предоставленной иностранной державе, точно измерило бы стоимость валюты, потому что спрос на векселя, возникающий по такой причине, не был бы следствием естественной торговли страны. Следовательно, такой спрос привел бы к форсированию экспорта товаров посредством вознаграждения, которое предоставил бы обмен. После выплаты субсидии обмен снова будет точно отражать стоимость валюты. За иностранными расходами правительства последуют те же последствия, что и в случае с субсидией. Они имеют естественную тенденцию создавать невыгодный обменный курс, однако, если спрос на векселя регулярный, удивительно, как эта награда за экспорт будет снижена из-за конкуренции между экспортерами товаров. Я придерживаюсь мнения, что при обычном ходе дел, если в силу какого-либо из столь часто упоминаемых обстоятельств произойдет небольшое изменение стоимости валют любых двух стран, об этом быстро сообщат бирже; и, если такое положение вещей будет продолжаться постоянно, биржа не будет иметь тенденции к саморегулированию. Однако факт, по-видимому, заключается в том, что пропорции между валютами и товарами стран не являются постоянными — они подвержены постоянным колебаниям, всегда приближающимся к абсолютному уровню, но никогда по-настоящему его не достигающим. Надеюсь, я не утомил вас защитой, которую я попытался привести в защиту мнений, которые я усвоил. Я уверяю вас, что я не придерживаюсь какой-либо системы, но готов отказаться от любых взглядов, которых я, возможно, придерживался, как только я удостоверюсь, что они неверны. Я не премину внимательно рассмотреть главы из работы сэра Дж. Стюарта, которые вы упомянули [44]. Я надеюсь до конца лета навестить вас в Хартфорде.

Я, дорогой сэр,
искренне Ваш,
Дэвид Рикардо.

Нью-Гроув, Майл-Энд, 17 июля 1811 года.

VIII.

Уважаемый сэр,

Я задолго до этого надеялся, что буду иметь удовольствие увидеть вас в Лондоне. Я с нетерпением жду возможности представить миссис Мальтус и миссис Рикардо друг другу, и я, конечно, воспользуюсь полуобещанием, которое миссис Мальтус дала мне по этому поводу, когда я пользовался вашим гостеприимством в Хартфорде. У нас мало дел, и в вашем распоряжении всегда есть кровать, так что я надеюсь, что в ваш самый первый визит в Лондон вы окажете мне честь и займетесь ею.

Один мой друг писал на тему золотых слитков. Беру на себя смелость отправить вам ГИПЕРССЫЛКУ MS. Если бы вы могли просмотреть его и высказать мне свое мнение о нем, вы были бы мне очень обязаны. Он был бы вынужден подготовить это для печати, если бы считал, что способ изложения аргументации с большей вероятностью заставит замолчать наших

противников и убедить тех, кто не является нашими противниками, чем способ, в котором это было изложено любым другим человеком. Если вы настолько заняты, что не можете уделить этому свое внимание в настоящее время, не церемоньтесь со мной, а верните рукопись с дилижансом, отправленным ко мне на Трогмортон-стрит, 16. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я, дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Фондовая биржа, 17 октября 1811 г..

IX.

Трогмортон-стрит, 22 октября 1811 года.

Уважаемый сэр,

Я чрезвычайно признателен вам за труд, который вы взяли на себя, просматривая бумаги, которые я вам послал, и за замечания, которые вы сделали по ним. Несмотря на ваше лестное поощрение, я думаю, что у меня не будет достаточно уверенности, чтобы снова обратиться к публике; — цель, которую я имел в виду, полностью достигнута, — внимание общественности пробуждено, и обсуждение теперь в самых умелых руках. Я сожалею, однако, что вы не можете заставить себя присоединиться к моей доктрине относительно того, что обмен не зависит ни от каких других причин, кроме отношения, которое количество валюты имеет к использованию, для которого она требуется у различных народов земли. Это может исходить из того, что вы интерпретируете мое предложение несколько жестко. Я хочу доказать, что если бы страны действительно понимали свои собственные интересы, они никогда бы не экспортировали деньги из одной страны в другую, кроме как из-за сравнительного избытка. Я действительно предполагаю, что нации в своих коммерческих операциях настолько ориентированы на свою выгоду, особенно при нынешнем улучшенном состоянии разделения занятий и изобилии капитала, что фактически деньги никогда не обращаются иначе, как когда это выгодно как стране, которая отправляет, так и стране, которая получает, что они должны это делать. Первый момент, который следует рассмотреть, заключается в том, в чем предполагается заинтересованность стран в данном случае? Второй, какова их практика? Теперь очевидно, что мне не нужно сильно беспокоиться по поводу этого последнего пункта; для моей цели будет достаточно, если я смогу четко продемонстрировать, что интерес общественности соответствует тому, о чем я заявил [46]. Мне не ответили бы, если бы сказали, что люди были невежественны в отношении наилучшего и дешевого способа ведения своего бизнеса и уплаты своих долгов, потому что это вопрос факта, а не науки, и его можно было бы опровергнуть почти в каждом предложении политической экономии. Следовательно, вам предстоит доказать, что может существовать случай, когда *винтересах* нации может стать выплата долга путем перевода денег, а не каким-либо другим способом, когда деньги не являются самым дешевым экспортируемым товаром, — когда за деньги (принимая во внимание все расходы, которые могут сопровождать вывоз различных товаров, а также денег) за границей можно купить не больше товаров, чем дома. Мне кажется, вы неоднократно признавали, что именно

относительные цены на товары регулируют их экспорт. Не ли тогда столь же очевидно, что деньги пойдут в ту страну, где большая часть товаров дешева, как и то, что товары пойдут в любую другую страну, где большая часть товаров дорога? Я говорю "основную часть", потому что, если дешевизна одной половины экспортируемых товаров будет уравновешена дороговизной другой половины в обеих странах, очевидно, что торговля таких стран будет ограничена только обменом товарами. Когда вы говорите, что деньги пойдут за границу для уплаты долга или субсидии, или на покупку зерна, хотя они и не будут в избытке, но в то же время допускаете, что [они] быстро вернутся и будут обменены на товары, вы, как мне кажется, допускаете все, на что я претендую, а именно, что [это будет] в *интересах* обеих стран, когда денег не будет в избытке в той, которая задолжала, что расходы на вывоз денег следует экономить, потому что за ними последуют другие бесполезные расходы — отправка их обратно. снова.

Если в какой-либо стране существует дороговизна импортируемых товаров и нет соответствующей дешевизны экспортируемых товаров, деньги в такой стране превышают свой естественный уровень и должны безошибочно экспортироваться в оплату дорогих товаров, — но на что указывает такое положение вещей, как не на избыток валюты, и, конечно, можно правильно сказать, что деньги экспортируются для восстановления уровня, а не для его разрушения. Я должен извиниться за то, что снова беспокою вас своим мнением, но вы втянули меня в это. Я буду счастлив возобновить наш разговор по этим спорным вопросам, как только вам будет удобно посетить нас в Лондоне, и я надеюсь, что пройдет совсем немного времени, прежде чем миссис Мальтус и вы почтите нас своим обществом. Когда-нибудь в будущем я буду иметь большое удовольствие снова навестить вас в Хартфорде.

Я, дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Х.

Нью-Гроув, Майл-Энд, 22 декабря 1811 г..

Мой дорогой сэр,

Прежде всего, я пишу вам, чтобы напомнить, что мы с миссис Рикардо полностью рассчитываем на удовольствие от миссис Мальтус и вашего общества в Майл-Энде в следующем месяце, когда, как мы надеемся, наши усилия сделать ваш визит комфортным побудят вас надолго остаться у нас. Во-вторых, я желаю исправить некоторые ошибки в бумагах, которые я оставил вам и которые я смог обнаружить, как и многие другие, благодаря остроумным аргументам, которыми вы опровергли мои выводы. В моих попытках проследить последствия субсидии [47] в форсировании экспорта товаров я заявил, если мне не изменяет память, что это вызовет, во-первых, спрос на векселя; во-вторых, экспорт всех тех товаров, цены на которые уже настолько различаются в двух странах, что потребуются лишь незначительный стимул, который обеспечило бы первое падение курса; в-третьих, реальное изменение цен на

товары. относительное состояние цен, а именно. рост экспорта и падение в стране—импортере - также в определенной степени для того, чтобы уравновесить выгоду от неблагоприятного обмена; и, наконец, дальнейшее падение обмена и последующий вывоз дополнительного количества товаров, а затем и денег, пока субсидия не будет выплачена. Таким образом, оказывается, что если бы субсидия была небольшой, она была бы полностью оплачена вывозом товаров, поскольку падение курса было бы достаточным для поощрения *их* вывоза, но недостаточным для поощрения вывоза денег. Если бы вывоз денег находился в той же пропорции, что и вывоз товаров, то есть если предположить, что товары в стране равны 100, а ее деньги равны двум, то, если бы не менее одной пятидесятой вывоза в уплату субсидии состояло из денег, цены после такой выплаты были бы такими же, как и раньше, в обеих странах, и, хотя обмен должен был упасть до того предела, при котором вывоз денег становился прибыльным, он немедленно имел бы тенденцию к восстановлению и вскоре поднялся бы до номинала; но это происходит именно потому, что меньше этой пропорции денег в экспорте становится прибыльным. будет доказано, что курс будет оставаться постоянно неблагоприятным и не будет иметь тенденции к росту, скорее, чем к падению.

Я полагаю, вы признаете, что в случае увеличения курса на 2 процента. в нашей валюте, хотя бы она была полностью металлической, цены на товары выросли бы в этой стране на 2 процента. выше их прежнего уровня, и что такой рост, будучи ограниченным только этой страной, сдерживал бы экспорт и стимулировал импорт; следствием чего был бы спрос на векселя и падение курса. Этот рост цен и падение курса, исходя из того, что вы не возражаете назвать избыточной валютой, были бы не временными, а постоянными, если бы они не были скорректированы уменьшением количества валюты здесь или каким-либо изменением относительного количества валют других стран. Я полагаю, вы, с очень небольшими оговорками, признаете, что это было бы следствием прямого увеличения денежной массы. Теперь, поскольку плохой урожай или голосование за субсидию имеют тенденцию *[sic]* вызывать одни и те же эффекты, а именно относительное состояние высоких цен внутри страны, сопровождаемое неблагоприятным обменом, они допускают только одно и то же лекарство, — и, как в случае увеличения денежной массы, обмен не имел бы тенденции к росту, так и в случае субсидии, поскольку неблагоприятный обмен в обоих случаях вызван избыточной валютой, или, говоря более популярным языком, относительным состоянием цен, которое делает вывоз денег наиболее выгодным [48]. Яединодушно утверждал, что деньги мира распределяются между различными странами в соответствии с их торговлей и платежами, и что, если в какой-либо стране по какой-либо причине окажется, что они превышают эту пропорцию, избыток безошибочно будет вывезен для распределения между другими странами. Я, однако, всегда предполагал, что мои читатели поймут, что я имею в виду, что это было бы строго фактом только в том случае, если бы деньги можно было вывозить без каких-либо затрат. Если расходы на вывоз денег во Францию составляют 3%, в Вену - 5%, в Россию - 6% и в Ост-Индию - 8%, то валюта Англии может превысить свой естественный уровень по сравнению с этими странами на 3, 5, 6 и 8%. соответственно, и, следовательно, обмен может постоянно оставаться подавленным в этих пропорциях. Если однажды возникает избыток валюты, [недобросовестный] обмен должен продолжаться до некоторого изменения относительного количества валюты. Обстоятельства, которые [могут] вызвать такое изменение, многочисленны и полностью описаны в бумагах, которые я оставил вам. Я особенно прошу вашего внимания к точному согласию между эффектами увеличения денежной массы и эффектами субсидии, поскольку от такого согласия зависит весь успех аргументации, которую я выдвигаю в пользу моего мнения о

том, что неблагоприятный обмен не имеет тенденции к саморегулированию. Можно настаивать на том, что относительный уровень высоких цен внутри страны, вызванный увеличением денежной массы, является естественным следствием такой причины, но что это не относится к субсидии; что экспорт товаров в уплату субсидии является вынужденным и что это вызовет перенасыщение на внешнем рынке, но что после выплаты субсидии и прекращения необходимости в экспорте цены на внешнем рынке вырастут до их прежнего уровня. Однако это будет неправдой. Товары могут незначительно подорожать за границей, но не смогут восстановить свой прежний курс, если только курс обмена также не повысится до номинала, но этого никогда не произойдет, пока спрос на векселя не превысит предложение. Теперь, поскольку цены на иностранные товары на внутреннем рынке, которые не могли быть предоставлены в обычном изобилии во время действия субсидии, когда у нас был большой остаток средств для оплаты, упали бы и стали пользоваться большим спросом с того момента, как наши товары были бы получены в обмен, экспорт наших товаров был бы уравновешен импортом иностранных товаров, и продавцы векселей не превзошли бы покупателей и не отставали бы от них. Такова суть поправок, которые я хочу внести в свою статью, которая сейчас настолько ошибочна, что я буду рад, если ее мне вернут. Будьте добры, возьмите его с собой, когда приедете в город.

Я, мой дорогой сэръ,
с глубоким уважением отношусь к Вам,
Дэвид Рикардо.

XI [49].

Лондон, 29 августа 1812 г..

Мой дорогой сэръ,

Сегодня вечером я намереваюсь уехать из города в Рамсгейт, где, думаю, пробуду недели две, так что не могу принять ваше любезное приглашение на следующую субботу; но я надеюсь, что пройдет совсем немного времени, прежде чем я направлю свои стопы к вашему гостеприимному крову. Если в субботу 19 сентября вы будете совершенно свободны и это будет во всех отношениях удобно вам и миссис Мальтус, я буду рад выпить с вами чаю вечером того же дня. Я буду вынужден уволиться от вас в понедельник утром. Надеюсь, мне нет нужды говорить, что я буду чрезвычайно огорчен, если причину вам малейшие неудобства, и что для меня будет в равной степени приятно навестить вас в любую субботу после 19-го, если я не буду приглашен в Рамсгейт.

Возможно, вы будете так добры написать несколько строк, адресованных Фондовой бирже, за несколько дней до 19-го, поскольку я, несомненно, буду в городе в это время. Я признателен вам за интерес, который вы проявляете к цене *Omnium*. Похоже, что он находится в очень хорошем состоянии. Мистер Голдсמיד [50] сообщает мне, что в период улучшения ситуации на бирже накануне Рождества прошлого года, насколько ему известно, не было импорта золота из Франции. Небольшое количество было импортировано из Лиссабона. Я просмотрел список *Wetenhall* [51], и, похоже, ниже приведены изменения в обмене и цене золота на прошедшее Рождество.

	Обмен с гамбургом.	Дублионы, за унцию	Португальский язык золотого, [пер. ОЗ.]
1811.		£ сек. д	£ сек. д.
Ноября. 29	24	4 0 15	
декабря. 3	24·6		4 18 6
"6	24·6	4 14 6	4 18 6
" 13	25	4 15 6	
"20	25		4 19 0
" 31	27·6		
1812.			
Января. 3	27·6	4 14 0	4 18 6
" 31	27·6		4 18 6
февраля. 21	28		4 0 17
марта. 20	29		4 15 6
" 31	29·4	4 14 6	4 13 6
Апреля 21	29·4	4 17 6	4 17 6
5 Июня -	28·6		4 18 6
Июля-31	28·9	4 19 0	5 0 0
Августа. 28	28·9	5 0 0	

Цена доллара вчера составляла 6/3 / ½ за унцию, что на один пенни выше любой цены, когда-либо указывавшейся. Я думаю, что еще совсем незначительное повышение приведет к выводу токенов из обращения. Мы поговорим на нашу старую тему при встрече. Сейчас я очень спешу и поэтому должен закончить. Прошу вас, передайте мои наилучшие пожелания миссис Мальтус,

И поверьте мне, мой дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

[В конце написано карандашом почерком Мальтуса: "Импортировались ли какие-либо слитки из Гамбурга в марте?"]

XII.

Лондон, 17 декабря 1812 г..

Мой дорогой сэр,

Я написал мистеру Торнтону [52], чтобы попросить его встретиться с вами за ужином в моем доме в любой наиболее удобный для него день, после субботы и до четверга, но я не получил его ответа вовремя для сегодняшней публикации. Я пришлю тебе реплику в "Король треф". Я только попрошу мистера Шарпа встретиться с нами. Ты не останешься с нами, пока будешь в городе? Уверяю вас, это было бы весьма удобно, и это доставило бы мне огромное удовольствие. Если миссис Мальтус будет сопровождать вас, это будет еще приятнее, и миссис Рикардо просила меня присоединить ее просьбы к моим собственным.

По многим пунктам, связанным с нашим старым вопросом, мы, я полагаю, согласны, хотя между нами все же есть некоторые различия. В последнее время я не уделял этому столько внимания, сколько вы, и я всегда сожалею, что не записываю в письменном виде, поскольку у меня очень предательская память, основные разногласия, возникающие в наших дискуссиях. Я не могу отделаться от мысли, что не существует невыгодного для обмена, который не мог бы быть исправлен уменьшением количества валюты, и я считаю это доказательством того, что валюта должна быть избыточной, по крайней мере, на какое-то время. Хотя обмен неблагоприятен, он всегда сопровождается, хотя и не всегда вызван, избытком валюты. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я, мой дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

... Когда я уже собирался уезжать из города, я получил ответ мистера Торнтон. Он занят в среду и четверг и назначил нашу встречу на понедельник, но он хочет, чтобы мы встретились в его доме, поскольку в Палате лордов состоятся дебаты по вопросу о слитках, и он не уверен, что его присутствие в Палате общин может не потребоваться. Я улажу с ним этот вопрос, и если вы не получите от меня известий, я буду ждать вас у себя дома в понедельник, если вы не согласитесь прийти в субботу вечером.

Примечание.—Томас Тук в своей "Истории цен и состояния обращения с 1839 по 1847 год" (издание 1848 г.) [53] ссылается на этот спор между Рикардо и Мальтусом об отношении валюты к торговому балансу и цитирует длинные выдержки из статьи Мальтуса в *Edinburgh Review*, где (как и в это соответствие [54]) Мальтус утверждает, что драгоценные металлы постоянно используются в платежах, производимых одной страной другой, даже если до этого момента валюты обеих стран были на их обычном уровне. Точка зрения Рикардо заключается в том, что ничто, кроме состояния валюты, не может повлиять на иностранные биржи. Еще в 1840 году государственные деятели цеплялись за идею, что директора Банка Англии могли действовать на биржах только путем увеличения или уменьшения обращения [55]. Тук (за которым позже последовал Ньюмарч, едва ли меньший авторитет) принимает сторону Мальтуса и считает, что ответ Рикардо ему в Приложении к Трактату о слитках "представляет собой" немногим больше, чем повторение в различных формах выражения, в соответствии с фразеологией, характерной для рассматриваемой теории, аксиомы о том, что золото не будет экспортироваться, если оно

не будет дешевле другого товара, предполагая, следовательно, тот факт, что все товары были в то время дороже в этой стране, чем за границей, и относительно золота"; — тогда как кажется, что [56] что между 1809 и 1811 годами основная масса товаров на Континенте стоила гораздо дороже (измеряется в золоте), чем в Англии; "континентальная система" вынудила огромные запасы товаров оставаться в Англии непригодными для продажи из-за отсутствия физической возможности у торговцев ими доставлять их на Континент, хотя они делали все возможное, чтобы провезти их контрабандным путем. Гельголанд или Турция вторглись в Германию, а дверь Португалии была приоткрыта. Кофе в Англии был недоступен в 6 часов дня. фунт, и в то же время на Континенте он стоил 4 *фунта* или 5 *фунтов*. Наполеон обычно следил за текущими ценами в Англии, и, если он находил золото дорогим, а кофе дешевым в Англии, он был удовлетворен тем, что его берлинские и миланские указы хорошо выполнялись, в то время как англичане видели лишь еще одно доказательство того, что Банк чрезмерно расширяет свои эмиссии. Тук и Мальтус согласились, что разница между рыночной ценой и ценой на монетном дворе золотых слитков была полной мерой обесценивания валюты; но "ультра-слитковеды" на этом не остановились. Туку, как и Рикардо в другом случае (см. Письмо XLII), пришлось "написать книгу, чтобы убедить" их, а именно свои "Мысли и подробности о высоких и низких ценах за последние тридцать лет" (1823).

XIII.

Лондон, 30 декабря 1813 г..

Мой дорогой сэр,

Я развлекал себя в течение одного или двух вечеров подсчетом курсов валют, цен на золото и т.д. В Амстердаме и прилагаю результат моего труда. У меня есть все основания полагать, что мои расчеты верны, хотя я несколько озадачен прибылью, которую, по—видимому, можно получить от импорта золота из Амстердама, если цены там указаны правильные [*так в оригинале*]. Если бы разница была в другую сторону, мы могли бы приписать ее тому, что голландские деньги не так хороши, какими они должны быть по правилам монетного двора; но в данном случае за гульден, какими бы хорошими они ни были, можно купить золота на 9½% дешевле, чем в Лондоне. Мне сказали, что золото, которое нельзя экспортировать, значительно упало в цене, хотя золото, которое можно экспортировать, сохраняет свою цену. Я полностью ожидаю, что иностранное золото подешевеет.

С понедельника у нас продолжается туманная погода. Днем мы вынуждены зажигать свечи, а ночью с величайшим трудом находим дорогу к своим домам. Я надеюсь, что вам повезло больше и вы дышите более чистой атмосферой. Мы будем ждать вас на Брук-стрит во время вашего следующего визита в Лондон. Будьте любезны написать за день до вашего приезда. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я, дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

[ТАБЛИЦЫ ПРИЛАГАЮТСЯ К ПИСЬМУ XII.]

В графах 11 и 12 при проверке будет показано, перевозится ли серебро из Лондона в Амстердам или из Амстердама в Лондон. Предположим, что цена серебра в Лондоне равна 6s. 7д., а на бирже в Амстердаме - 28s. Против 6с. 7д. в колонке 11 обменный курс равен 29· 41 в колонке 12; следовательно, при 28 он невыгоден Амстердаму, и серебро может быть экспортировано из Амстердама в Лондон с прибылью в 5%. Если бы при тех же обстоятельствах курс обмена был равен 31, серебро можно было бы экспортировать в Амстердам с прибылью в 5%.

В столбцах 8, 9 и 10 будет показано, из какой страны можно выгодно экспортировать золото. Предположим, что цена золота в Амстердаме составляет 16%. надбавка, ажио 3%., обмен с Лондоном 31 и цена золота в Лондоне 5 10фунтов стерлингов. Из какой страны было бы экспортировано золото и с какой прибылью?

Против 16 процентов. в столбце 1 обменный курс в столбце 8 равен 39· 64, а против 5 фунтов стерлингов - 10шиллингов. цена золота в Лондоне в столбце 9 в столбце 10 указан множитель · 708. 39· 64, умноженный на · 708, дает 28 · 06 номинала банкнот; следовательно, когда курс обмена равен 31, это невыгодно Голландии, и золото может быть вывезено оттуда с прибылью в 10½ процента. почти. Или примерно так: унция стандартного золота, когда марку можно было купить за 16 процентов. премия в Амстердаме обошлась бы banco в 154 · 3 фламандских шиллинга, когда agio составлял 3%., что в переводе на английские деньги в 31 [фламандский] шиллинг за фунт стерлингов даст 4 19ш. 6д. Но в Лондоне он будет продаваться за 5 10фунтов стерлингов. что составляет прибыль в 10½ процента. почти.

1	2	3 [57]	4	5	6 [58]	7	,	,	,	11	12
Цена	Стои	Соответ	Соответ	Стои	Стои	Реаль	Реаль	Есл	номи	цену	Обме
злот	мост	ствующ	ствующ	мость	мость	ный	ный	и	налу	станд	нный
а в	ь	ая цена	ая цена	унции	унции	обме	обме	цен	слитк	артно	курс с
Амст	мар	унции	унции	станд	станд	нный	нный	а	а, его	го	Амсте
ерда	ки в	стандар	стандар	артно	артно	курс	курс	золо	необ	сереб	рдам
ме.	теку	тного	тного	го	го	во	во	та в	ходи	ра в	ом в
Прем	щих	золота	серебр	золот	золот	флам	флам	Лон	мо	Лонд	Бансо
ия	гуль	в	а в	а во	а во	андск	андск	дон	умно	оне в	.
соста	дена	Лондон	Лондон	флам	флам	их	их	е в	жить	банкн	Аджи
вляет	х.	е.	е.	андск	андск	текущ	шилл	бан	на	отах	о 3
355				их	их	их	ингах	кнот		за	стр.
ф.ст.				текущ	шилл	шилл	Бансо	ах		унци	гр.
за				их	ингах	ингах	за	рав		ю.	
марк				шилл	Бансо	за	фунт	на			
у.				ингах.	. Agio	фунт	стерл				
					3	стерл	ингов				
					годов	ингов	в				
					ых	золот	золот				
						ом.	е.				

		£ ы д					Аgio 3 п.н.	£ с. д.		сек. д.		
Пар - Ф. 355	Ф 355		68·00 пенсов	137	133	35·20	34·17					
1 п. гр. прем.	358· 55		67·32	138·4	134·3	35·55	34·51	4 0 0	·973	5 2	37·48	
2 "	362· 10		66·67	139·8	135·7	35·90	34·85	4 1 0	·961	5 3	36·88	
3 "	365· 65		66·02	141·3	137·2	36·25	35·19	4 2 0	·949	5 4	36·60	
4 "	369· 20		65·38	142·5	138·6	36·61	35·54	4 3 0	·938	5 5	35·75	
5 "	372· 75		64·76	143·9	139·8	36·95	35·87	4 4 0	·927	5 6	35·21	
6 "	376· 30		64·15	145·3	141·1	37·31	36·22	4 5 0	·916	5 7	34·68	
7 "	379· 85		63·55	146·6	142·5	37·66	36·56	4 6 0	·905	5 8	34·17	
8 "	383· 40		62·96	148	143·9	38·01	36·90	4 7 0	·895	5 9	33·67	
9 "	386· 95		62·39	149·3	145·3	38·36	37·24	4 8 0	·885	5 10	33·19	
	389· 37	3 17 10½	62	150·3	146·0	38·61	37·48					
10 "	390· 50	3 18 1		150·7	146·3	38·71	37·58	4 9 0	·875	5 11	32·72	
11 "	394· 05	3 18 10		152·1	147·6	39·06	37·92	4 10 0	·865	6 0	32·27	
12 "	397· 60	3 19 6½		153·5	149·0	39·62	33·27	4 11 0	·856	6 1	31·84	
13 "	401· 15	4 0 3		154·8	150·3	39·77	38·62	4 13 0	·838	6 2	31·42	
14 "	404· 70	4 0 11½		156·2	151·7	40·12	38·96	4 15 0	·820	6 3	30·98	
15 "	408· 25	4 1 8		157·5	152·9	40·48	39·30	4 17 0	·803	6 4	30·58	
16 "	411·	4 2 4½		158·9	154·3	40·83	39·64	4 19	·786	6 5	30·17	

	80						0			
17 "	415· 35	4 3 0½	160·3	155·6	41·18	39·98	5 0 0	·779	6 6	29·79
18 "	418· 90	4 3 9	161·7	157·0	41·54	40·32	5 2 0	·764	6 7	29·41
19 "	422· 45	4 4 5	163·1	158·3	41·89	40·67	5 4 0	·749	6 8	29·04
20 "	426	4 5 2	164·5	159·6	42·24	41·02	5 6 0	·735	6 9	28·69
21 "	429· 55	4 5 10½	165·8	161·0	42·59	41·36	5 8 0	·721	6 10	28·33
							5 10 0	·708	6 11	27·99
									7 0	27·66
									7 1	27·32
									7 2	27·02
									7 3	26·71
									7 4	26·40
									7 5	26·11
									7 6	25·82

XIV.

Лондон, 1 января 1814 г..

Мой дорогой сэр,

Закончив составление таблицы для бирж Гамбурга, аналогичной той, которую я уже отправлял вам для Голландии, я подумал, что вам, возможно, захочется получить ее копию [59]. Как в этом, так и в другом случае результат не совсем удовлетворительный; например, в настоящее время, я полагаю, обмен с Гамбургом котируется на 28шиллингов, а цена в долларах составляет 6шиллингов 11½д. Из таблицы видно, что при [такой] цене долларов обмен по номиналу составил бы 25фунтов стерлингов; следовательно, сейчас для Гамбурга невыгодно 12%, что, на мой взгляд, чрезмерно высоко. Фактически, при нынешних обстоятельствах не может быть никаких контактов с Гамбургом, и цитата должна быть только номинальной. Миссис Рикардо и я завтра рано утром уезжаем из Лондона в Брэдфорд; оттуда мы намерены отправиться в Гэткомб [60]и рассчитываем снова быть в городе в четверг. Надеюсь, мы скоро увидимся. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я, дорогой сэр,
искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Цена дукат а или 53 гран а чист ого золо та в марк ах банс о.	Цена унции стандарт ного золота во фламанд ских шиллинг ах banco. 	Обменны й курс с Лондоно м во фламанд ских шиллинг ах banco за фунт стерлинг ов золота.	Соответству ющая цена унции стандартног о серебра в Лондоне в пенсах.	Соответству ющая цена унции стандартног о золота в Лондоне в фунтах стерлингов и т.д.	Когда цена золота в Лондо не в банкно тах равна одной унции.	Обмен ный номин ал слитка долже н быть умнож ен на	, когда цена долла ра в Лонд оне указа на за унци ю.	Номинал ная обмена в серебро
					£ С. д.	сек. д.		
5·39	119·33	30·60	70·97		4 0 0	·973	4 11½	35·08
5·45	120·66	30·94	70·19		4 1 0	·961	5 1	34·22
5·51	121·99	31·28	69·43		4 2 0	·949	5 2½	33·39
5·57	123·32	31·63	68·68		4 3 0	·938	5 4	32·61
5·63	124·65	31·97	67·95		4 4 0	·927	5½ 5	31·87
5·69	125·98	32·33	67·23		4 5 0	·916	5 7	31·15
5·75	127·31	32·68	66·53		4 6 0	·905	5 8½	30·47
5·81	128·64	33·03	65·84		4 7 0	·895	5 10	29·82
5·87	129·96	33·37	65·17		4 8 0	·885	5 11½	29·19
5·93	131·29	33·72	64·51		4 9 0	·875	6 1	28·59
5·99	132·62	34·07	63·86		4 10 0	·865	6 2½	28·02
6·05	133·95	34·42	63·23		4 11 0	·856	6 4	27·46
6·11	135·28	34·76	62·61		4 13 0	·838	6 5½	26·93
6·17	136·61	35·08	62	3·893	4 15 0	·820	6 7	26·42
6·23	137·92	35·42		3·931	4 17 0	·803	6 8½	25·93
6·29	139·25	35·76		3·968	4 19 0	·796	6 10	25·46
6·35	140·57	36·11		4·005	5 0 0	·779	6 11½	25
6·41	141·89	36·45		4·043	5 2 0	·764	7 1	24·55
6·47	143·21	36·79		4·081	5 4 0	·749	7 2	24·13
6·53	144·54	37·14		4·119	5 6 0	·735		
6·59	145·86	37·48		4·157	5 8 0	·721		

6·65	147·19	37·83	4·195	5 0 10	·708
6·71	148·51	38·18	4·233		
6·77	149·84	38·52	4·270		
6·83	151·17	38·87	4·308		
6·89	152·50	39·22	4·346		

Примечание: 3 марки равны 8 фламандским шиллингам banco. Когда доллары стоят 4с. 11½д., стандарт составляет на 2½д. больше. Когда 6с. 1д., еще 3д.. При 7 секундах, еще дня..

XV.

[Адресовано Penr [h] yn Arms, Бангор, Северный Уэльс.]

Лондон, 26 июня 1814 г..

Мой дорогой сэръ,

... Я не могу разделить ваши сомнения относительно влияния ограничений на импорт кукурузы на снижение процентной ставки. Повышение цены или, скорее, стоимости хлеба без какого-либо увеличения капитала неизбежно должно уменьшить спрос на другие товары, даже если бы цены на эти товары не росли вместе с ценой на хлеб, что они, несомненно, сделали бы (хотя и медленно). При том же капитале было бы меньше производства и меньше спроса. Спрос не имеет других ограничений, кроме отсутствия возможности оплачивать требуемые товары. Все, что имеет тенденцию уменьшать производство, имеет тенденцию уменьшать эту способность. Норма прибыли и процента должна зависеть от соотношения производства к потреблению, необходимому для такого производства, — это опять же существенно зависит от дешевизны продовольствия, которая, в конце концов, независимо от интервалов, которые мы можем желать допустить, является главным регулятором заработной платы. Ничто не может более эффективно снизить спрос на наши изделия за границей, чем отказ от импорта зерна и других товаров, которые мы обычно получали в обмен на такие изделия. Если бы мы строго отказались импортировать какие бы то ни было [иностранные] товары, я твердо убежден, что мы вскоре прекратили бы экспорт любых товаров, даже если бы сделали золото исключением из общего правила. Наши деньги были бы на более высоком уровне, чем в других странах, но есть пределы, за которые они не могли бы выйти. Любая торговля, в конечном счете, является бартерной, и ни одна нация не будет долго покупать, если она не может также продавать, — и она не будет долго продавать, если она также не будет покупать. Если бы, проводя такую политику [*sic*], страна повысила стоимость потребляемого ею сырья, основным из которых является кукуруза, это тем самым снизило бы норму процента. В противном случае она могла бы быть лишена многих предметов роскоши и многих удобств или могла бы наслаждаться ими в меньшем изобилии, но норма процента не упала бы. Вы скажете, что это повторение старой истории, и я мог бы избавить вас от необходимости читать на расстоянии 200 миль то, что я так часто высказывал вам раньше в качестве своего мнения; но вы разозлили меня и теперь должны отвечать за последствия. Я никогда не был более убежден ни в одном положении

политической экономии, чем в том, что ограничения на ввоз зерна в страну-импортера имеют тенденцию снижать прибыль. Передайте от меня привет миссис Мальтус.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XVI.

Гэткомб-парк, недалеко от Минчин-Хэмптона, Глостершир,
25 июля 1814 г..

Мой дорогой сэр,

Я пишу вам из Гэткомба, куда я прибыл с С. в качестве моего компаньона вчера днем. Чтобы иметь возможность покинуть Лондон в то время, когда я это сделал, я был вынужден уделять необычно много внимания разного рода делам, и, хотя я написал вам письмо в ответ на ваше последнее перед отъездом с Брук-стрит, я был так недоволен им, что не мог решиться отправить его. Боюсь, сейчас у меня получится не лучше, но вы получите это, каким бы оно ни было, поскольку, если я отложу написание еще на какое-то время, вы, возможно, покинете Бангор до того, как мое письмо туда дойдет [61]. Мне кажется, что вы изменили положение, по которому мы, как казалось вначале, расходились во мнениях. Предложение, выдвинутое вами, если я правильно помню, состояло в том, что ограничения на ввоз зерна не снизят норму прибыли и процента, но теперь вы добавляете — или, скорее, ваши аргументы приводят к такому выводу, — "если следствием такого ограничения будет значительное сокращение капитала". С такой поправкой я не стал бы возражать против этого предложения, но я думаю, что существенно, чтобы причины были разделены, а должное воздействие приписывалось каждой из них. Ограничения на торговлю хлебом, если капитал не уменьшится, приведут к падению нормы прибыли и процента. Сокращение капитала независимо от ограничений на импорт зерна будет иметь тенденцию к увеличению прибыли и процентов, но между этими двумя действующими причинами нет необходимой связи, поскольку они могут в одно и то же время действовать совместно или в совершенно противоположных направлениях. Эффективный спрос, как мне кажется, не может увеличиваться или долго оставаться неизменным при уменьшающемся капитале; и ваш вопрос, почему, если бы это было правдой, прибыли растут в начале войны? это, я думаю, не имеет никакой связи с этим аргументом, потому что прибыль увеличится при уменьшении капитала и производства, если спрос, хотя и уменьшится, не будет уменьшаться так быстро, как капитал и производство. По противоположной причине прибыль будет уменьшаться, когда капитал и производство увеличатся. Это совершенно не зависит от темпов производства и часто, я думаю, может нейтрализовать последствия, которые обычно возникают и в долгосрочной перспективе почти всегда будут возникать в результате увеличения или уменьшения капитала. Вы говорите, что "пропорция производства к потреблению, необходимому для такого производства, по-видимому, определяется количеством накопленного капитала по сравнению со спросом на продукты капитала, а не просто трудностью и расходами на закупку зерна". Мне кажется, что трудность и расходы [62] на закупку зерна обязательно будут регулировать спрос на продукты капитала, поскольку спрос должен существенно зависеть от цены, по которой они производятся. их можно себе позволить, и цены на все товары должны вырасти, если будет повышена цена на зерно. Капиталист,

"который может счесть необходимым употребить сто дней труда вместо пятидесяти, чтобы произвести определенное количество хлеба", не может сохранить ту же долю для себя, если рабочие, нанятые в течение ста дней, не будут удовлетворены тем же количеством хлеба для своего существования, которое раньше имели рабочие, нанятые в течение пятидесяти дней. Если вы предположите, что цена хлеба удвоится, то капитал, подлежащий применению, выраженный в деньгах, вероятно, также почти удвоится - или, во всяком случае, значительно увеличится; и если его денежный доход должен образовываться от продажи хлеба, который остается у него после покрытия производственных издержек, то как можно представить, что норма его прибыли не уменьшится? Я надеюсь, что вы продолжаете получать удовольствие от окружающего вас дикого пейзажа. Погода здесь восхитительная, и я счастлив, насколько это возможно, вдали от всей семьи (кроме С...) и в окружении обойщиков, плотников и т.д.....

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Я верю, что в этом милом месте я не буду вздыхать по Фондовой бирже и ее удовольствиям.

XVII.

Гэткомб-парк, 11 августа 1814 г..

Мой дорогой сэр,

Я получил ваше письмо в прошлое воскресенье, и вечером того же дня миссис Рикардо и остальные члены моей семьи прибыли сюда. Я показывал им все красоты этого места, и эти три последних дня они полностью посвятили моему времени.... Я полагаю, что падение Omnium связано с нашими продолжающимися расходами и ожиданием получения еще одного кредита до завершения выплат по настоящему. Нынешнее состояние Бирж, по-видимому, указывает на реальное падение стоимости иностранных валют; это не может быть объяснено каким-либо изменением вкуса к конкретным товарам или каким-либо другим капризом. Я ожидал, что Мир снизит стоимость иностранной валюты, но, признаюсь, не в той степени, в какой это произошло. Это оставляет нерешенным вопрос между нами, а именно, не зависит ли обмен исключительно от относительного преобладания валюты. Мир сделал валюту континента гораздо более эффективной для ведения бизнеса.

Что касается нашего настоящего вопроса, мы расходимся во мнениях относительно последствий, которые *обязательно* должны последовать из ограничений на ввоз иностранной кукурузы. Я не думаю, что уменьшение капитала является *необходимым*, но вероятным эффектом. Мы согласны относительно последствий, которые повлечет за собой уменьшение капитала, но я должен сказать, что реальное уменьшение капитала уменьшит объем выполняемой работы и, следовательно, повлияет на заработную плату за труд и спрос на продовольствие. В предполагаемом случае ограничения на ввоз хлеба поощряют дальнейшее возделывание нашей собственной земли, но, *если* это сопровождается уменьшением капитала, это также препятствует возделыванию земли, и, по моему мнению, рост или падение прибыли должны зависеть от степени этих противодействующих причин. Верно, что производитель шерсти или хлопка не сможет произвести то же количество товаров с тем же капиталом, если он

будет вынужден платить больше за труд, который он применяет, но его прибыль будет зависеть от цены, по которой будут продаваться его товары после их изготовления. Если каждый человек полон решимости жить на свой доход, не посягая на свой капитал, то рост стоимости его товаров не будет в той же пропорции, что и рост стоимости рабочей силы, и, следовательно, его процент прибыли уменьшится, если он оценит свой капитал, что он должен сделать, в деньгах по увеличенной стоимости, до которой выросли бы все товары вследствие повышения заработной платы. В таком случае я бы сказал, что эффективный спрос уменьшился, потому что одно и то же количество товаров не могло потребляться ежегодно. Если бы такое же количество товаров продолжало потребляться, то должно быть очевидно, что это происходило бы за счет капитала. В таком случае капитал уменьшался бы быстрее, чем спрос, который, как правило, поддерживал бы прибыль. Но как долго [люди] будут продолжать предаваться роскоши за счет постоянного уменьшения капитала? Это путь к гибели, и, хотя несколько человек часто настаивают на этом, не так часто оказывается, что это безумие наций. Напротив, если какие-либо причины препятствуют прогрессу наций, если ограничения на их торговлю или дорогостоящие войны имеют тенденцию уменьшать их капитал, в такие времена практикуется большая экономия, и, как заметил Адам Смит, расточительности правительств противодействует бережливость отдельных лиц. Если это так, я не ошибусь, сказав, что, хотя в течение короткого периода капитал и продукция могут сокращаться быстрее, чем спрос, все же в долгосрочной перспективе эффективный спрос не может увеличиваться или оставаться неизменным при уменьшающемся капитале. Вы говорите то, чего я раньше не понимал под признанием вами, "что общий объем спроса из-за роста цен, конечно, уменьшится, но соотношение спроса к предложению, которое всегда является основным вопросом, определяющим цены и прибыль, может продолжать увеличиваться, *как это происходит во всех странах, капитал которых находится в упадке*"; но я не согласен даже с этим объяснением, и оно, как мне кажется, расходится с мнением, которое я часто слышал от вас, а именно. Склонность делать сбережения из дохода для увеличения капитала всегда пропорционален норме прибыли, и, если бы прибыль от накопления капитала и процент действительно упали очень низко, в этот момент накопление почти прекратилось бы, потому что оно было бы почти беспредметным. С этим мнением я полностью согласен и не могу отделаться от мысли, что оно расходится с приведенным выше предложением, которое я процитировал из вашего письма. Я утверждаю, как, думаю, и вы, что потребление по сравнению с производством всегда больше всего там, где больше всего накоплен капитал. Уменьшите капитал Англии наполовину, и вы, несомненно, увеличите прибыль, но это будет следствием не большей доли спроса, а большей доли производства; спрос по сравнению с производством вряд ли мог бы не уменьшиться. Отдельные люди не оценивают свою прибыль с точки зрения материального производства, но нации неизменно это делают. Если бы в 1815 году у нас было точно такое же количество товаров всех видов, какое мы имеем сейчас в 1814 году, как нация, мы не были бы богаче; но, если бы деньги упали в цене, они были бы представлены большим количеством денег, и отдельные люди были бы склонны считать себя богаче. Я буду в городе либо на следующей, либо через неделю. Я бы хотел, чтобы ты вернулась сюда со мной. Мы бы обсудили эти важные моменты в наших тенистых рощах. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я, искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XVIII.

Гэткомб-парк, Минчин-Хэмптон,
30 августа 1814 г..

Мой дорогой сэр,

Я уехал из Лондона 19-го, за день до того, как туда прибыло ваше письмо, отправив все свои дела за четыре дня. Появление Омниума было недостаточно привлекательным, чтобы побудить меня продлить свое пребывание здесь дольше, чем это было абсолютно необходимо. Дэвид [63], который приехал провести у нас отпуск, принес мне твое письмо. Я сожалею, что не увижу вас в течение некоторого времени, так как вы не можете приехать сюда, и в настоящее время у меня не будет возможности посетить Хейлибери. Я ожидал, что у меня будет много свободного времени в деревне, но пока у меня его не было. Прогулки верхом с моей семьей и друзьями, которые навещали нас, полностью занимали меня; кроме того, единственная комната в моем доме, которая не достроена, - это библиотека из-за того, что они потратили много времени на починку моих книжных шкафов.

Я думаю, если бы мы могли поговорить вместе, у нас не было бы *очень* больших разногласий по вопросу, который занимал нас в последнее время; наше принципиальное различие заключается в постоянстве последствий. Часто случается, что дефицит товара или растущий спрос на него на какое-то время увеличивают прибыль; но поэтому неверно говорить, что там, где прибыль высока, она такова потому, что спрос на продукцию велик по сравнению с предложением. Есть много других причин, которые приведут к тому, что прибыль будет постоянно высокой. Могут быть две страны, в одной из которых из-за плохого управления и, как следствие, ненадежности собственности или из-за малой склонности населения к сбережению прибыль может быть постоянно высокой, а проценты - 12%, в то время как в другой, где эти причины не действуют, прибыль может быть постоянно низкой, а проценты - 5%. Конечно, было бы неверно утверждать, что причиной высоких прибылей была большая доля спроса на продукцию, когда в обеих странах предложение было бы или могло быть точно равно спросу и не более. В Америке прибыль выше, чем в Англии, и все же я не сомневаюсь, что соотношение предложения к спросу в первой стране выше. Я думаю, что это обязательно должно быть так во всех странах, которые наиболее быстро растут в богатстве, ибо откуда берутся богатства, как не от преобладания производства над потреблением? Прибыль иногда бывает высокой, когда кукурузы мало и она дорога; но это происходит из-за стимула, который высокие цены дают промышленности. Если бы население могло немедленно приспособиться к скудным запасам, таких последствий не последовало бы; и фактически они продолжают только до тех пор, пока время постепенно не уравнивает их.

Иногда я подозреваю, что мы не придаем одинаковое значение слову "спрос". Если кукуруза дорожает, [вы], возможно, объясняете это повышением спроса. Я бы [приписал это] усилению конкуренции. Я думаю, нельзя сказать, что спрос увеличивается, если уменьшить потребляемое количество, хотя для покупки меньшего количества может потребоваться гораздо больше денег, чем для покупки большего. Если бы спросили, каков был спрос на портвейн в Англии в 1813 и 1814 годах, и ответили бы, что в первый год она импортировала 5000 трубок, а в следующий - 4500, разве мы все не согласились бы, что в 1813 году спрос был больше? И все же, возможно, правда в том, что за 4500 трубок было заплачено вдвое больше денег.

Вы читали отчет Комитета Лорда по хлебному вопросу? Это раскрывает некоторые важные факты; но насколько невежественными кажутся люди, дающие показания, в отношении этого предмета как предмета науки! Замечания редактора тоже очень недостойны его статьи.

... С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я, искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание. "Редактором" был лорд Хардвик, который выдвинулся в Комитет 10 июня 1814 года и представил свой отчет Палате представителей 23 ноября 1814 года. См. Hansard, под датой 17 февраля 1815 г., стр. 796; Ann. Register 1815, Gen. История. стр. 130. Отчеты были "приказаны к печати" 25 июля 1814 года. Первое было на одном листе и представляло собой просто жалобу на то, что Комитет не смог собрать доказательства; во втором сообщалось, что они заслушали доказательства, но сочли, что, прежде чем можно будет прийти к каким-либо определенным выводам, расследование должно продолжаться дальше. В коллекции "Плейс" Британского музея есть их копия с многочисленными комментариями.

XIX.

Гэткомб-парк, 16 сентября 1814 г..

Мой дорогой сэр,

... Я согласен с вами, что, когда капитал мизерен по сравнению со средствами его использования, по какой бы причине он ни возникал, прибыль будет высокой. Временно или постоянно, конечно, должно зависеть от того, является ли причина временной или постоянной. Однако очень важно выяснить, каковы причины, которые делают капитал мизерным по сравнению со средствами его использования, и в какой степени, когда они установлены, их можно считать временными или постоянными.

Именно это исследование привело меня к мысли, что состояние обработки земли является почти единственной серьезной постоянной причиной. Существуют и другие обстоятельства, которые сопровождаются временными эффектами большей или меньшей продолжительности и часто частично влияют на определенные сделки. Состояние производства на земле, по сравнению со средствами, необходимыми для ее производства, воздействует на всех и только оно имеет длительный эффект.

Мы также согласны с тем, что эффективный спрос состоит из двух элементов: *власти* и *воли* к покупке; но я думаю, что воля очень редко бывает недостаточной там, где существует власть, поскольку желание накопления вызовет спрос так же эффективно, как и желание потреблять; это изменит только объекты, на которые спрос будет проявляться. Если вы думаете, что с увеличением капитала люди станут безразличны как к потреблению, так и к накоплению, то вы правы, возражая против идеи м-ра Милля [64], что применительно к нации предложение никогда не может превышать спрос; но разве увеличение капитала не порождает повышенную склонность к предметам роскоши всех видов? и хотя кажется естественным, что стремление к

накоплению должно уменьшаться с увеличением капитала и уменьшением прибыли, представляется столь же вероятным, что потребление увеличится в том же соотношении. Обмены будут такими же активными, как и прежде; будут изменены только объекты. Если спросажется более активным там, где капитала недостаточно, это происходит только потому, что *способность* совершать покупки сравнительно выше. Везде, где капитал скуден, предметы первой необходимости дешевы, если страна обычно плодородна; и по мере увеличения капитала и населения предметы первой необходимости растут в цене, и, таким образом, покупательная способность, хотя и действительно больше, сравнительно меньше. В стране с небольшим сравнительным капиталом стоимость годового продукта может очень быстро возрастать; и если бы было сказано, что это является следствием большого спроса, я бы утверждал, что в такой стране спрос не был бы ограничен в той же степени недостатком власти, как в стране, изобилующей капиталом, и просто потому, что запасы продовольствия в обеих странах не росли бы в одинаковой пропорции. Если бы в следующем году было произведено вдвое меньше зерна, чем обычно, большая его часть, несомненно, была бы потрачена впустую; и то же самое можно было бы сказать о любых товарах, которым у нас хватило бы изобретательности дать названия: но реальный вопрос заключается в следующем: если бы деньги сохранили ту же стоимость в следующем году, захотел бы какой-нибудь человек (если бы они у него были) снова тратить вдвое больше, чем он тратит сейчас? и если бы он действительно хотел иметь волю, разве он не почувствовал бы склонности увеличить свой доход к своему капиталу и использовать его таким образом? Короче говоря, я считаю, что потребности и вкусы человечества безграничны. Мы все хотим увеличить наши удовольствия или нашу власть. Потребление увеличивает наши удовольствия, накопление - нашу власть, и они в равной степени способствуют спросу.

Мы с миссис Рикардо отправляемся сегодня утром в Челтенхэм, который находится в восемнадцати милях от нас; мы вернемся завтра.

Мистер Смит [65], которого я встретил в вашем доме, живет примерно в девяти милях отсюда.

... Надеюсь, вы помните, что мы находимся не совсем в двадцати восьми милях от Бата. Я думаю, вы и миссис Мальтус могли бы доставить нам удовольствие своим обществом на несколько дней во время ваших рождественских каникул [66], и могли бы в то же время навестить своих друзей; но поскольку вы видели их совсем недавно, вы доставили бы нам огромное удовольствие, если бы уделите нам все свое время. Миссис Рикардо, которая стоит рядом со мной, заставила меня выразить себя более чем обычно неуклюжей манерой. Она разделяет мои теплые пожелания миссис Мальтус.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XX.

Гэткомб-парк, 23 октября 1814 г..

Мой дорогой сэр,

В тот день, когда ты писал мне свое последнее письмо, я ехал в Лондон с миссис Рикардо, где мои дела задержали меня чуть больше недели. По возвращении ваше письмо было доставлено мне. Я сожалею, что вы не можете сделать это удобным для посещения нас на Рождество. Однако я рассчитываю на то, что вы не допустите, чтобы какое-либо обычное явление помешало вам и миссис Мальтус воспользоваться [67] с нами в вашей компании во время ваших следующих летних каникул. Надеюсь, вы не раскаетесь в том, что подали мне пример использования бумаги большего формата. Если вам надоест мое длинное письмо, виноваты в этом будете только вы.

Мне не кажется, что мы сильно расходимся в наших представлениях о влиянии легкости или трудности добывания продовольствия на прибыль от запасов. Вы говорите, что я "по-видимому, считаю, что состояние производства на земле по сравнению со средствами, необходимыми для ее производства, является почти единственной причиной, которая регулирует прибыль на акции и средства выгодного применения капитала". Это правильное изложение моего мнения, а не то, как вы сказали в другой части вашего письма и что оно существенно отличается от него, "что прибыль определяет количество продукции по сравнению с затратами на производство". Вы, вместо того, чтобы считать легкость получения пищи почти единственной причиной высоких прибылей, думаете, что можно с уверенностью сказать, что прибыль определяется быть основной причиной, а также трудности с приобретением продуктов питания являются основной причиной низкой прибыли. Мне кажется, что в этих утверждениях очень мало разницы. Вы заключаете, что моя доктрина неверна, потому что улучшения могут иметь место в сельском хозяйстве или мануфактурах, потому что новые договоры аренды могут не предоставляться точно в момент повышения цен на сырые продукты и потому что цена труда не может вырасти без промедления в той же пропорции. Но усовершенствования в сельском хозяйстве или технике, которые облегчат или увеличат производство, согласно моему предложению, увеличат прибыль, потому что "это увеличит производство по сравнению со средствами, необходимыми для этого производства". То же самое можно сказать и о заработной плате, которая не повышается в той же пропорции, что и цена продукта. Что касается старых договоров аренды, затрагивающих этот вопрос, вы заметите, что при расчете прибыли, получаемой сельским хозяйством, мы должны оценивать договоры аренды по стоимости, которую они имеют на момент расчета, а не по стоимости, согласованной в предшествующий период. Если бы вопрос касался прибыли мануфактуры или винокурни, например, мы должны были бы рассчитать такую прибыль в соответствии с тогдашней стоимостью ячменя, хотя несколькими отдельным производителям виноматериалов могло бы повезти, если бы они приобрели свой ячмень, когда он был на 25 процентов дешевле. Таким образом, эти моменты прямо допускаются в моем предложении и ни в коем случае не противоречат ему. Вы добавляете к своему заявлению ["], что в промежутке между двумя крайностями (высокой прибылью и низкой прибылью, вызванной легкостью или трудностью добывания продовольствия) могут иметь место значительные колебания, и что практически ни одна страна никогда не была в таком состоянии, чтобы не допустить увеличения прибыли на земле в течение некоторого периода времени из-за повышения цен на сырые продукты". Я согласен, что различия будут иметь место, потому что средства получения продукта не всегда одинаково дороги; и, если таковые должны быть, сам продукт может стать более ценным, и в любом случае прибыль будет разной. Но даже во время этих временных колебаний великая причина, а именно накопление капитала, может прокладывать путь к постоянному снижению прибыли. Мне представляется важным выяснить, каковы причины, которые могут вызвать повышение цен на сырые продукты, поскольку влияние

повышения цен на прибыль может быть диаметрально противоположным. Повышение цен на сырые продукты может быть вызвано постепенным накоплением капитала, который, создавая новый спрос на рабочую силу, может стимулировать население и, следовательно, способствовать обработке или улучшению непродуктивных земель; но это приведет не к росту, а к падению прибыли, потому что не только повысится уровень заработной платы, но и будет занято больше рабочих, не обеспечивая пропорциональной отдачи от сырых продуктов. Общая стоимость выплаченной заработной платы будет больше по сравнению со всей стоимостью полученного сырого продукта. Удорожание сырой продукции может быть вызвано одним или несколькими неблагоприятными сезонами, что, несомненно, увеличит прибыль, потому что цена продукции вырастет значительно больше, чем пропорционально дефицитному количеству, и, следовательно, будет намного опережать цену *[sic]* производства. Повышение цены на сырой продукт может также быть вызвано падением стоимости валюты, что на какое-то время повысило бы цену продукта больше, чем заработная плата, и, следовательно, увеличило бы прибыль. Вы допускаете, что оба эти фактора являются временными причинами, никоим образом не влияющими на сам принцип, а просто мешающими ему развиваться. Ограничения на ввоз сырых продуктов могут вызвать повышение их цен, которое будет постоянным или временным в зависимости от того, может ли быть постоянной или временной плохая политика, которая продиктовала ограничительный закон. В первом случае прибыль будет увеличена, но в конечном итоге она упадет ниже своего прежнего уровня. Из того, что я сказал, следует, что я придерживаюсь мнения, что постоянному повышению нормы прибыли на землю никогда не предшествует повышение, а только падение цен на сырые продукты; и, хотя прибыль может повышаться за счет повышения цен на продукты, в конечном итоге она, как правило, будет снижаться по ставке, более низкой, чем та, с которой она начиналась. Обратное утверждение, касающееся низких цен на продукты, я считаю столь же верным. Я был бы рад узнать ваше мнение по этому поводу. Могут быть и другие причины высокой цены, которые в настоящее время мне не приходят в голову.

Я допускаю, что ни одна страна никогда не была и не может быть в такой ситуации, которая не допускала бы увеличения прибыли на земле, потому что нет страны, которая не была бы подвержена потере или растрате части своего капитала; нет страны, которая не была бы подвержена плохим сезонам, обесцениванию валюты, реальному падению стоимости драгоценных металлов и другим случайностям, которые будут, некоторые постоянно, а некоторые временно, повышать прибыль. Вы заметили, что в богатых странах прибыль часто намного выше, а в бедных странах намного ниже, чем согласно моей теории, на что я отвечаю, что прибыль в бедных странах очень сильно уменьшается из-за огромной заработной платы; сама заработная плата может рассматриваться как часть прибыли от акций и часто является основой нового капитала. В богатых странах заработная плата низкая, слишком низкая для комфорта рабочих; слишком большая часть валового продукта остается у владельца капитала и учитывается как прибыль.

Я не осознаю, что недооценивал влияние потребностей и вкусов человечества на прибыль; они часто приносят большие прибыли на отдельные товары в течение коротких периодов времени, но, я думаю, они не часто влияют на общую прибыль, потому что они не часто влияют на рост производства сырья. Адам Смит в книге V, глава i, стр. 134 [68], кратко выражает то, что мне кажется правильным, о влиянии спроса на цену товаров. Я иду гораздо дальше вас в приписывании последствий желаниям и вкусам человечества; я считаю, что они безграничны. Дайте людям только средства для покупок, и их потребности станут ненасытными. Теория

мистера Милля построена на этом предположении. Он не пытается сказать, каковы будут пропорции товаров, которые будут произведены в результате накопления капитала, но предполагает, что будут производиться только те товары, которые будут соответствовать потребностям и вкусам человечества, поскольку никакие другие не будут востребованы.

Сам термин "накопление капитала" предполагает, что где-то есть возможность использовать больше рабочей силы; он предполагает увеличение общего дохода общества и, следовательно, создание спроса на большее количество продовольствия и товаров первой необходимости. Вы спрашиваете, можем ли мы предоставить лицам с такими же доходами значительное дополнительное количество товаров, не снижая цену настолько по сравнению с ценой производства, чтобы уничтожить эффективный спрос на такое предложение и, следовательно, в той же степени ограничить его продолжение. "Мы отвечаем, что это не наш случай; мы говорим о больших доходах, а не о тех же самых доходах; и вместо того, чтобы ожидать падения цен на товары, мы должны ожидать повышения, потому что падение прибыли, которое обычно следует за накоплением, является следствием увеличения цены производства по сравнению с ценой продукта, хотя они оба, несомненно, выросли бы. Вы, по-видимому, думаете, более того, вы говорите, "что вы не знаете никакой другой причины падения прибыли, которое обычно происходит в результате накопления, кроме того, что цена продукта падает по сравнению с затратами на производство, или, другими словами, что *эффективный* спрос уменьшается"; и из того, что следует, вы, по-видимому, делаете вывод, что товары будут не только относительно дешеветь, но и действительно дешеветь; и это фактически является основой нашего расхождения с теорией м-ра Милля.

К этому времени вы почувствуете, что у вас всего достаточно, если не слишком много.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание. Отрывок из "Богатства народов" следующий: "Ост-Индская компания в очень сильных выражениях представила то, что было в то время [1730 г.] плачевными последствиями, как они их считали, этого соперничества [между ними и Старой Ост-Индской компанией и частными торговцами]. В Индии, по их словам, это подняло цены на товары так высоко, что их не стоило покупать; а в Англии, затоварив рынок, это снизило их цену так низко, что они не могли приносить никакой прибыли. В том, что благодаря более обильному предложению, к большой выгоде и удобству населения, это должно было очень сильно снизить цену индийских товаров на английском рынке, сомневаться не приходится; но то, что это должно было очень сильно поднять их цену на индийском рынке, кажется маловероятным, поскольку весь чрезвычайный спрос, который могла вызвать эта конкуренция, должен был быть всего лишь каплей воды в огромном океане индийской торговли. Кроме того, увеличение спроса, хотя вначале и может иногда повышать цену товара, в конечном итоге неизменно приводит к ее снижению. Это поощряет производство и тем самым усиливает конкуренцию производителей, которые, чтобы недооценивать друг друга, прибегают к новому разделению труда и новым усовершенствованиям в искусстве, о которых в противном случае никто бы и не подумал. Печальными последствиями, на которые жаловалась компания, были дешевизна потребления и поощрение производства: именно те два эффекта, способствовать которым - великая задача политической экономии".

XXI.

Гэткомб-парк, 18 декабря 1814 г..

Мой дорогой сэр,

С тех пор, как я получил твое последнее письмо, меня неожиданно вызвали из дома, к тому же у меня гостили друзья, что помешало мне написать раньше. Я дважды был в Бате и один раз в Челтенхеме, а также добрался до Девоншира, до старого аббатства, в котором в настоящее время обитает мистер Бентам [69]. Я сопровождал М. Сэя, автора книги "Экономическая политика", в гостях у него и мистера Милля [70];—и, если бы не непрекращающийся дождь, у нас была бы очень приятная экскурсия. М. Сэй приехал ко мне сюда из Лондона по просьбе мистера Милля, который хотел, чтобы мы познакомились друг с другом. Он намерен встретиться с вами до того, как покинет эту страну. Мне кажется, он не готов к разговору на тему, о которой он очень умело написал, — и действительно, в его книге есть много моментов, которые, как мне кажется, очень далеки от удовлетворительного обоснования, — и все же он искренний приятный человек, и я нашел его поучительным собеседником.

Мы намерены быть в Лондоне в середине января и почти не сомневаемся, что вернемся сюда достаточно вовремя, чтобы миссис Мальтус и вы навести нас на следующих летних каникулах, поэтому я надеюсь, вы не станете планировать экскурсию в какой-либо другой квартал.

Я вижу, что мы далеко не пришли к согласию по вопросу, который мы недавно обсуждали. Я пытался заставить вас признать, что прибыль на капитал, применяемый в промышленности и торговле, редко снижается или повышается надолго по какой-либо другой причине, кроме дешевизны предметов первой необходимости или тех предметов, на которые расходуется заработная плата. Накопление капитала имеет тенденцию к снижению прибыли. Почему? потому что всякое накопление сопровождается возрастающими трудностями в добывании продовольствия, если только оно не сопровождается улучшениями в сельском хозяйстве; в этом случае оно не имеет тенденции к уменьшению прибыли. Если бы не было возросших трудностей, прибыль никогда бы не упала, потому что для прибыльного производства мануфактурных изделий нет других пределов, кроме повышения заработной платы. Если бы с каждым накоплением капитала мы могли присоединять к нашему острову участок свежей плодородной земли, прибыль никогда бы не падала. В то же время я допускаю, что торговля или машинное производство могут производить изобилие и дешевизну товаров, и если они влияют на цены тех товаров, на которые расходуется заработная плата, то они будут до такой степени повышать прибыль; но тогда верно, что на землю будет затрачено меньше капитала, поскольку заработная плата, выплачиваемая за труд, составляет часть этого капитала. Уменьшение доли продукта вследствие накопления капитала не ложится всецело на владельца капитала, а разделяется с ним рабочими. Общая сумма выплачиваемой заработной платы будет больше, но часть, выплачиваемая каждому работнику, по всей вероятности, будет несколько уменьшена.

Не припомню, чтобы я когда-либо допускал, что расширение внешней торговли приведет к изъятию капитала из земли, если только мы не были страной-экспортером в том, что касается зерна, и в этом случае мое предположение было бы верным, а именно, что норма прибыли никогда не сможет постоянно расти, если капитал не будет изъят из земли. Я не уверен в том,

что этот принцип, если он истинен, принесет какую-либо пользу; но это другое соображение; его полезность не имеет ничего общего с его истинностью, и только последнюю я в настоящее время стремлюсь установить. Я не могу согласиться с вами, когда вы говорите, что "без допущения изъятия капитала из земли выброс на рынок новых объектов вожделения увеличит стоимость всей массы товаров в стране, выраженную либо в деньгах, либо в хлебе и рабочей силе", — и именно потому, что я думаю, что не будет большей стоимости товаров, которые можно обменивать на сырые продукты или на деньги, я заключаю, что нигде не будет получено увеличения прибыли. Если масса товаров увеличивается, мы уменьшаем их меновую стоимость по сравнению с теми вещами, количество которых не увеличивается. Если мы удваиваем количество или, скорее, удваиваем возможности изготовления чулок, мы уменьшаем их стоимость наполовину по сравнению *со всеми* другими товарами. Если мы сделаем то же самое в отношении шляп и обуви, мы восстановим привычные отношения между чулками, шляпами и туфлями, но не в отношении других вещей. Я думаю, именно в этом и заключается наше расхождение, и я надеюсь вскоре услышать все, что у вас есть в поддержку вашего взгляда на этот вопрос.

М. Сэй в новом издании своей книги, стр. 99, том i, поддерживает, я думаю, ту же самую доктрину, что спрос регулируется производством. Спрос [это] всегда обмен одного товара на другой. Сапожник, когда он обменивает свою обувь на хлеб, имеет эффективный спрос на хлеб, так же как пекарь имеет эффективный спрос на обувь, — и, хотя ясно, что спрос сапожника на хлеб должен быть ограничен его потребностями, все же, пока у него есть обувь, которую он может предложить в обмен, у него будет эффективный спрос на другие вещи, — и если его обувь не пользуется спросом, это показывает, что он не руководствовался справедливыми принципами торговли и что он не использовал свой капитал и свой труд при производстве товара, требуемого обществом, — большая осторожность позволит ему исправить свою ошибку в его будущей постановке. Накопление неизбежно увеличивает производство и столь же неизбежно увеличивает потребление. Накопление *продукта*, при правильном выборе, *может* всегда быть накоплением *капитала*, и оно не может не стоить больше, чем оно стоило, выраженное в зерне или рабочей силе, — и это, я думаю, было бы правдой, хотя все наши солдаты, матросы и мелкая прислуга были заняты производительным трудом. Мне кажется, что рассмотрение ценности денег может быть основой наших разногласий по этому вопросу.

Я должен оставить место для просьбы, в которой, надеюсь, вы не откажете. Некоторое время назад я обедал у мистера Смита, с которым впервые встретился в вашем доме. Миссис Смит сказала мне, что у нее есть коллекция почерков большого числа мужчин, которые отличились своими произведениями, и она хотела, чтобы я дал ей ваше письмо, чтобы она пополнила его коллекцию. Зная, что у меня есть много предложений, которые не дискредитируют вас, я согласился; но после того, как я вернулся домой, я подумал, что не имею права делать это без вашего согласия, от которого, я надеюсь, вы не откажетесь. Мне было бы жаль разочаровывать ее, и я бы действительно не оправдал ожиданий, если бы принес свои извинения, но, поскольку мое мнение о том, что я не должен был этого делать без вашего согласия, подтверждается миссис Рикардо, я должен не спеша извиняться, если вы неумолимы. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус,

Я всегда искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание. — О Рикардо Бентам обычно говорил: "Я был духовным отцом Милля, а Милль был духовным отцом Рикардо; так что Рикардо был моим духовным внуком. Я часто оставалась *наедине* с Рикардо. Он брал книгу взаймы за шесть пенсов вместо того, чтобы покупать ее. Между нами было *сближение*. Мы часто гуляли вместе в Гайд-парке, и он рассказывал мне о том, что происходило в Палате общин. Он несколько раз собирался процитировать "Фрагмент", но мужество покидало его, когда он рассказывал мне. В книге Рикардо о арендной плате не хватает логики. Я хотел, чтобы он исправил это на основе этих принципов; но он не осознавал этого, а у Милля не было желания. Он путал *стоимость* с *ценностью*. Учитывая наше общение, было естественно, что он подарил мне экземпляр своей книги "Немного дьявола!" ("Жизнь Боуринга в произведениях", том х, стр. 498). Затем следует письмо Рикардо, в котором Бентам хвалит его за политические успехи: "Я сказал Бердетту, что вы перешли к *трехлетию* и колеблетесь между ним и ежегодностью, где я не могу не льстить себе надеждой, что вы остановитесь, — также, в отношении масштабов, вплоть до *домовладельцев*, что, хотя я предпочел бы универсальность из-за ее простоты и неисключительности, я сам был бы рад дополнить". Предположение о скупости, высказанное Бентамом в процитированном отрывке, в достаточной степени опровергается собственным биографом Бентама, который говорит нам, что Рикардо был одним из тех, кто гарантировал средства для Хрестоматической школы Бентама (Bentham, Works, х. стр. 484), и Джеймсом Миллем (Biography, стр. 191), когда он говорит о нежелании Рикардо принять оплату за свою статью (Sinking Fund) в Британской энциклопедии на том основании, что, во-первых, это не стоило оплаты, во-вторых, оплата не входила в его планы. побуждение написать это.

Влияние Бентама на общий образ мышления Рикардо обсуждается в другом месте. В экономической теории (если мы судим о Бентаме по его "Руководству по политической экономии", которое было написано за несколько лет до этого времени, хотя и опубликовано в Англии значительно позже) между двумя людьми существовало не более чем общее согласие.

XXII. [71]

Гэткомб-парк, 13 января 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Я рад узнать, что вы пишете с целью немедленной публикации [72]. Публика уделяет самое лестное внимание всему, что вышло из-под вашего пера, и вы не выполняете свой долг перед обществом, если не пользуетесь этим расположением, чтобы попытаться [73] рассеять облако невежества и предрассудков, которое повсюду существует по предметам, которые особенно занимали ваше время и размышления. Я надеюсь, что ваши заметки об Адаме Смите идут очень быстро и что вскоре они последуют за более мелкими публикациями, которые вы сейчас готовите. Я ожидаю, что они будут не только очень полезны для того, чтобы дать публике правильные представления, но и для того, чтобы привлечь внимание тех, кто хорошо осведомлен в науке политической экономии, ко многим моментам, которые до сих пор ускользали от их рассмотрения.

Я не могу отделаться от мысли, что лорд Лодердейл ошибался (и я полагаю, что вы придерживаетесь того же мнения, что и он), полагая, что фермер находится в каком-то особом невыгодном положении из-за отсутствия монополии на внутреннем рынке, в то время как многие другие отрасли пользовались этим преимуществом. Вы согласитесь, что монополия на внутреннем рынке в конечном счете не приносит большого преимущества торговле, которой она дарована. Это правда, что это повышает цену товара, устраняя иностранную конкуренцию, но это одинаково вредно для всех потребителей и давит на фермера не больше, чем в других отраслях. Если монополии стремятся повышать цену на рабочую силу, то неудобства должны испытывать все, кто использует рабочую силу, и поэтому они не будут особенно вредными для фермера или землевладельца. Если бы все монополии внутреннего рынка были немедленно отменены, было бы по меньшей мере столько же склонности к импорту зерна: — если это так, они не мешают естественному ходу торговли зерном. Лорд Лодердейл, с его мнением о влиянии монополий, я думаю, вполне последователен, рекомендуя ввести пошлину на ввоз зерна.

Я думал, вы утверждали, что высокая или низкая прибыль от торговли полностью независима от суммы капитала, который может быть использован на земле, следовательно, высокая прибыль может сохраняться до тех пор, пока торговля процветает, будь то двадцать или сто лет. Теперь я понимаю, что вы хотите сказать, что прибыль от торговли может взять на себя ведущую роль и регулировать прибыль сельского хозяйства в течение некоторого периода времени, возможно, в течение двадцати лет.

Я всегда допускал, что при определенных обстоятельствах прибыль от сельского хозяйства может отклоняться от своего обычного курса на короткие периоды, так что разница лишь в продолжительности получения такой прибыли кажется очевидной; вместо двадцати лет я бы ограничил ее примерно четырьмя или пятью.

Если бы при том же труде мы могли добывать вдвое большее количество олова из рудников в Корнуолле, после того как цены достигли [ir] уровня, увеличилась бы стоимость всей товарной массы в Англии? Должны ли мы заключать такое же количество сделок с Норвегией в обмен на определенное количество олова, как мы это делаем сейчас? Хотя масса товаров как на рынках Норвегии, так и на рынках Англии увеличилась бы из-за большего изобилия олова или какого-либо другого товара, если бы труд, затраченный на добывание олова, был направлен на другие цели, все же оценочная стоимость всех их товаров в виде зерна, денег или любых других предметов, кроме олова, как мне кажется, осталась бы неизменной. Достаточно того, что сделки в Норвегии могут быть приобретены дешевле, чем где-либо еще, чтобы определить долю внешней торговли в этом квартале, хотя она должна приносить не больше прибыли, чем прибыль от других сделок.

Исходя из сделанного вами предположения о большом внешнем спросе на наше сырье, не может быть никаких сомнений в том, что на землю было бы затрачено больше капитала, и я думаю, что прибыль упала бы. Такой спрос не может существовать в нынешней ситуации в мире. Сырые продукты всегда импортируются в относительно богатую страну и никогда не экспортируются из нее, за исключением случаев нехватки продовольствия или голода. Я не сомневаюсь, что, если разрешить свободный ввоз зерна в нашу страну, поскольку это направит иностранный капитал в чужие земли, это приведет к снижению иностранной прибыли, и если бы вся земля обрабатывалась с *одинаковым мастерством* до одинакового уровня, норма

прибыли была бы везде одинаковой, хотя превосходная промышленность и изобретательность отдельных стран могли бы обеспечить им большее изобилие других товаров

Заседание вашего клуба, я думаю, состоится 28-го.... Прошу вас, располагайтесь на ночлег в нашем доме

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XXIII.

[Подпись сделана Мальтусом карандашом, *февраль 1815 г.*. Марка почтового отделения, 6 февраля.]

Мой дорогой сэр,

Сейчас я с большим вниманием прочитал ваше эссе о росте и развитии арендной платы [74], с целью отбора каждого отрывка, который может послужить нам темой для будущего обсуждения. Не будет похвалой сказать, что все ведущие принципы в нем находят мое полное одобрение, и что я считаю его содержащим множество оригинальных взглядов, которые важны не только в связи с арендной платой, но и со многими другими сложными моментами, такими как налогообложение и т.д. и т.п.

Я не могу, однако, не сожалеть, что вы не рассмотрели отдельно отношения ренты к прибыли на капитал и заработной плате. Рассматривая совместное влияние двух последних факторов на арендную плату, вы, я думаю, не прояснили этот вопрос так ясно, как это могло бы быть сделано.

В эссе есть некоторые моменты, с которыми я не могу согласиться. Одним из них является влияние улучшений, будь то в практике ведения сельского хозяйства или в орудиях земледелия, на ренту. Мне кажется, что по своим непосредственным последствиям они приносят пользу только фермеру, а не землевладельцу. Я думаю, что весь полученный увеличенный продукт или экономия при получении того же количества продукта полностью выгодна фермеру, а землевладелец извлекает из этого лишь отдаленную выгоду, поскольку это может способствовать накоплению и обработке более бедных земель. Я также думаю, что рента ни в коем случае не является созданием богатства; она всегда является частью уже созданного богатства и используется обязательно, но не в ущерб общественным интересам, за счет прибыли от акций [75].

Рассматривая ренту в этом свете, следует, что я должен отказаться от уступки, которую я был склонен сделать, когда вы впервые задали вопрос: "Сохранялась ли вся разница в цене при импорте зерна по более низкой цене, чем мы могли бы его вырастить, или не следовало ли несколько уменьшить выгоду от потери ренты?", поскольку теперь я решаю, что вся разница в цене была бы получена без каких-либо вычетов вообще. Таким образом, аргументы тех, кто выступает за свободную торговлю зерном, остаются в своей первоначальной силе, поскольку рента всегда изымается из прибыли на капитал. Я попытаюсь, если у меня будет немного свободного времени, изложить свои мысли по этому вопросу на бумаге и попытаюсь показать, что влияние налога и арендной платы сильно различаются в том, что касается импорта.

Выращивать кукурузу может быть экономически выгодно, если ее цена повышается просто за счет налогообложения, поскольку при ее импорте страна, [импортирующая] ее, полностью потеряет часть налога. Никакие подобные соображения не должны влиять на нас [в связи с потерей арендной платы].

Как вы знаете, я расхожусь во мнениях относительно влияния налогообложения на рост производства. Мне кажется, вы не совсем последовательны, признавая, что вы недвусмысленно делаете, что последняя обрабатываемая часть земли не приносит ничего, кроме прибыли на капитал, никакой ренты, и в то же время утверждая, что налоги на предметы первой необходимости или на сырые продукты ложатся на землевладельца, а не на потребителя.

... Я заплатил Веттенхоллу 28 фунтов стерлингов за списки за два года, но с тех пор мне пришлось в голову, что я заплатил ему, а вы заплатили мне за один год, и, следовательно, ему можно причитаться только за один год. Если да, дайте мне знать, чтобы я мог вернуть 14 фунтов стерлингов.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

XXIV.

10 февраля 1815 года.

Мой дорогой сэръ,

Я принимаю ваше любезное приглашение и намерен встретиться с вами в субботу вечером в обычное время. Затем мы сможем обсудить вопросы, по которым у нас разногласия. Я привезу с собой документы, над которыми я работал с тех пор, как вы покинули Лондон, и в которых мои возражения изложены более полно, чем это можно сделать в тексте письма [76].

В случае с шотландскими фермерами, которые получили такую большую прибыль на свой капитал во время последней части срока аренды [77], мне кажется, они получали ренту, возникающую не из-за улучшений в сельском хозяйстве, а из-за того, что в обработку брались более бедные земли. Если бы срок их аренды истек раньше, арендная плата для этих фермеров была бы увеличена задолго до этого. Было бы желательно знать, какова была арендная плата на этих фермах, когда она была первоначально предоставлена, или, скорее, какое отношение она имела к капиталу, применявшемуся тогда, и каково отношение арендной платы к капиталу, применяемому сейчас.

Я думаю, что последствия монополии не смогут проявиться до тех пор, пока земля не перестанет быть пригодной для обработки. Вы сами сказали, и я очень восхищен этим отрывком [78], что последняя часть капитала, применяемая к земле, приносит только обычную прибыль от акций и не приносит никакой ренты. Если это так, то цена на хлеб, как и на все остальное, регулируется издержками производства, и любая другая часть капитала, применяемая к земле, сводится к тому же уровню прибыли только потому, что больше никакой капитал не может быть применен с большей выгодой, и все, что он где-либо приносит больше, - это рента, а не прибыль.

Я прочитал Приложение [79] также с большим вниманием и не могу отделаться от мысли, что вы совершенно отбросили характер беспристрастности, на который, по моему мнению, вы справедливо имеете право в своих Замечаниях. Вы открыто выступаете за ограничения импорта; на это я не жалуясь. Нелегко справедливо оценить опасности, которым мы можем подвергнуться. Те, кто выступает за открытую торговлю кукурузой, могут недооценивать их, и вполне возможно, что вы можете переоценивать их. Труднее всего рассчитать эти опасности по их справедливой стоимости; но с экономической точки зрения, хотя вы кое—где допускали, что мы могли бы извлечь выгоду из дешевого импорта, а не из дороговизны, вы указываете на множество неудобств, от которых мы могли бы пострадать из-за потери сельскохозяйственного капитала и по другим причинам, из-за чего могло бы показаться, что даже с экономической точки зрения вы считаете, что мы должны импортировать кукурузу, - таково одобрение, с которым вы цитируете Адама Смита из *[так в оригинале]* преимущества сельского хозяйства перед торговлей в увеличении производства [80], и я не могу не думать, что это противоречит всем вашим общим доктринам.

Ваши замечания о преимуществах (и, следовательно, о несправедливости по отношению к другим классам), которые акционер получил бы от низкой цены на хлеб, я считаю, очень правильными; но я не думаю, что эти возражения должны стоять на пути общего блага. Они, акционеры, в разные периоды сильно страдали, и, если компенсационный фонд теперь будет передан другим службам [81], к длинному списку добавится еще одна вопиющая несправедливость. Я хотел написать всего несколько строк, а получилось длинное письмо....

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XXV.

Лондон, 9 марта 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Я так мало знаком с политэкономистами, что у меня очень мало возможностей узнать, имеют ли какие-либо сторонники то, что вы считаете моими особыми взглядами, или их действительно читают или прислушиваются к ним. Что касается моего собственного суждения по этому вопросу, оно, возможно, слишком пристрастно, чтобы заслуживать внимания; но после всех моих усилий не поддаваться предвзятости в пользу моих собственных мнений, я продолжаю считать их правильными.

Я действительно предпочел бы изменить то, что я сказал относительно стационарного состояния товарных цен при всех колебаниях цен на хлеб, обусловленных либо богатством, с одной стороны, либо импортом из-за рубежа, либо усовершенствованиями в сельском хозяйстве, с другой. Я не учитывал изменение стоимости сырья во всех промышленных товарах [82]. Я думаю, что они были бы подвержены колебаниям цен не из-за увеличения или уменьшения заработной платы, а из-за повышения или падения цен на сырые продукты, которые входят в их состав и которые в некоторых товарах не могут быть незначительными. Мне очень обидно, что мое исполнение было таким ошибочным; я слишком торопился и не сумел

объяснить свой смысл даже тем, кто знаком с подобными предметами, не говоря уже о тех, кто бегло просматривает эти вопросы.

После нашей встречи я получил записку от мистера Эдварда Уэста, автора, пишущего под псевдонимом члена Университетского колледжа; он, конечно, поддерживает мои взгляды, потому что они очень похожи на его собственные. Я внимательно прочитал его книгу и обнаружил, что его взгляды во многом совпадают с моими собственными. Он адвокат, молодой человек, и, похоже, очень любит изучать политическую экономию. Мистер Броэм, по-моему, сказал, что обещал представить его вам. Мистер Джейкоб [83] обошелся с ним и со мной довольно грубо; но он не снизойдет до того, чтобы спорить с нами. Мне будет очень легко, если он окажется самым грозным оппонентом, который будет нападать на меня, поскольку он, кажется, совершенно несведущ в научной части предмета.

Оппозиция законопроекту [84] является более серьезной, чем я ожидал, но они кажутся настолько решительными в Палате общин, что я полагаю, что он, наконец, будет принят. Я сожалею, что людям пришлось прибегнуть к актам беспорядков и возмущения. Я слишком хороший друг, чтобы желать успеха такими средствами, кроме того, я убежден, что они скорее вредят, чем способствуют достижению цели, которую они и я имеем в виду.

Жаль, что ты не смог поужинать со мной в субботу. Я ожидаю мистера Филлипса [85] и мистера Дюмона; для меня было бы очень приятным сюрпризом, если бы вы присоединились к нашей вечеринке. Возможно, вы захотите приехать в Лондон и снять койку на Брук-стрит. Сделайте это, если сможете, [и] не сочтите нужным специально писать, чтобы сказать, что вы не можете. Я буду полностью зависеть от того, останешься ли ты с нами, когда придешь в следующий клуб.

Сэр Ф. Бердетт и некоторые другие считают, что высокая цена на наш хлеб объясняется огромными налогами, и что она не должна и не может упасть без притеснения землевладельцев, пока наш долг не уменьшится. Если бы я мог убедить себя, что какая-то часть цены на зерно обусловлена налогообложением, я был бы сторонником введения защитной пошлины на эту сумму. Но, если бы он был прав, то высокая цена не сопровождалась бы высокой арендной платой или обработкой непродуктивных земель. Я рассматриваю это как недвусмысленные признаки высокой цены, вызванной богатством и нехваткой плодородной земли. Действительно, моя теория приводит меня к мысли, что никакие налоги, кроме налогов непосредственно на землю или на ее продукцию, не повысили бы цены на зерно, и даже такие налоги не имели бы эффекта, если бы все экспортируемые товары облагались налогом в одинаковой степени, поскольку налог на экспортируемые товары в стране, импортирующей зерно, действует не слишком иначе, чем пошлина на импорт зерна. С наилучшими пожеланиями миссис Мальтус.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

XXVI. [86]

Аппер-Брук-стрит, 14 марта 1815 года.

Мой дорогой сэр,

Я прочитал брошюру мистера Торренса [87] и считаю, что в целом это очень умелое выступление. Я расхожусь с ним в большинстве его взглядов, изложенных в главе 2, часть 2, со многими из третьей главы и с некоторыми из остальной части работы. Я рад слышать, что вы собираетесь высказать некоторые замечания по этому поводу [88]. Я думаю, что он - противник, достойный вашего пера, и "Друзья истины" не могут не извлечь пользу из этой дискуссии. Что касается любых замечаний по поводу моего мнения, вы должны руководствоваться своим собственным усмотрением. Если эти мнения ошибочны, я хотел бы, чтобы они были опровергнуты, но, полагая, что они во всех существенных моментах основаны на правильных принципах, я не прошу пощады. Меня не волнует, насколько жестоко на них нападают; вы не могли бы сказать о них ничего такого, что причинило бы мне боль, если бы то, что вы сказали, не выражало презрения, а я знаю, что вы ко мне этого не испытываете. Поэтому ведите себя со мной так, как если бы я был совершенно незнакомым человеком, и замечай меня или нет, как считаешь нужным.

Я без колебаний соглашусь с вами в том, что, если из-за повышения относительной стоимости хлеба меньше уплачивается за основной капитал и заработную плату, большая часть продукта должна оставаться у землевладельца и фермера вместе; это действительно самоочевидно, но на самом деле не является предметом спора между нами, и я не могу отделаться от мысли, что вы упускаете из виду некоторые обстоятельства, наиболее важные, связанные с этим вопросом. Мое мнение таково, что обменная стоимость кукурузы может постоянно расти только тогда, когда увеличатся реальные затраты [89] на ее производство. Если бы 5000 четвертей валового продукта стоили 2500 четвертей на расходы по заработной плате и т. Д., А 10 000 четвертей стоили вдвое больше, или 5000 четвертей, меновая стоимость хлеба была бы той же самой; но если бы 10 000 четвертей стоили 5500 четвертей на расходы по заработной плате и т. Д., То цена поднялась бы на 10 п.п., потому что такова была бы величина возросших расходов. Повышение цен на хлеб и падение цен на рабочую силу [*sic*], на мой взгляд, несовместимы, если только это не связано с чем-либо в валюте; и нет необходимости выяснять здесь, какие последствия это произвело бы. Заметьте, я не ставлю под сомнение, что каждый отдельный рабочий может получать меньшую цену труда за зерно, потому что я верю, что это было бы так, но я ставлю под сомнение, может ли вся сумма заработной платы в зерне и т.д., уплачиваемая за обработку земли, уменьшиться при увеличении меновой стоимости зерна. Если бы не было нанято больше рабочих и цена на хлеб повысилась, ваше предложение не могло бы быть оспорено; но причина повышения цен на хлеб кроется исключительно в возросших издержках производства.

Я потерял брошюру лорда Лодердейла [90], или, скорее, она была взята из моего офиса. Если я смогу получить еще один, он будет сопровождать это. Я считаю, что улучшения в сельском хозяйстве оказали большее влияние на ки [пинг] даун р [энц], чем мы когда-либо могли себе представить. По моей теории, они полностью объясняют, что арендная плата не выше; по вашей они говорили бы наоборот.

Я хотел упрекнуть вас, когда увидел, что вы [за [91]] отзывались о брошюре мистера Джейкоба с такой [похвалой [91]], как вы это сделали, когда мистер Басеви [92] спросил ваше мнение об этом. Я рад, что вы признаете, что ему очень не хватает научных знаний.

Из того, что я сказал, вы увидите, что повышение цен на хлеб, по моему мнению, всегда сопровождается уменьшением материального избытка продукта; но он может иметь равную ценность по сравнению с другими вещами. Землевладелец получает от этого продукта такую

большую долю, что, несмотря на рост производства, положение фермера постоянно ухудшается.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XXVII.

Лондон, 17 марта 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Если бы ваше утверждение [93] было правильным, из этого следовало бы следующее экстравагантное следствие: по мере того, как увеличивалось население и хуже обрабатывались земли, доля продукции в затратах на ее заготовку увеличивалась бы. Если бы у нас сейчас было двадцать миллионов четвертей при затрате пяти миллионов четвертей, мы бы, израсходовав десять миллионов четвертей, получили более сорока [94], несмотря на то, что в последний период на обработке земли было занято более чем вдвое больше рабочих рук из-за более низкого качества земли. Если это верно, то принцип народонаселения ложен, потому что чем больше вы увеличиваете численность людей, тем больший избыток изобилия появится. Ваше утверждение, однако, очень остроумно и несет в себе большую долю правдоподобия; но я думаю, вы ошибаетесь, предполагая, что возможно, что соотношение всех затрат на зерно к полученному продукту может упасть с повышением цены на зерно. Эти два понятия несовместимы; либо увеличатся все затраты на производство кукурузы, либо нет. Если они будут, цена на кукурузу вырастет; но если их не будет, я не вижу причин для роста цен на кукурузу. Я допускаю, что только последняя часть капитала, затраченного на землю, будет сопряжена с повышенными затратами на хлеб; но если при этом весь продукт не будет производиться с повышенными затратами, цена продукта не повысится. Предположим, что страна производит десять миллионов четвертаков при цене в 4 фунта стерлингов за четверть, число занятых рабочих составляет два с половиной миллиона, каждый из которых получает в качестве заработной платы два четвертака хлеба ежегодно. Предположим также, что население увеличивается и требуется еще пять миллионов кварталов, но что это не может быть получено меньшим трудом, чем труд двух миллионов человек. Если мы предположим, что цена возрастет пропорционально числу занятых людей, то она возрастет до 416 фунтов стерлингов, потому что для получения десяти миллионов четвертаков теперь потребовалось бы в среднем три миллиона человек вместо двух с половиной миллионов. Предположим теперь, что каждый человек ежегодно потребляет одну четверть на пропитание, а остальное обменивает на другие предметы первой необходимости. Четырнадцать бушелей будет для него достаточной заработной платой [95]; тогда расходы на зерно для получения заработной платы составят для пятнадцати миллионов продуктов 7.875.000, а для десяти миллионов 5.250.000. Раньше их было всего пять миллионов; следовательно, доля избыточного продукта уменьшилась.

Производя этот расчет, я во многом поддержал бы ваш взгляд на этот вопрос, поскольку цена хлеба, я думаю, возрастала бы не пропорционально большему числу занятых людей, а пропорционально большему размеру выплачиваемой заработной платы; следовательно, она поднялась бы не до 416 фунтов стерлингов, а до 44 фунтов, потому что как $5 : 5\frac{1}{4} : 44$ фунта

стерлингов. Но если бы цена была всего лишь 4,4 ф. ст.s., рабочему потребовалось бы больше зерна, чем четырнадцать бушелей, так как этот расчет основан на большей меновой стоимости зерна. Похоже также, что ваше утверждение, если оно верно, не объясняет меньшую долю населения, которое в настоящее время занято на земле, потому что вы всегда предполагаете, что [будет занято] больше людей, но за меньшую заработную плату за зерно. Я думаю, никогда не может случиться так, что прибыль может упасть и стимулировать возделывание бедных земель способом, предполагаемым в моей таблице, без повышения цен на кукурузу. Именно за счет повышения цен на зерно все остальные прибыли регулируются до уровня сельскохозяйственной прибыли. Если бы цена на зерно оставалась низкой, денежная заработная плата не росла бы, а общая прибыль не могла бы упасть. Если верно, что капитал становится все более производительным на земле, я думаю, это можно объяснить только предположением, что в сельском хозяйстве произошли большие улучшения и что заработная плата была сохранена на умеренном уровне благодаря усовершенствованиям в тех отраслях промышленности, которые снабжают бедняков предметами первой необходимости, на которые расходуется часть их заработной платы.

Какое ужасное изменение на нашем политическом горизонте произошло в течение нескольких дней [96]! Возможно ли будет сохранить мир, если Бонапарт утвердится в качестве суверена Франции? Перспектива очень мрачная.

... Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

XXVIII.

Лондон, 21 марта 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Ни по одному вопросу, который мы обсуждали в последнее время, мы так существенно не расходились во мнениях, как по тому, который сейчас занимает наше внимание. Я думаю, что ваша позиция, если она будет обоснована, перевернет как вашу теорию ренты, так и теорию народонаселения, поскольку, насколько я понимаю, вы утверждаете, что чем выше поднимается цена хлеба вследствие того, что больше людей занято на более бедных землях, тем больше будет не только прибавочный продукт после оплаты труда рабочих, но и отношение этого прибавочного продукта ко всему капиталу, затраченному на землю. Если это верно, то невозможно остановить рост населения, и количество продовольствия может быть увеличено в соотношении, превышающем то, при котором увеличивается численность человечества. Ваше утверждение требует, чтобы с каждым дополнительным работником получался не только равный, но и больший прирост прибавочного продукта. Тогда можно использовать неограниченно больше рабочих, и рента и прибыль вместе должны не только увеличиваться, но увеличиваться в геометрической прогрессии. Я уверен, что прав, формулируя таким образом ваше предположение, потому что, если, как вы говорите, все квартальные затраты на производство зерна будут уменьшаться с каждым повышением цены, излишек должен увеличиваться в геометрической пропорции с затраченным капиталом. Если вы имели в виду только то, что прибавочный продукт будет увеличиваться с каждым накоплением капитала на

земле, хотя и в уменьшающемся отношении к капиталу, затраченному на землю, то это не только выдвигается, но и усиленно поддерживается как основа моей теории, а также является основой, на которой составлена моя таблица. Вы неправильно поняли отрывок из моего последнего письма. Я, конечно, никогда не говорил и не думал, что можно привести какую-либо вескую причину для увеличения количества людей, необходимых для производства точно такого же количества кукурузы с точно такой же земли. Я сказал, что если в один период количество рабочих, необходимых для производства десяти миллионов четвертей зерна, составляло два с половиной миллиона человек, а в другой, вследствие возросшего спроса, пятнадцать миллионов четвертей не могли быть произведены на участке худшей земли при меньших затратах труда, чем четыре с половиной миллиона, то в этот последний период для производства десяти миллионов потребовалось бы три миллиона человек, потому что пятнадцать к четырем с половиной равно десяти к трем, и если мы предположим, что цена на зерно при таких обстоятельствах возрастет в будущем. соотношение $2\frac{1}{2}$ к 3 - предположение, гораздо более благоприятное для вашего взгляда на вопрос, чем мы были бы вынуждены признать, однако оно не подтвердило бы выводов, к которым вы пришли, а, напротив, доказало бы правильность моей теории. Если бы расчет был произведен, как вы думаете, более правильно, на увеличении с десяти миллионов до десяти с половиной миллионов, результат был бы тот же, но мы были бы озадачены десятичными дробями, которые должны использоваться при таком предположении. Я согласен с вами, что естественная цена хлеба всецело зависит от цены последнего добавления, и не имеет значения, дает ли капитал 50% урожая по отношению к старой земле. арендная плата и прибыль или 20 процентов. В любом случае цена кукурузы на такой земле не имеет ничего общего с издержками производства.' Я не понимаю, каким образом признание этого факта может помочь вашему аргументу, который касается только отношения прибавочного продукта ко всему примененному капиталу.

Я не могу представить, каким аргументом вы могли бы доказать, что возможно, что добавление еще одного работника на землю не окупит его расходов, хотя на земле было занято не более четверти населения. Допуская, как я наиболее полно это делаю, что никакое давление не может уничтожить ренту, все же, поскольку последние части капитала, применяемые к земле, не платят ренту, для меня непостижимо, что не было бы стимула нанимать больше рабочих, в то время как их среднее производство составляло бы в три раза больше пищи, чем они могли бы сами потребить. Если бы весь этот избыток, после поддержания самым бережливым образом владельцев капитала, был поглощен землевладельцами в виде ренты, они увеличили бы свой доход и наняли бы больше работников на земле, если бы кто-нибудь из них откладывал какую-либо часть своего дохода и ссужал ее по обычной норме процента. Мне жаль, что ты не приедешь в город в следующий клуб.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XXIX.

Лондон, 27 марта 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Ни одно конкретное событие, которое я припоминаю, никогда не вызывало такого сильного уныния, как недавний прискорбный разворот. В настоящее время у нас самые мрачные предчувствия войны и ее последствий для наших финансов; правда в том, что наше мужество не на должном уровне; как и во всем остальном, через две недели мы будем спокойны в нашей новой ситуации. Однако я рад обратить свое внимание на другие темы.

Я заметил в брошюре о слитках [97] что многие, кто говорят, что рассматривают деньги только как товар и подчиняются тем же законам изменения стоимости в зависимости от спроса и предложения, что и другие товары, редко заходят далеко в своих рассуждениях о деньгах, не показав, что они действительно рассматривают деньги как нечто особенное, изменяющееся по причинам, полностью отличным от тех, которые влияют на другие товары. Не впадаете ли вы в эту ошибку, когда говорите: "В первую очередь все зависит от соотношения между хлебом и другими товарами, и, поскольку труд и хлеб входят в цены всех товаров, разница между хлебом и другими товарами никак не может увеличиваться пропорционально увеличению денежной цены хлеба"? Если деньги являются товаром, разве [sic] зерно и труд не входят в их цену или стоимость? И если это так, то почему деньги не должны изменяться по сравнению с зерном и трудом по тому же закону, что и все другие товары? Поскольку этот вопрос касается импорта зерна, вы гораздо больше, чем я, заинтересованы в поддержании единой стоимости товаров, потому что, если повышение цен на зерно и рабочую силу приведет, как вы утверждаете, к повышению цен на наши товары, это является дополнительной причиной, по которой мы не должны вводить ограничения на ввоз зерна, поскольку это поставит нас в решительное невыгодное положение в нашей конкуренции с иностранцами за продажу наших товаров.

Однако, не останавливаясь на этом очень важном моменте, я согласен с вами, что повышение цен на зерно приводит к иному распределению продукции со старых земель. Это достигается за счет снижения прибыли. Вместо того чтобы в власти фабриканта было содержать слугу или механика, которые могли бы способствовать его удовольствию, эта власть будет передана землевладельцу, и это будет происходить из более низкой стоимости зерна на промышленные товары. В самом деле, я не вижу предела падению хлебной стоимости товаров, кроме невозможности производить их с какой-либо наименьшей прибылью, а этого не произойдет до тех пор, пока землевладелец не присвоит себе в форме ренты почти весь прибавочный продукт земли. Мне кажется, что рост богатства, в то время как он увеличивает накопление, имеет естественную тенденцию производить этот эффект и столь же несомненен, как принцип всемирного тяготения.

Я думаю, вы полностью изменили свое предложение. До этого вы утверждали, что вследствие увеличения богатства и обработки более бедных земель все *хлебные* издержки производства на земле будут в *меньшей* пропорции ко всему *хлебному* продукту; но теперь вы говорите, что *денежные* издержки производства на земле будут в *меньшей* пропорции к *денежной* стоимости всего продукта. Между этими утверждениями существует очень существенная разница, поскольку последнее может быть истинным в то самое время, когда первое было ложным. Признание того, на что вы сейчас претендуете, не повлияло бы на мою теорию, поскольку, хотя это и доказало бы, что землевладелец и арендатор (вместе взятые) получили бы больший денежный доход или, если хотите, большую долю денежного дохода по сравнению с применяемым денежным капиталом, все же арендатор мог бы получить и, я думаю, получил бы меньшую долю, и, следовательно, норма прибыли упала бы. Такое состояние цен [sic] вполне совместимо с большей долей людей, занятых на земле, по сравнению с получаемым продуктом;

но оно совершенно несовместимо с тем, что чистый продукт кукурузы составляет большую долю от валового продукта кукурузы, что было принципом, отстаиваемым ранее. Я согласен с вами, что повышение цены на хлеб в порядке вещей является скорее причиной, чем следствием того, что большее, чем обычно, число людей занято для получения того же количества продукта с новой земли, потому что прибыль от такого применения капитала может быть выше других прибылей; но эта разница в прибыли может быть вызвана общим падением нормы прибыли на других предприятиях, а не фактическим увеличением прибыли на земле; и я придерживаюсь мнения, что повышение цены на хлеб всегда снижает общую прибыль за счет повышения заработной платы. Я никоим образом не могу убедить себя в том, что общая прибыль может возрасти с ростом цен на хлеб и падать с падением цен, если только она не повышается или понижается за счет уменьшения или увеличения заработной платы, и тогда она может быть лишь кратковременной. При обычном ходе вещей, поскольку высокая цена на зерно сопровождается ростом, заработная плата будет действительно высокой, а прибыль не может увеличиться из-за низкой заработной платы.

Я твердо придерживаюсь мнения, что Торренс [98] несправедливо обошелся с вами в своих замечаниях в предисловии к своей книге. Насколько я помню, вы признали изменение своего мнения относительно хлебных законов с тех пор, как написали свое эссе о населении, в своих "Наблюдениях за хлебными законами". Я также думаю, что вы всегда придерживались того мнения, которого придерживаетесь сейчас, что разница между стоимостью золота и бумаги была частично обусловлена повышением стоимости золота. Не слишком ли натянута его критика в отношении использования слова "обесценивание"? Но, если он прав во всем, примеров слишком мало, чтобы оправдать его строгое замечание. В Геологическом клубе [99] на днях о его книге говорили с большим одобрением. Мистер Блейк [100] и мистер Гриноф [101] считают, что он исчерпал тему и что его аргументы не могут быть оспорены. Я бы сказал, что он очень начитан. "Если бы я обложил налогом иностранный хлеб, - спросите вы, - в счет налога на наш собственный, разве тот же принцип не применим к косвенным налогам, которые повышают цену труда?" Я думаю, что нет, потому что налог на хлеб повысит цену хлеба дважды, один раз из-за налога, а второй раз из-за повышения заработной платы; но, поскольку это второе повышение характерно для всего, в чем участвует труд, и будет скорректировано новой стоимостью денег, оно не будет длительным. Косвенные налоги, которые только повышают заработную плату, производят, я думаю, те же последствия, что и второе повышение цен на хлеб, о котором я только что говорил. Всякий раз, когда налог оказывал неравномерное воздействие на землю, когда он не затрагивал труд, отдаваемый в других видах деятельности, я думаю, следует также вводить компенсационную пошлину на импорт. Боюсь, я не смогу быть с вами в субботу. Если вы не получите от меня известий с почтой в среду, сделайте вывод, что я не могу выйти из дома

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание. Роберт Торренс, солдат-экономист, начал свою литературную карьеру с "Опровергнутого экономиста" (1808) в ответ Уильяму Спенсу, который в 1807 году пытался убедить своих соотечественников в том, что блокада Наполеона мало что значила для них,

поскольку Британия "независима от торговли". Зимой 1810-11 годов Торренс был главным комендантом Королевской морской пехоты, нес гарнизонную службу на острове Анхольт в проливе Каттегат. Мороз дал ему время перечитать своего Адама Смита и написать свой "Очерк о деньгах и бумажных деньгах" (опубликован в 1812 году). В своем "Эссе о внешней торговле зерном" (см. Выше, стр. 65) Торренс характеризует труды Мальтуса как наводящие на размышления, откровенные и полные "фактов", но плохо аргументированные и непоследовательные. Г-н Мальтус, по его словам, едва ли когда-либо придерживался принципа, от которого впоследствии не отказался; его Эссе о населении было плагиатом Уоллеса; и он сам опроверг это, введя влияние моральных ограничений; в отношении щедрот на зерно и в отношении валюты его более поздние работы противоречат более ранним. (Предисловие, стр. viii. - xii.) Торренс сравнил политическую экономию Мальтуса с политической экономией Рикардо, в значительной степени в пользу последнего, в своем "Производстве богатства" (1821). См. "Мальтус и его работы", стр. 265-6. Сравните также Примечание к письму XLIV.

XXX.

Лондон, 4 апреля 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Вы думаете, что на мою теорию об уменьшающейся норме прибыли вследствие того, что я вынужден обрабатывать более бедные земли, влияет мое допущение, что от старой земли будет больше прибавочного продукта и больше денежной ценности. Это было бы верно, если бы какая-либо часть дополнительного количества или дополнительной стоимости принадлежала владельцу скота. Однако вы прямо заявляете, что эта дополнительная стоимость или количество "останется у фермера и землевладельца". ['] Прежде чем подвергнуть сомнению мою теорию, необходимо показать, что вся земля не останется у землевладельца, поскольку, если фермер не получит в ней никакой доли, его норма прибыли не может быть повышена.

Я согласен с вами в том, что, когда меновая стоимость зерна повысится, "все количество зерна в стране будет обмениваться на большее количество пальто, чем раньше, и, следовательно, появятся силы и воля покупать на сырые продукты страны большее количество промышленных и иностранных товаров". Я легко могу представить себе, что в прогрессивной стране эта власть и воля удваиваются или утраиваются, равно как и товары, на которые они расходуются; но это допущение не затрагивает вопроса о прибыли. Может существовать большой спрос на отечественные и зарубежные товары без постоянного повышения их цен, поскольку при их производстве не может возникнуть никаких новых трудностей. Когда Америка станет населенной и богатой в той же пропорции, что и самая богатая страна Европы, не подорожает ли ее зерно как в денежном, так и в товарном выражении, хотя его количество значительно увеличится? Разве стоимость всех иностранных и отечественных товаров в Америке не удвоится или утроится по сравнению с их нынешним количеством, и все же не будет ли прибыль от акций там меньше, чем сейчас? По этому вопросу я и подумать не мог, что могут существовать хоть малейшие сомнения; вся теория, весь опыт говорят в пользу этого мнения.

В то время как труд десяти человек, занятых на земле без уплаты ренты, может произвести сто четвертей пшеницы, мне представляется возможным и вероятным, что на этой земле можно было бы с прибылью использовать на треть больше труда, причем не для производства только ста четвертей пшеницы, а для дополнительного количества, большего, чем потребили бы дополнительные рабочие. В то время как труд десяти человек может произвести сто четвертей пшеницы, трудно предположить, что прибыль составит всего десять процентов, и еще труднее представить, что гораздо больше людей не могло бы быть с прибылью занято увеличением производства с такой земли. Теоретически, земля, которая не приносит ренты, согласно вашему предположению, должна была бы с прибылью расходовать на нее все больше и больше капитала, в то время как полученное дополнительное количество продукта превышало бы количество, выплаченное дополнительным работникам. Капитал [мог бы] быть израсходован таким образом, в то время как прибыль от акций давала какую-либо прибыль, но не десять процентов. а один процент. или полпроцента.

Несомненно, по указанной вами причине деньги изменяются медленнее, чем другие товары; тем не менее их стоимость, как и любого другого иностранного товара, зависит от труда и затрат на его доставку на рынок.

Я ожидаю, что несколько друзей пообедают со мной в субботу, а в понедельник я приглашен на ужин; тем не менее, если погода будет сносно хорошей, я буду с вами к тому времени, как вы покинете часовню в воскресенье, но на следующий день я должен быть дома. Если это не совсем удобно, пожалуйста, дайте мне знать.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

XXXI.

Лондон, 17 апреля 1815 г..

Мой дорогой сэръ,

Вы, я думаю, согласны с мистером Торренсом в том, что за повышением цен на хлеб последует повышение цен на товары внутреннего потребления; но ваша теория требует, чтобы не было повышения цен на те товары, на которые расходуется заработная плата труда, ибо, если бы они росли в той же пропорции, что и на зерно, не могло бы быть снижения заработной платы за труд на зерно. Не является ли, однако, весьма невероятным, что все мануфактуры должны расти у себя дома, и все же что те, на которые затрачивается [заработная плата] труда, не должны расти? Не является ли цена на мыло, свечи и т.д., хотя иностранные товары [102], обязательно зависит от роста цен на те товары для дома, которые предоставляются в обмен на них. Теория мистера Торренса, однако, по этой части предмета представляется мне ущербной, поскольку я думаю, что повышение или падение цен на зерно окажет очень незначительное влияние на цены товаров. Если это так, то каждое повышение цен на хлеб должно влиять на прибыль мануфактурных предприятий; и невозможно, чтобы сельскохозяйственная прибыль могла существенно отличаться от нее. Я, однако, предположу, что вы и мистер Торренс правы, и что

товары действительно дорожают с каждым повышением цен на зерно. Стоимость основного капитала, так же как и оборотного капитала, применяемого на земле, тогда также возрастет; и, хотя денежная стоимость продукта должна была бы увеличиться на старой земле, она все равно будет находиться в той же пропорции к денежной стоимости применяемого капитала; и, поскольку этот продукт будет разделен в различных пропорциях между землевладельцем и фермером, норма прибыли последнего упадет. С целью изучения последствий предположим, что все товары дорожают вместе с повышением цен на хлеб, за исключением только тех, на которые расходуется заработная плата труда, и что вследствие этого заработная плата за хлеб падает. Предположим, что цена хлеба составляет 4 фунта стерлингов и что на старой земле был необходим труд восьми человек, чтобы собрать восемьдесят четвертей зерна, что рента не выплачивалась и что каждый рабочий получал восемь четвертей в год в качестве заработной платы, из которых половина расходовалась на товары. Прибыль фермера при цене в 4 фунта составила бы 64 фунта, или шестнадцать четвертаков, и, помимо его основного капитала, лошадей, семян и т. Д., Ему потребовалась бы стоимость шестидесяти четырех четвертаков, или 256 фунтов стерлингов, для выплаты годовой заработной платы его работников; следовательно, его прибыль была бы в соотношении 25 фунтов стерлингов к 100 фунтам стерлингов заработной платы, для соотношения 256: 64:: 100: 25. Теперь предположим, что кукуруза подорожала до 4 10 *фунтов стерлингов*, заработная плата менялась бы всего на 10 *фунтов стерлингов* за четыре четверти и, следовательно, ежегодно повышалась бы до 34 фунтов стерлингов на человека, или 272 фунтов стерлингов на старой земле; но восемьдесят четвертей кукурузы продавались бы за 360 фунтов стерлингов, в результате чего продукт в 88 фунтов стерлингов приходилось бы делить между фермером и землевладельцем; а 88 к 272 равнялось бы 32 к 100.

Но на новой земле для получения восьмидесяти четвертаков, или 360 фунтов стерлингов, мог потребоваться труд восьми с половиной человек; труд восьми с половиной человек обошелся бы при 34 фунтах стерлингов каждому в 289 фунтов стерлингов; следовательно, прибыль составила бы 71 фунт стерлингов, что по сравнению со всеми расходами в 360 фунтов стерлингов составляет от 19,7 до 100 фунтов стерлингов.

100 фунтов стерлингов капитала или затрат на старой земле принесут	32
100 фунтов капитала или затрат на новой земле " "	19 · 7 фунтов стерлингов.

Арендная плата £ [1]2·3.

Тогда получается, что прибыль на новых землях, которая регулирует прибыль на всех других землях, составила бы 19,7%. когда цена на кукурузу составляла 4 10 *фунтов стерлингов*. Она составляла 25%. когда цена была 4 фунта.

Если бы действительно при тех же обстоятельствах мы предположили, что цена на хлеб вырастет до 6 фунтов стерлингов, то прибыль была бы увеличена и составила бы гораздо больше 25%; но для [такого] повышения должна быть показана какая-то адекватная причина, и ее нельзя предполагать произвольно. Ваша теория предполагает также невозможное, что спрос на мануфактурные изделия [мог бы] увеличиваться в той же пропорции, что и спрос на [хлеб], в то самое время, когда на земле занято больше людей для получения меньшей доли продукта. Все это представляется мне лабиринтом трудностей; не успеваешь преодолеть одну, как возникает другая, и так далее в бесконечной последовательности. Позвольте мне умолять вас

внимательно отнестись к моей простой доктрине, и вы должны признать, что она объясняет все явления простым естественным образом.

Вчера я встретил мистера Смита [103], вашего друга, и мистера Торренса у мистера Филлипса. Я провел очень приятный день. Мистер Смит был чрезвычайно любезен. Он мне очень нравится. Время от времени поднимался вопрос о кукурузе, и у меня была возможность высказать некоторые из моих возражений против теории мистера Торренса. У меня нет оснований думать, что я убедил его. Я защищал употребление слова "амортизация" в том смысле, в каком вы его употребили; и я полагаю, что все они были со мной. Я полагаю, что его аргументы в книге о валюте основаны на том смысле, в котором он использует это слово. Мы обсудили другие разногласия между ним и вами. Мистер Смит, мистер Филлипс и мистер Торренс согласились пообедать со мной в среду, что побудило меня написать вам на день или два раньше, чем я мог бы сделать в противном случае, чтобы выразить свое желание, чтобы вы присоединились к нам. Если хотите, мы поужинаем так поздно, как вам будет угодно. К вашим услугам будет постель, и мне нет нужды говорить, что вы значительно увеличите мое удовольствие.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Во многих своих выступлениях, например, 12 июня 1822 года, Рикардо ссылается на двусмысленность слова "обесценивание". Сам он всегда использует это, чтобы указать, что валюта упала ниже своего собственного стандарта, как, например, при чеканке монет. Другие использовали это как изменение *стоимости* валюты для покупки большего или меньшего количества товаров. Валюта может быть обесценена в первом смысле, когда на самом деле, благодаря противодействующим причинам, она была противоположной (или оценена) во втором. Мальтус в "Эдинбургском обозрении", февраль 1811 г., использовал его в первом значении. (См. стр. 341, 356, 365.) Торренс в своем "Эссе о деньгах", 1812, использовал его во втором. (См. стр. 98, 99.) Слово "повышение курса" встречается в книге Тука "Высокие и низкие цены" (1823), часть I., стр. 76. Сам Тук отличает обесценивание валюты (первое из вышеупомянутых значений) от обесценивания денег (второе из них); (см. стр. 8.)

XXXII.

Лондон, 21 апреля 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Мне было жаль, что ты не смог присоединиться к нашей вечеринке в среду. Мистер Смит произвел приятное впечатление на всех, кто встречался с ним, и у меня были все основания утвердиться в благоприятном мнении, которое сложилось у меня о нем при нашей первой встрече. Мистер Торренс - очень воспитанный человек. Перед своим приездом он прислал мне свою книгу о слитках, и я боюсь, что слишком много разговоров было посвящено различиям между его мнением и моим по поводу бумажных денег и бирж. Последнее, как мне кажется, он понимает неправильно. Я настаивал на согласованности вашего прежнего и нынешнего мнений по вопросу о слитках и спросил его, откуда он узнал о ваших взглядах на этот предмет. Он

сказал, что доктор Кромби [104] и вы встретились специально, чтобы обсудить этот вопрос, и от него он понял, что вы приписываете все влияние на цену слитков изобилию бумаги. Ему, так же как и месье Сэю, трудно отстаивать свое мнение и отвечать на возражения в разговоре — он говорит, что все подобные обсуждения должны вестись в письменной форме

В субботу я встречусь с вами в "Короле треф", куда я приглашен мистером Уишоу, а в воскресенье я хотел бы, чтобы вы и миссис Мальтус доставили миссис Рикардо и мне удовольствие поужинать в вашей компании. Если можно, я попрошу мистера Уишоу и мистера Смита встретиться с вами. Возможно, вы также позавтракаете со мной в субботу или воскресенье утром.

Мне представляется, что моя таблица применима ко всем случаям, когда относительная цена хлеба повышается из-за того, что для его производства требуется больше труда, и ни при каких других обстоятельствах не может быть повышения, каким бы большим ни был спрос, если только товары не падают в стоимости из-за того, что для их производства требуется меньше труда. Маловероятно, что относительная цена хлеба упадет так низко при изобилии капитала в стране, как тогда, когда капитал был очень ограничен, но, если бы это было возможно, последовали бы те же последствия для прибыли и ренты, поскольку это продемонстрировало бы, что обрабатывалась земля только наилучшего качества. Вы согласны со мной, что если бы к острову был присоединен большой участок богатой земли, это восстановило бы состояние, указанное в моей таблице. Хотя мы согласны в выводах, мы существенно расходимся во мнениях о средствах, с помощью которых это могло бы быть достигнуто. Вы думаете, что "до того, как произошло какое—либо падение цен, капитал быстро уходил бы со старой земли, *и с мануфактур*", - я думаю, что капитал перешел бы из старой земли в мануфактуры, потому что, поскольку требуется только определенное количество пищи, это количество можно было бы выращивать на богатой земле, присоединенной к острову, с гораздо меньшим капиталом, чем было затрачено на старой, и, следовательно, весь излишек пошел бы на [мануфактуры] для обеспечения других удовольствий для общества [105], и прибыль на землю возросла бы за счет ренты землевладельца, в то время как более низкая цена на хлеб увеличила бы прибыль на весь производственный капитал. Признаюсь, мне кажется невозможным, чтобы при предполагаемых вами обстоятельствах относительная стоимость хлеба упала не из-за легкости его получения, а из-за повышения стоимости мануфактурных изделий. Вы предполагаете, что цена хлеба оставалась бы неизменной, в то время как мануфактурные изделия дорожали, — я, напротив, думаю, что цена мануфактурных изделий оставалась бы почти неизменной, в то время как цена хлеба падала бы. Разве это не естественное следствие того, что больше капитала затрачивается на мануфактуры и меньше - на сельское хозяйство? Не слишком ли единодушно вы поддерживали мнение, что падение цен на хлеб вызовет падение цен на товары? Если они действуют друг на друга так, как вы думаете, но с чем я не согласен, то как могут подорожать продукты при неизменных ценах на зерно? Я бы подумал, что с учетом ваших принципов такой эффект будет сочтен невозможным.

Всегда искренне твой,
Дэвид Рикардо.

XXXIII.

(Адресовано в Клэвертон-Хаус, недалеко от Бата.)

Аппер-Брук-стрит, 27 июня 1815 года.

Мой дорогой сэр,

Я пробыл два или три дня в Танбридж-Уэллсе и был приятно удивлен сегодня по прибытии в Лондон, услышав о великих событиях, происходящих во Франции вследствие великой победы, одержанной герцогом Веллингтоном и его храброй армией над Бонапартом. С низложением Бонапарта я надеюсь, что не будет никаких других препятствий к миру, и что мы, наконец, сможем быть вознаграждены за кровь и сокровища, которые мы потратили, длительным периодом спокойствия, который, я не сомневаюсь, также окажется длительным периодом процветания. Я думаю, что вместе с мистером Уайтбридом [106] министрам принадлежит огромная заслуга за энергию, которую они проявили при проведении этого конкурса. Сделав выбор в пользу войны, они готовились к ней в таких масштабах, что с самого начала возлагали наилучшие надежды на успех, и мы, похоже, наконец-то приняли мудрую политику, отдав предпочтение одному грандиозному усилию серии ничтожных попыток, каждой из которых как раз хватало для поддержания борьбы, не делая ни малейшего продвижения к ее конечной цели.

Влияние на цену Omnium оказалось не большим, чем можно было ожидать. Мне жаль, что вы не воспользовались повышением. Что касается меня, то у меня есть все мои акции, под которыми я подразумеваю, что у меня есть все мои деньги, вложенные в акции; и это самое большое преимущество, какое я когда-либо ожидал или хотел получить за счет роста. Я значительно выиграл от займа [107]; во-первых, заменив акции, которые я продал до заключения контракта с министром [так в оригинале] по гораздо более низкой цене, во-вторых, получив умеренную прибыль от той части займа, которую я рискнул взять сверх своих акций. Эту порцию я продал с наценкой от 3 до 5%, и у меня есть все основания быть вполне довольным. Возможно, ни один кредит никогда не был более прибыльным для Фондовой биржи в целом.

Теперь немного о нашей старой теме. Мне кажется, что есть две причины, которые могут вызвать рост цен: одна - обесценивание денег, другая - сложность производства. Последнее ни в коем случае не может быть выгодно обществу. Это всегда признак процветания, но никогда не является его причиной. Обесценивание денег может быть полезным, потому что оно обычно благоприятствует тому классу, который склонен к накоплению, но я бы сказал, что оно увеличивало богатство за счет уменьшения счастья, что оно было выгодно только за счет того, что оказывало большое давление на трудящиеся классы и на тех, кто жил на фиксированный доход. Мы с вами согласны в этом мнении, поскольку вы говорите, что убеждены в наличии ненаблюдаемых преимуществ, связанных с высокими ценами на зерно и рабочую силу, "когда они не возникают исключительно из-за сложности производства", [под] которыми, я думаю, вы подразумеваете, что никакие такие преимущества не связаны с высокими ценами, если они сопровождаются сложностью производства.

Это мнение, однако, немного расходится с тем, которое вы уже давно поддерживаете, поскольку вы сказали, что высокая цена на зерно и рабочую силу в этой стране в то время была преимуществом, хотя повсеместно признается, что эта высокая цена объясняется главным образом трудностью производства. Фермеры и лавочники могут испытывать очень серьезные страдания от внезапного и всеобщего падения цен; но я считаю, что это не было бы критерием, по которому можно судить об общем или постоянном процветании страны.

Счета, которыми я сейчас занят, боюсь, задержат меня в Лондоне до самого конца июля. Я буду очень сожалеть, если вы уедете из Бата, так и не повидавшись со мной. Я вполне рассчитывал на ваш визит в Гэткомб в этом году, и все же надеюсь, что это удастся осуществить. Я, конечно, покину Лондон как можно раньше.

Цена рабочей силы в Америке представляется мне чрезвычайно высокой по сравнению с ценой пшеницы; но мы не должны забывать, насколько низка там меновая стоимость пшеницы и сколько ее приходится отдавать на производство предметов первой необходимости и жизненных удобств....

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

XXXIV.

Гэткомб-парк, 30 июля 1815 года.

Мой дорогой сэр,

Я с большим терпением переносил тяготы последних двух недель в Лондоне в надежде, что по прибытии в Гэткомб буду иметь удовольствие провести в вашем обществе несколько дней до вашего возвращения в Лондон. Для меня было большим разочарованием узнать, что вы отправитесь в Лондон на следующий же день после того, как я покинул его, и я не вижу особых перспектив навестить вас здесь в течение некоторого времени, поскольку ваши удобства или склонности, вероятно, приведут вас в другую часть страны в следующем году.

Я самым сердечным образом присоединяюсь к вашему желанию, чтобы победа герцога Веллингтона стала средством дать Европе некоторый постоянный покой. Представляется вполне вероятным, что это приведет к такому счастливому результату, и я должен надеяться, что последние бурные времена послужат уроком как для монархов, так и для народа и обезопасят мир от зла анархии, а также от зла тирании и деспотизма.

Плохое самочувствие Дэвида побудило нас забрать его из Чартерхауса

Мистер Клерк, мой сосед здесь, в Глостершире, и который является братом директора одноименной Ост-Индской компании, только что отправил своего сына Джорджа в Ост-Индский колледж и, зная о моих близких отношениях с вами, обратился ко мне с просьбой написать вам от имени его сына, чтобы, если он может нуждаться в каком-либо дружеском совете или помощи, вы были бы так добры дать ему ее. Я надеюсь, что [я] не беру на себя слишком большую вольность, прося вас выполнить волю его отца.

Огромные заботы о бизнесе, которые в последнее время были у меня в голове, почти вытеснили из нее всякое рассмотрение предметов, связанных с политической экономией. Теперь эти опасения устранены, но с тех пор, как я здесь, они заставляют меня постоянно работать над упорядочением и балансированием моих счетов. Однако сейчас я с удовольствием возвращаюсь к кукурузе, труду и слиткам. Действительно высокая цена на зерно всегда

является злом; я думаю, вы согласитесь с этим мнением, потому что оно всегда вызвано трудностями производства. Я не знаю никакой другой причины, и вы допускаете, что сложность производства нежелательна сама по себе. В нашем собственном случае высокая цена на зерно в слитках объясняется не только бесплодием земли, подлежащей обработке, но по какой бы причине она ни возникла, я думаю, она не могла позволить нам предоставлять большие субсидии, чем мы могли бы сделать в противном случае, поскольку субсидии, а также все услуги, оказываемые для нас, оплачиваются продуктами земли и трудом народа Англии. Несомненно, явным противоречием является утверждение, что наша способность распоряжаться услугами увеличивается, в то время как наши продукты, которыми эти услуги оплачиваются, уменьшаются. Этот принцип может быть верен, когда он ограничен несколькими товарами, производство которых у нас либо монопольное, либо специфическое, но в качестве общей предпосылки он, как мне кажется, расходится с наиболее устоявшимися доктринами.

Если бы была разрешена свободная торговля зерном с Америкой, я бы не ожидал, что цены там и тут будут отличаться больше, чем расходы и прибыль от его отправки; а так я удивлен, что цена должна быть такой высокой. Высокая денежная цена заработной платы, я думаю, вполне естественна.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

XXXV.

Гэткомб-парк, 10 сентября 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Ничто не может быть более несчастливым, чем то, что мы так соскучились друг по другу, как в этом году. Я думаю, что не будет никаких препятствий для нашего отъезда из города немного раньше в следующем году, когда, я надеюсь, мы наконец будем иметь удовольствие видеть миссис Мальтус и вас в Гэткомбе.

В нашей части страны принято считать, что более прекрасного сезона никто и никогда не помнил. Дождь, которого у нас, безусловно, было в избытке, обычно шел ночью, и последующие дни были прекрасными. Искушение насладиться этим было так велико, что я постоянно выезжал с кем-нибудь из моих друзей, которые останавливались у меня, либо верхом, либо пешком, что так отнимало у меня время, что я обнаружил, что здесь у меня гораздо меньше свободного времени для чтения и учебы, чем в Лондоне. До моего приезда сюда я часто встречался с мистером Гренфеллом [108], который очень тепло отзывался о Банке и выгодных сделках, которые он всегда заключал с правительством, а также об управлении государственным долгом, часть которого он до сих пор выплачивал за марки, что касается компенсации, которую правительство получило в виде займа за огромные средние депозиты, оставшиеся в Банке. . Я вполне разделяю его мнение, и на самом деле я иду гораздо дальше; я считаю Банк ненужным учреждением, богатеющим за счет тех прибылей, которые справедливо принадлежат обществу. Я не могу не рассматривать выпуск бумажных денег как привилегию, принадлежащую исключительно государству; я рассматриваю это как своего рода сеньораж, и

я убежден, что при правильном понимании принципов обращения можно было бы назначить уполномоченных, независимых от какого—либо министерского контроля, которые были бы единственными эмитентами бумажных денег, - благодаря чему, я думаю, обществу могла бы быть обеспечена прибыль в размере от двух до трех миллионов, в то же время мы были бы защищены от злоупотреблений национальных банков, которые являются причиной большого зла по всему королевству. Эти уполномоченные также должны управлять государственным долгом и выступать в качестве банкиров для всех различных государственных ведомств. Они могли бы вложить одиннадцать миллионов, которые в среднем составляют государственные депозиты, в казначейские векселя, часть из которых могла бы быть продана, когда потребуется. Конечно, это (по крайней мере, все это) не могло быть осуществлено до истечения срока действия Банковского устава в 1833 году; но никогда не бывает слишком рано уделять должное внимание важным принципам, которые можно было бы признать, хотя пока и не претворять в жизнь. Просматривая документы, которые время от времени представлялись парламенту, я думаю, можно было бы ясно доказать, что прибыли банка были огромными. Я бы подумал, что у них должен быть запас, почти равный их капиталу. По своему уставу они обязаны ежегодно делить свою прибыль и представлять отчет о своих счетах владельцам; но они, похоже, бросают вызов всем законам. Я всегда радуюсь любому нападению на Банк, и [если бы у меня] было достаточно смелости, я бы принял в нем участие.

Хотя в последнее время я размышлял на эту тему, меня не меньше интересует наша старая тема - преимущества или недостатки высоких цен на сырые продукты. Если бы я согласился с мистером Торренсом в том, что такие высокие цены сопровождалась ростом цен на сырьевые товары, и, если бы я думал, что такой рост не мешает обычным обменам с зарубежными странами, я, конечно, согласился бы с вами в том, что при таких общих высоких ценах мы должны получать большее количество иностранных товаров в обмен на определенное количество наших; но я не могу допустить, во-первых, что сырьевые товары подорожали бы из-за подорожания кукурузы [109]; и, во-вторых, если бы они так подорожали, то осталось бы лишь очень мало товаров, которые мы могли бы продать в равном количестве по предварительной цене иностранцам; и, если бы мы продавали им меньше, мы могли бы покупать меньше их, и, таким образом, пострадала бы наша общая торговля. Я вижу большие преимущества в низких общих ценах, но не в высоких. По этому вопросу мы вряд ли придем к согласию. Я надеюсь, что вы усердно работаете и что в начале года мы увидим что-то новое из-под вашего пера. Мне любопытно взглянуть на только что рекламированную брошюру [110], на титульном листе которой упомянуто ваше имя.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

... Вы видели книгу месье Сэя "Основы экономической политики"? Он смягчил, но не [удалил] нежелательные определения.

Примечание.—Переписка между Рикардо и Дж. Б. Сэем приведена в "Разнообразных произведениях" последнего, опубликованных после его смерти (Гийомен, 1848), с примечаниями Ч. Конта, Дейра и Горация Сэя. Дж. Б. Сэй (родился в 1767 г.) был сыном лионского купца гугенотского происхождения. Когда он был мальчиком, его вместе с братом Горацием отправили учиться бизнесу в Лондон, где он был поражен, среди прочего, тем фактом,

что его домовладелец в Кройдоне пристроил одно из двух окон своей квартиры, чтобы избежать налога на окна. Познакомившись с английским языком и английскими обычаями, он вернулся во Францию в 1789 году и поступил на работу в Компанию по страхованию жизни, управляющий которой (Клавьер) одолжил ему экземпляр "Богатства народов", еще не переведенный на французский. Прочтение этой книги сделало его экономистом на всю жизнь, как это произошло с Рикардо десять лет спустя. После службы в революционной армии в 1792 году он оставил коммерцию ради журналистики. Его главная книга "Особенности политической экономики" вышла в 1803 году. Слишком независимый, чтобы понравиться Наполеону, он был вынужден оставить свою новую профессию ради старой; и коммерческие поездки в конце концов привели его в Женеву, где он познакомился с Неккером, мадам де Сталь и Бенжаменом Константом. Он вернулся во Францию (в Оши, Па-де-Кале), чтобы прятать хлопок, выйдя на пенсию со скромным состоянием в 1813 году. После заключения мира правительство отправило его доложить об экономическом состоянии Англии. Он был сердечно принят Рикардо, Бентамом и другими экономистами; и по возвращении в Париж с гордостью рассказал своим слушателям в Консерватории искусств и искусств, что профессора Глазго усадили его в кресло Адама Смита. После активной преподавательской и писательской деятельности он умер в Париже 15 ноября 1832 года.

Рикардо пишет ему из Гэткомб-парка 18 августа 1815 года, благодаря за экземпляр (первого издания) "Катехизиса политической экономики", который он только что отправил. Хотя Сэй высоко оценил его работу, он считает, что даже сейчас Сэй с достаточной ясностью не отличил Ценность от полезности. Несомненно, чтобы иметь ценность, товар должен быть *полезным*, но именно *трудность* его производства является единственным показателем его ценности. "Самый богатый человек - это тот, у кого больше всего ценностей и кто способен, отдавая их взамен, приобретать себе не те вещи, которые он сам и все остальные считают наиболее желанными и которые можно приобрести по низкой цене, а те, которые трудно производить и, следовательно, дороги. Человек богат не умеренностью своих желаний, а количеством товаров, которыми он обладает." Сэй также, по мнению Рикардо, иногда забывал, что рост капитала производителя нельзя с уверенностью оценить в деньгах, если мы не учитываем изменение стоимости денег. Рикардо заключает: "Удовольствие, которое я получаю от чтения и изучения хороших работ по политической экономии, не уменьшилось с тех пор, как я увидел вас. Я бы посвятил все свое время обсуждению моментов, которые, как мне кажется, нуждаются в дальнейшем разъяснении, если бы у меня был хоть какой-то талант к композиции. Тем не менее, я рискнул опубликовать брошюру, [111] которую я вам послал, и я был бы рад узнать ваше мнение о доктрине, которой я придерживаюсь в ней в отношении земельной ренты и нормы прибыли, в противовес мистеру Мальтусу. Я узнаю от мистера Милля, что несколько человек в этой стране не понимают меня, потому что я недостаточно подробно изложил свои взгляды; и он пытается побудить меня взяться за их объяснение с самого начала и более подробно; но я боюсь, что это предприятие выше моих сил". ("Различные маневры Сэя", стр. 409-11. Рикардо писал по-английски, но в этом и других случаях редакторы приводят только французский.)

Далее следует ответ Сэя (стр. 411-13), 2 декабря 1815 г.: "Никто из вас не занят, не пользуется вами, а я выбираю для вас время, чтобы узнать, что происходит в данный момент, не прерывая веселья, не устраивая праздников, которые я устраиваю для справедливого управления людьми, нуждающимися в соне". Переходя к теме ценности, он говорит, что *не говорил*, что полезность является мерой ценности, но "ценность, которую люди придают вещи, является мерой полезности, которую они находят в ней"; более того, он не придерживался стоической

доктрины "чем меньше потребностей, тем больше богатство", а просто сказал, что человек богаче, если все вещи, которые он хочет (какими бы они ни были), дешевы, а не дороги, и был бы богаче всех, если бы у него было изобилие всего без каких-либо затрат вообще. Он допускает, что Рикардо прав в отношении роста капитала производителя, и обещает ввести квалификацию, предложенную Рикардо, в его следующем издании. В споре между Мальтусом и Рикардо ему трудно принять чью-либо сторону, поскольку он, со своей стороны, не может исключить из вопроса о прибыли "талант и производственные способности человека, который извлекает ресурсы земли или капитала"; прибыль, присущая только земле или капиталу, кажется ему несущественной по сравнению с прибылью, получаемой из описанного источника. Но он говорит, что слишком робок, чтобы настаивать на своем мнении, и будет ждать полных объяснений Рикардо в более масштабной работе. - Как я завидую вашей участи изучать политическую экономию в вашем прекрасном убежище в Гаткомб-парке! Я никогда не забуду ни тех слишком коротких мгновений, которые я провел там, ни очарования вашей беседы.

XXXVI.

Мой дорогой сэр,

Под легкостью производства я подразумеваю не только продуктивность почвы, но и навыки, технику и труд, связанные с естественным плодородием земли. Следовательно, из этого не следует, что, поскольку Отахейт [112] имеет изобилие плодородных земель, прибыль должна быть там самой высокой, потому что навыки и средства сокращения рабочей силы могут в Европе с лихвой компенсировать это естественное преимущество отахейта. Вопрос заключается в следующем: если бы часть навыков и капитала Англии была применена в Отахейте для производства 100 000 четвертей хлеба, не получили бы лица, применяющие этот капитал, большей прибыли в Отахейте, чем если бы они применили тот же капитал для той же цели здесь, и не была бы там рента ниже, чем здесь? Во всяком случае, вы должны допустить, что количество зерна, произведенного при данном количестве капитала, при условии применения одинакового умения, должно быть там больше, чем здесь, иначе плодородие почвы не имеет никакого значения. Вы должны также допустить, что пропорционально плодородию Отахейта и его размерам по сравнению с населением будет низка рента, несмотря на обильную норму производства. Я могу легко *представить*, что при несовершенной обработке земли, которую жители отахейта теперь отдают своей земле, население может быть достаточно многочисленным, чтобы требовать, чтобы вся их земля была обработана, и, следовательно, они должны были платить ренту; но пусть к ним присоединится только сотня европейцев с нашей усовершенствованной техникой и совершенными навыками земледелия, и непосредственным следствием будет то, что три четверти их земель на время станут для них совершенно бесполезными, поскольку четверть может производить им больше пищи, чем все жители могут потребить. Теперь я спрашиваю, возможно ли, чтобы три четверти земли в стране были переведены из состояния обработки в естественное состояние без снижения арендной платы? Если спрос на землю снизится, разве арендная плата за нее не должна упасть? Если вы скажете "нет", то не будет истины в утверждении, что стоимость зависит от соотношения между спросом и предложением. Теперь предположим, что Англия находится в том состоянии, в котором я представлял себе отахейт; и она действительно находится в таком состоянии, вся или большая часть ее земель находится в обработке; и предположим далее, что существует другая страна, совершенно неизвестная нам, чье мастерство и техника в сельском хозяйстве настолько же превосходят наши, насколько наши превосходят отахейтские. Если бы сотня из

этих людей пришла к нам со своим капиталом, навыками и т.д., разве не последовали бы те же последствия, о которых я только что заявил? Итак, каждое усовершенствование машин в малом масштабе представляет собой именно то, что я здесь предполагал в крупном масштабе; и я весьма удивлен, что вы все же утверждаете, что "повсюду, где количество земли ограничено, средства производства на ней будут идти главным образом в виде ренты, а почва страны может быть такой плодородной, что дает урожай в шестьдесят раз больше, чем в восьми или десяти, и все же прибыль на капитал составляет всего шесть процентов. и заработная плата как номинально, так и реально низкая." Земля, как и все остальное, повышается или понижается пропорционально спросу на нее; каждое улучшение, которое позволит вам производить то же количество продукта на меньшем количестве земли или, что то же самое, большее количество продукта на том же количестве земли, не может увеличить спрос на землю и, следовательно, не может повысить ренту.

Я не совсем ясно вижу различие, которое вы считаете важным, между производительностью промышленности и производительностью капитала. Каждая машина, сокращающая труд, повышает производительность промышленности, но она повышает также производительность капитала. Англия с машинами и при данном капитале получит больший реальный чистый продукт, чем Италия с тем же капиталом без машин, будь то в мануфактурах или в продуктах почвы. Это произойдет потому, что здесь задействовано гораздо меньше рабочих рук для получения той же продукции. Промышленность более производительна; так же как и капитал. Мне кажется, что одно является необходимым следствием другого, и что мнение, которое я выдвинул и с которым вы боретесь, состоит в том, что при прогрессе общества, независимо от всех улучшений в навыках и технике, продукт промышленности постоянно уменьшается в том, что касается земли, и, следовательно, капитал становится менее производительным. Что это уменьшение производства выгодно всем владельцам земли, но что это происходит за счет производителей, к которым *[так в оригинале]* я отношу фермеров, во-первых, за счет придания производимым ими товарам меньшей меновой стоимости, чем они имели раньше за зерно, и, во-вторых, за счет повышения издержек производства за счет повышения цен на рабочую силу.

Я отнесу это письмо на почту в Лондоне, куда завтра уезжаю на несколько дней. Я изложил в своем несвязном и сбивчивом стиле свое мнение о прибылях Банка и о преимуществах бумажной валюты и ничего, кроме бумажной валюты. Я слишком мало доволен этим, чтобы думать о публикации. Всего этого слишком мало для брошюры. Мистер Гренфелл, я думаю, озабочен тем, чтобы что-то было сказано о Банке до заседания парламента, и я тоже хотел бы, чтобы за это взялась какая-нибудь умелая рука.

Я всегда рад слышать, что вы готовитесь к печати; ибо, хотя я не всегда согласен с вашим мнением, я уверен, что ваши труды внесут вклад в прогресс науки, к которой я проявляю большой интерес. Мне следовало бы радоваться, что мы не так сильно отличались. Если я слишком теоретичен (в чем я действительно верю), то вы, я думаю, слишком практичны. В политической экономии существует так много комбинаций и так много действующих причин, что апеллировать к опыту в пользу конкретной доктрины очень опасно, если мы не уверены, что все причины вариаций замечены и их последствия должным образом оценены. Мистер Уишоу и мистер Уорбертон [\[113\]](#) были у мистера Смита в течение некоторого времени. К сожалению, меня не было дома, и я почти не видел их. Вчера я обедал с мистером Уишоу; он говорил о том, чтобы немедленно покинуть мистера Смита

С уважением,
Дэвид Рикардо.

7 октября 1815 года.

XXXVII.

[Без даты и заголовка, но прикреплено к предыдущему.]

[Октябрь 1815 г. ?]

Мой дорогой сэр,

Передо мной лежит отчет о капитале, фактически вложенном в ферму площадью 200 акров в Эссексе. Это составляет 3433 фунта стерлингов или около 17 фунтов стерлингов за акр [114], из которых не более 1100 или 1200 фунтов стерлингов относятся к тому описанию, которое не подвержено такому же изменению стоимости, как продукция самой земли, поскольку 2200 фунтов стерлингов состоят из стоимости семян в земле, авансов за рабочую силу, лошадей и живого скота и т.д. и т.п. Следовательно, если денежная стоимость продукта с земли упадет *из-за удобства производства*, то она должна всегда оставаться в большем соотношении со всей денежной стоимостью капитала, затраченного на землю, поскольку произойдет значительное увеличение среднего продукта на акр, в то время как падение денежной стоимости будет общим как для капитала, так и для продукта, и поэтому не может быть правдой, что рента, прибыль и заработная плата могут *действительно* падать одновременно.

Влияние высокой или низкой заработной платы на прибыль всегда было мною отчетливо признано: до тех пор, пока население не увеличится до той пропорции, которую может использовать возросший капитал, заработная плата будет расти и может поглощать большую часть всего продукта. Но этот эффект будет иметь место только при увеличении капитала и не имеет ничего общего с новыми производственными мощностями. Заработная плата не зависит от количества товара, которое будет произведено дневным трудом, и я не могу не считать вас совершенно неправым, когда вы говорите, что естественным следствием того, что легкость производства настолько возросла, что дневным трудом будет произведено 4 меры зерна, сукна и хлопка вместо 2 мер, будет то, что 4 меры зерна, сукна и хлопка будут стоить только цены дневного труда вместо 2. Мне кажется, что если бы за день труда можно было произвести не 4, а 10 мер, то заработная плата не повысилась бы, рабочему не досталось бы большей части зерна, сукна или хлопка, если бы часть увеличившегося продукта не была использована в качестве капитала, и тогда повышение заработной платы было бы пропорционально новому спросу на рабочую силу, а вовсе не пропорционально увеличению количества производимых товаров. Этим увеличением пользовался бы исключительно владелец капитала, и если бы он потреблял в своей семье весь возросший продукт, не увеличивая своего капитала, заработная плата оставалась бы неизменной и никоим образом не подвергалась влиянию возросшей легкости производства.

Я не могу согласиться с вашим предложением, а именно, ["] Что средства прибыльного использования капитала никогда не могут сосуществовать с обильным капиталом и продукцией и постоянным населением из-за необходимого эффекта такого положения вещей в повышении реальной цены труда", потому что я рассматриваю повышение заработной платы ни в коем случае не как необходимый эффект обильного капитала и продукции, поскольку оно может сопровождаться появлением новых возможностей для заготовки хлеба, и тогда заработная плата, даже если бы она выросла, не уменьшила бы прибыли, а только удержала бы их на более низком уровне, чем они были бы в противном случае. В случае, который мы рассматривали прошлой ночью, если бы каждая леди сама шила себе обувь, часть капитала, который сейчас тратится сапожниками на изготовление обуви, была бы использована иным образом. Тот же труд был бы затрачен на производство других предметов, желательных для этих дам-сапожниц, у которых были бы и сила, и желание приобрести их за счет сбережений, которые они получили бы, производительно используя свой труд. Существует большая разница между общими результатами накопления капитала и более производительным использованием того же капитала. Первое обычно сопровождается повышением заработной платы и падением, по крайней мере на какое-то время, прибыли, но второе может существовать неопределенно долго, не производя никаких подобных эффектов. В случае значительных усовершенствований машин капитал высвобождается для других применений, и в то же время высвобождается также труд, необходимый для этих применений, так что спрос на дополнительный труд не возникнет, если только увеличение производства в результате усовершенствования не приведет к дальнейшему накоплению капитала, и тогда влияние на заработную плату следует приписывать накоплению капитала, а не лучшему использованию того же капитала. Если бы численность населения была остановлена, в то время как накопление продолжалось, то, несомненно, последовали бы последствия, которые вы перечисляете, но это было бы вызвано недостаточным обеспечением спроса на рабочую силу, — это был бы эффект накопления, который действовал бы настолько мощно, что его лишь слегка сдерживала бы легкость производства, но это ни в коем случае не было бы следствием такой легкости.

Верно, что норма прибыли зависит от скудного или обильного предложения капитала по сравнению со средствами его прибыльного использования, — и эти средства, как вы говорите, исходя из общих принципов спроса и предложения, будут увеличиваться либо за счет уменьшения капитала, либо за счет расширения рынка для него. На самом деле наше исследование заключается в том, каковы причины расширения рынка, и я считаю, что наиболее мощной и единственной, которая действует постоянно, является снижение относительной стоимости продуктов питания. Мне кажется, вы немного допускаете, что спрос регулируется производительной силой, но вы еще очень далеки от того, чтобы удовлетворить все, что я требую. Я надеюсь, что мы встретимся в этом месяце, но я пока не могу сказать, смогу ли я покинуть Лондон.

Искренне ваш,
Д. Рикардо.

XXXVIII.

Лондон, 17 октября 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Миссис Рикардо и я сожалеем, что миссис Мальтус не сможет сопровождать вас, когда вы нанесете нам визит в Гэткомб. Мы были бы очень рады показать ей некоторые красоты нашего графства. Когда вы приедете, возможно, вы захватите с собой свое ружье. Хотя я сам не спортсмен, я постараюсь предложить вам лучший вид спорта, на который способно мое влияние.

Я очень признателен вам за внимание, которое вы уделили моей MS. [115] Я полностью осознаю недостатки стиля и аранжировки; это недостатки, которые я никогда не преодолю. Однако я приложу все усилия, чтобы поднять его до очень низкого стандарта, с которым вы его сравниваете [116]. Было бы непростительно писать хуже, имея больше практики.

Я ожидал, что вы не совсем согласитесь с моим планом изъятия металлов из обращения; но, я думаю, можно ответить на причины, по которым вы возражаете против этого, и тогда, я надеюсь, ваши возражения будут устранены. Вы опасаетесь, что без обращения металла мы не смогли бы в экстренном порядке доставить большое количество слитков для нужд государства. Однако факт говорит против вас, поскольку мы поставляли большие суммы, когда металлы были полностью изъяты из обращения. Так было на протяжении всей войны на полуострове. Если бы действительно в моей системе Банк мог хранить меньшее количество слитков в своих сундуках, чтобы удовлетворить запросы населения, возражение было бы вполне обоснованным; но единственная разница заключалась бы в том, что в одном случае их запасы состояли бы полностью из чеканенных золота и серебра, а в другом - из нечеканенных металлов; но в обеих системах, если Банк оплачивает их банкноты по требованию, количество валюты должно быть в равной степени уменьшено, если золото и серебро станут более ценными. Тогда этот аргумент может быть использован против валюты, конвертируемой вообще в звонкую монету или слитки, но применим к одной из них не больше, чем к другой. Я думаю вместе с вами, что в целом серебро было бы лучшим стандартом, чем золото, особенно если бы использовалась только бумага. Все возражения против его большей массы были бы сняты.

Я нахожу, что неправильно понял вашу иллюстрацию относительно прибыли от Отахейта; но наши разногласия по-прежнему очень серьезны. Я наиболее отчетливо допустить, что какие-либо причины, которые, как правило, делают капитала менее востребованы будет снижение прибыли; но я утверждаю, что нет никаких причин, которые будут на любой срок заработать капитал меньшим спросом, однако обильные, это может стать, но сравнительно высоких цен на продовольствие и труда,—что прибыли *необязательно* падать с увеличением величины капитала, так как спрос на капитал-это бесконечный и регулируется тем же законодательством, что само население. И то, и другое сдерживается ростом цен на продовольствие и последующим повышением стоимости рабочей силы. Если бы такого повышения не было, что могло бы помешать неограниченному росту населения и капитала? Я признаю действие великого принципа спроса и предложения в каждом конкретном случае; но в данном случае мне кажется, что спрос будет увеличиваться с той же скоростью, что и предложение, если не возникнет трудностей с продовольствием и сырыми продуктами. Плодородие, как вы справедливо заметили, является сутью высокой ренты; а низкая рента - необходимый результат бесплодия, каким бы скудным ни было зерно. Я согласен с вами также в том, что в стране, ограниченной 100 000 акрами, самой богатой из мыслимых, но при этом населенной и

капитализированной до предельных пределов производства, прибыль на капитал и заработная плата были бы очень низкими, хотя количество продукта, приносимого данным капиталом, *включая ренту*, могло бы составлять 100%.; но я спрашиваю, если бы каким-либо чудом продукция этой земли могла бы сразу удвоиться, осталась бы рента такой же высокой, как прежде, или она могла бы возрасти? Мы говорим о немедленных, а не конечных эффектах. Улучшения в навыках и оборудовании могут перейти к арендодателю через 1000 лет, но в течение 900 лет они останутся у арендатора.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Я был так занят и до сих пор так занят, что не смогу вернуться в Гэткомб до пятницы.

XXXIX.

Лондон, 17 октября 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Мое письмо было отправлено на почту до того, как я получил ваше, датированное вчерашним числом. Посылка, которую вы мне отправили, дошла до меня в целости. Мне жаль, что у вас было столько хлопот из-за этого.

Мои взгляды на Банк носят исключительно перспективный характер. Последнее возвращение банкнот в обращение было, я думаю, более масштабным, чем любое из предшествовавших. У меня нет газеты в Лондоне, но я думаю, что тираж банкнот тогда составлял (1815) 28 000 000 или более [117].

Опасно слушать сообщения об оживленности или вялости торговли. Я уверен, что выручка в последнем квартале была необычайно продуктивной, что не является признаком сокращения товарооборота. Поскольку вы допускаете, что потери продавцов являются выгодой покупателей, мне кажется, вы приписываете слишком большие последствия недавнему падению цен на сырые продукты. Из этого не следует, что из-за низких цен производство будет подавлено. Если бы стоимость денег сильно упала в то время, как страна добивалась значительных успехов в процветании, разве производство не поощрялось бы, несмотря на падение цен?

Я не склонен отрицать, что прибыль на земле может возрасти, если население будет увеличиваться быстрее капитала; но это будет частичное повышение прибыли в конкретной отрасли на ограниченное время, и оно сильно отличается от общего повышения прибыли в торговле в целом. Это признание не затрагивает моих принципов.

Всегда искренне твой,
Дэвид Рикардо.

Я должен извиниться за то, что пишу вам дважды за один день.

XL.

Гэткомб-парк, 24 декабря 1815 г..

Мой дорогой сэр,

Я пишу, чтобы напомнить вам, что настало время, когда вы когда-то дали мне надежду, почти уверенность, что я буду иметь удовольствие видеть вас здесь; и даже когда я видел вас в последний раз, вы обещали, если вам будет удобно, приехать и провести часть вашего отпуска со мной. Погода прекрасная, и мое желание увидеть вас так же горячо, как и всегда. Приезжайте тогда и вдохните чистую атмосферу наших холмов, и не бойтесь, что ваш визит задержит какой-либо объект, которому вы сейчас можете уделить внимание, ибо вы будете вольны писать, изучать или читать столько часов в день, сколько вам заблагорассудится, без чьего-либо вмешательства.

Восстановлена моя потерянная MS. [118]. Мистер Милл рекомендует ее опубликовать, но советует мне написать введение и разделить его на разделы. Я почти решил отбросить ее в сторону, но я снова принялся за работу над ней, и, хотя я не могу придать ей какую-либо форму, которая понравилась бы мне, она, я думаю, несколько лучше, чем когда вы ее видели; и в настоящее время существует вероятность, что я рискну ее опубликовать.

На днях я присутствовал в Банковском суде. У меня не было ни малейшего намерения говорить; но какие-то очень плохие рассуждения с другой стороны и полное отклонение от сути вопроса заставили меня задуматься, и я говорил пять или десять минут со значительным внутренним волнением, но без каких-либо вопиющих ошибок. Моя речь, как и мое письмо, слишком сжата. Я слишком склонен втискивать множество сложных вопросов в столь короткое пространство, чтобы быть непонятным для большинства читателей. "Кроникл", как я вижу, сообщила о том, что он подумал или услышал от меня, но он приписал мне то, чего я не чувствовал и не произносил. Были сделаны намеки на вопрос о слитках, и было сказано, что было предсказано, что, если директора банков коррумпированы, они могут с помощью власти, которой они обладают, выпускать бумаги, вызвать величайшее общественное бедствие; однако такого бедствия не произошло. В ответ я заметил, что доброта системы не была доказана тем, что бедствия не произошло, — что спикер всего лишь сделал комплимент честности директоров, к которому никто в суде не был готов присоединиться больше, чем я, — но, если директора были коррумпированы, я все равно думал, что они были вооружены властью творить зло. Хотя я был готов заявить о своей уверенности в честности директоров, было много частей их системы, которые я не мог одобрить, и т.д. и т.п. Это сильно отличается от сообщения в "Кроникл"; но я понимаю, что репортеров самым тщательным образом не допускали в зал суда.

Я надеюсь, что дела в колледже были улажены к вашему удовлетворению, и что результат недавнего неприятного нарушения [119] даст вам некоторую гарантию от его повторения в будущем.

Я заключаю, что вы полностью закончили писать изменения, которые вы запланировали для нового издания вашей книги [120]. Когда я видел вас в последний раз, я думаю, вы добились значительного прогресса, и поэтому вполне вероятно, что о вас уже писали в прессе. Какой

момент в следующий раз привлечет ваше внимание? Ибо я надеюсь, как говорит М. Сэй, что вы будете "мучиться всю жизнь" *[так в оригинале]*....

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

[Фрагмент. В течение этого года или ранее. См. Письмо XL]

[Я начал] с того, что заверил вас, что не собираюсь утомлять вас повторением моей сотни раз рассказанной истории, и мне стыдно видеть, что я не рассказал ничего другого. Есть еще несколько моментов, по которым я сделаю несколько замечаний, когда буду иметь удовольствие видеть вас. Если вы приедете в город, не могли бы вы оказать мне любезность и зайти на Фондовую биржу, если только мой дом не будет находиться далеко от вашего пути. Я рекомендую вам позвонить туда, потому что я как раз собираюсь на некоторое время покинуть Брук-стрит. Миссис Рикардо и вся семья завтра утром уезжают в Рамсгейт, и она не позволит мне оставаться дома одной, так что, когда я буду в Лондоне, я буду в основном с моим братом в Боу; время от времени я буду проводить ночь дома. Мои дела настолько неопределенны, что я вообще не могу предвидеть, какую часть следующих двух-трех месяцев я смогу провести на берегу моря. Вполне вероятно, что я буду так часто бывать в городе, что вы найдете меня на Фондовой бирже

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XLI.

Гэткомб-парк, 2 января 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Оба ваших письма дошли до меня, и я очень сожалею, что не буду иметь удовольствия видеть вас в Гэткомбе на этих каникулах. Я уехал из Лондона, как вы и предполагали, на следующий день после судебного заседания в Банке. Я считал бы за счастье, если бы, находясь там, встретил вас. Мой дом на Брук-стрит еще не в том состоянии, чтобы принять нас; и не будет в этом сезоне, если мы не согласимся переехать в него со стенами, не оклеенными обоями и некрашеными, на условиях, с которыми мы согласимся. Как нам сказали, к концу месяца он будет пригоден для жилья, и к этому времени мы, вероятно, покинем Гаткомб.

Поскольку вы не доставили мне удовольствия составить мне компанию здесь, и поскольку я хочу поговорить с Мюрреем относительно моей книги и ознакомиться с некоторыми парламентскими документами, которых у меня здесь нет, я намереваюсь совершить поездку в город в начале следующей недели. Как вы думаете, у меня будет какой-нибудь шанс встретиться с вами там? Помните, что письмо всегда найдет меня на Бирже или перейдет по ГИПЕРССЫЛКЕ с нее.

Чрезвычайно обидно, что вас так сильно отвлекали дела колледжа, что вы не смогли добиться большего прогресса с вашими новыми главами. Я сожалею, что вы сочли необходимым сократить или опустить все, что у вас, возможно, есть сказать по этому вопросу, и особенно если вы так решите, потому что в противном случае потребуется больше времени, прежде чем вы сможете опубликовать. Вопрос о вознаграждениях и ограничениях чрезвычайно важен, и, если вы еще не высказали свое нынешнее мнение по этому вопросу в другом месте или не собираетесь это сделать, он должен стать частью настоящей работы [122]; и небольшая задержка с публикацией не очень важна.

Имеющееся у меня издание вашей работы - первое, и прошло много лет с тех пор, как я ее читал. Когда вы написали мне, что просматриваете главы о сельскохозяйственной и производственной системах с целью внести в них некоторые изменения, я просмотрел эти главы и увидел в них многое, что отличалось от того мнения, которое у меня сложилось по этой части предмета. У вас дома я заметил, что в последующем издании вы изменили некоторые отрывки, против которых я особенно возражал, и в главах, которые вы сейчас пишете, мне показалось, что есть лишь незначительный след того различия, которое мы часто обсуждали. Общее впечатление, которое у меня осталось от книги, превосходное. Доктрины казались настолько ясными и удовлетворительно изложенными, что они возбудили во мне интерес, уступающий только тому, который вызван знаменитой работой Адама Смита [123]. Я помню, как упоминал вам, и, кажется, вы сказали мне, что изменили это в следующих изданиях, что, как мне показалось, в некоторых местах вы утверждали, что нормы для бедных никак не влияют на увеличение количества выдаваемого продовольствия, — что, как я думал, вы были вынуждены признать, что законы о бедных увеличат спрос и, следовательно, предложение. Это признание не ослабляет главного тезиса, который необходимо доказать.

Что касается разницы между нами в доходах, о которой вы говорите в своем письме, вы, я думаю, изложили ее неправильно. Вы говорите, что мое мнение таково, "что общая прибыль падает никогда не от общего падения цен по сравнению с рабочей силой, а от общего повышения рабочей силы по сравнению с ценами". Я не признаю, что это мое предположение. Я думаю, что зерно и рабочая сила являются переменными товарами, и что другие товары не растут и не падают иначе, как из—за трудности или легкости производства или из-за какой-либо причины, особенно влияющей на стоимость денег, и что никакое изменение цены, происходящее от этих причин, не влияет на общую прибыль, всегда допуская некоторый эффект дешевизны сырья

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XLII.

Лондон, 10 января 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Вчера я прибыл в Лондон и нашел ваше письмо на фондовой бирже. Совершенно неясно, уеду ли я из Лондона завтра вечером или в понедельник вечером. Мне не терпится попасть домой по

многим причинам, но, возможно, я не смогу завершить дело, ради которого приехал, так быстро, как ожидал, и, если я не сделаю это к завтрашнему дню, это, по всей вероятности, задержит меня до понедельника. Таким образом, все еще неясно, встретимся ли мы, и я точно не знаю, как познакомить вас с моими передвижениями. Я, однако, дам знать мистеру Мюррею, если завтра уеду из города, и, если вы окажетесь поблизости от Рассел-сквер, отправив письмо в дом № 8 по Монтегю-стрит (мистеру Басеви), вы обязательно узнаете. В Сити, на фондовой бирже, любой из моих братьев сообщит вам обо мне. Если я не уйду, не окажете ли вы мне любезность поужинать со мной в пятницу у мистера Басеви? Он ужинает в шесть часов, и он просит меня передать, что будет очень польщен тем, что вы удостоите его своим обществом. Я надеялся найти вас в Лондоне и узнать ваше мнение о моей книге [124] в ее нынешнем виде, прежде чем я отправлю ее в печать. От этого преимущества я должен теперь отказаться, потому что я желаю обнародовать его до заседания парламента и уже испытывал неудобства из-за чрезмерной спешки.

Я не могу считать непоследовательным предположение, что денежная цена труда может повышаться, когда необходимо обрабатывать более бедную землю, в то время как реальная цена может в то же время падать. На цену труда влияют две противоположные причины: одна - повышение цены некоторых предметов, на которые расходуется заработная плата, другая - уменьшение удовольствий, которыми рабочий будет иметь возможность распоряжаться. Вы думаете, что они могут уравновесить друг друга, или, скорее, что последнее возобладает; я, напротив, думаю, что первое наиболее сильно по своему воздействию. Я должен написать книгу, чтобы убедить вас.

Я рад, что вы не собираетесь сокращать свой следующий выпуск.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Рукопись, упомянутая в этом письме, вероятно, была брошюрой об "Экономичной и надежной валюте", которая, как показывают внутренние доказательства, была напечатана не ранее февраля 1816 года. Рикардо, как явствует из Письма XL, уже отправил рукопись Джеймсу Миллу. Во фрагменте письма Миллу (цитируется в книге Бейна "Жизнь Милля", стр. 153, датировано январем 1816 г.) он пишет: "Заполните восемь страниц в Приложении, не будет ли это слишком много?" Профессор Бейн считает, что это должно относиться к "Принципам политической экономии и налогообложения" (1817). Но у этой работы нет приложения; и, кажется, нет причин, почему бы ей не ссылаться на "Экономичную и надежную валюту" (1816), у которой оно есть. "Резолюции, предложенные в отношении Банка Англии мистером Гренфеллом", и те, что были предложены мистером Меллишем, вместе взятые, занимают семь страниц этого Приложения в первоначальном издании; и Рикардо в процитированном фрагменте, вероятно, имел в виду, что эти Резолюции, если бы он их напечатал, заняли бы почти восемь страниц и т.д.

XLIII.

Лондон, 7 февраля 1816 г..

Мой дорогой сэръ,

Я прибыл в город вчера со всей моей многочисленной семьей. Мы уже удобно устроились на Брук-стрит, насколько это возможно при любых обстоятельствах, и спешу сообщить вам, что у нас для вас готова кровать, которую, я надеюсь, вы очень скоро займете. Я забыл, в какую субботу месяца вы встречаетесь в "Короле треф", но из вашей последней встречи делаю вывод, что это второе число. Если да, то вы, вероятно, будете в городе завтра или в пятницу, и я надеюсь, что вы остановитесь в нашем доме и будете проводить с нами столько времени, сколько позволят вам ваши многочисленные друзья.

Вы, вероятно, перед этим видели мою книгу [125]. Я читал ее в ее нынешнем виде и очень сожалею, что не добился никакого прогресса в очень сложном искусстве композиции. Я считаю, что это должно быть моим исследованием, прежде чем я еще раз выскажу публике свои грубые взгляды.

Говорят, что Банк заключил какое-то соглашение с правительством, но какое именно, точно неизвестно. Они говорят о том, что Банк предоставил правительству аванс в размере шести миллионов долларов под четыре процента, помимо продолжения предоставления кредита в размере трех миллионов долларов без процентов. Однако мы не будем долго пребывать в напряжении по этому вопросу, поскольку завтра состоится общий суд собственников, на котором директора обратятся к собственникам с просьбой проголосовать за одобрение их соглашения. Они попросят об этом, не предоставив им никакой информации ни об их сбережениях, ни о прибыли, ни о сумме государственных вкладов. Разве это не нелепая насмешка и оскорбление нашего здравого смысла? Я надеюсь, что среди присутствующих может быть несколько независимых собственников, которые могут запросить информацию или, по крайней мере, потребовать голосования, для которого необходимо всего девять [126]. Вы были бы удивлены низостью горожан и тем огромным влиянием, которым пользуются директора из-за их способности сбрасывать со счетов счета. Я убежден, что многие собственники проголосовали бы совсем не так, как они проголосовали бы поднятием рук.

Я мало думал над нашей старой темой; моя трудность заключается в том, чтобы так представить ее умам других, чтобы заставить их впасть в ту же цепочку мышления, что и меня. Если бы я мог преодолеть препятствия на пути к ясному пониманию первоначального закона относительной или меновой стоимости, я бы выиграл половину битвы

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XLIV.

[На обороте этого набросаны цифры и списки книг, написанные рукой Мальтуса.]

Лондон, 23 февраля 1816 г..

Мой дорогой сэръ,

Прошу напомнить вам, что первая суббота следующего месяца приходится на завтрашний вечер, и в этот день или за несколько дней до него я надеюсь иметь удовольствие видеть вас на Брук-стрит. У нас всегда к вашим услугам кровать, и я бы хотел, чтобы вы взяли за правило останавливаться у нас всякий раз, когда приезжаете в Лондон.

Я надеюсь, что вы твердо решили расширить ваше новое издание еще на один том и что сейчас вы добиваетесь в этом большого прогресса. Я бы очень хотел видеть регулярное и связное изложение вашего мнения по тому, что я считаю самой сложной и, возможно, самой важной темой политической экономии, а именно по поводу роста благосостояния страны и законов, по которым распределяется растущий продукт.

Вы видели Письмо Торренса лорду Ливерпулю [127]? Мне кажется, он разделил все мои взгляды на прибыль и ренту; и в разговоре, который у меня был с ним несколько дней назад, он недвусмысленно признал, что теперь он разделяет мое мнение о том, что цена труда, возникающая из-за трудностей с добычей продовольствия, не влияет на цены товаров. Он признал, что его прежняя точка зрения по этому вопросу была ошибочной. Я был бы рад видеть все аргументы в пользу моего взгляда на этот вопрос, четко и умело изложенные. Я бы не удивился, если бы Торренс взялся за это дело.

Продажа моей последней брошюры превзошла все ее достоинства. Мюррей печатает второе издание [128]. Я понятия не имел, что эта тема представляет большой интерес для публики, но, похоже, им интересно узнать о сумме Банковских сокровищ. В Палате общин защита контрактов с Банком была весьма неудовлетворительной; они пытались привлечь внимание Палаты к тому, что общественность получила и спасла благодаря операциям Банка; они, по-видимому, думали, что все остальное по праву принадлежит Банку.

Смогут ли министры платить подоходный налог [129]?

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Торренс ближе всего подошел к осуществлению вышеупомянутого прогноза в своем "Эссе о производстве богатства" (1821), которое было объявлено как "общий трактат по политической экономии, объединяющий с принципами Адама Смита столько более поздних доктрин, сколько может соответствовать истине, и объединяющий все это в единую согласованную систему". (Предисловие стр. v.) Но он энергично обдумывает тему самостоятельно; и, хотя во всех своих более поздних книгах он превозносит Рикардо выше всех своих современников, он часто находит повод не согласиться с ним. Действительно, он иногда утверждает, что Рикардо - заемщик, а он - кредитор. Рикардо, например, обязан ему (по его словам) доктриной о том, что, когда нация имеет большое преимущество в одном производстве, но гораздо большее - в другом, она ограничится производством последнего и даже импортирует первое (Рикардо, Сочинения, стр. 76, 77; ср. Торренс, Предисловие к "Очерку внешней торговли зерном", стр. vii). Тем не менее, доктрина всегда считалась рикардианской *par excellence* (см., например, Кэрнс, "Ведущие принципы политической экономии", часть III. глава i., стр. 371, и "Логический метод", стр. 81), и мы не должны догадываться, например, из письма XLVII, что Рикардо был новообращенным. Предисловие к "Производству богатства" заканчивается

предсказанием, что через двадцать лет экономисты придут к единодушию по всем фундаментальным принципам.

XLV.

Лондон, 5 марта 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Ранее общественные газеты сообщили вам о результатах вчерашнего голосования в Доме Индии; предложение мистера Джексона было отклонено большинством в двадцать один или двадцать два голоса. Мистер Джексон в своем ответе сказал о вас все, что могли пожелать ваши самые пристрастные друзья; и действительно, общий тон его вчерашней речи был гораздо более умеренным, чем тот, которым он представил свое предложение. [130] комментарии г-на Босанке к некоторым отрывкам в вашей брошюре [131] наводят меня на мысль, что он, должно быть, неправильно вас понял, поскольку я полагаю, что это не входило в ваши намерения при написании рекомендовать директорам назначить больше молодых людей, чем было вакантных должностей сценаристов, чтобы неудачные кандидаты были окончательно и безвозвратно лишены всякой возможности поехать в Индию [132]. Я полагаю, что вы намеревались позволить им снова побороться за одну из премий следующего года, и поэтому наказанием за их пренебрежение было бы скорее отсрочка их назначения, чем полное отстранение. Мистер Босанкет, как мне показалось, поспорил с последним предположением.

Мистер Элфинстоун [133] отзывался о профессорах очень доброжелательно и очень красиво; тем не менее, я думал, что он был, безусловно, самым грозным оппонентом Колледжа в его нынешнем составе и тем, кому я меньше всего мог бы ответить. Его речь была короткой, но, судя по сдержанности его языка, она произвела, я думаю, значительный эффект и придала большое мужество партии мистера Джексона. Я надеюсь, что эта тема больше не будет поднята, или, скорее, я надеюсь, что профессионализм молодых людей и отсутствие всякой суеты убедят каждого в невежливости вмешательства в дела истеблишмента.

Сожалею, что вынужден отложить свой визит к вам, но я не смогу быть с вами в субботу [134].... Мы уезжаем ... в Глостершир, так что я должен отложить свой визит к вам до более благоприятной возможности. Возможно, вы будете в Лондоне на "Короле треф". Если да, то, пожалуйста, приходите к нам. Я хотел показать вам свои наблюдения [135] на ваших брошюрах, прежде чем они отправятся в печать. Если я не увижу вас в пятницу, я отправлю их дилижансом через несколько дней. Поскольку это последняя статья с моей очень низкой производительностью, принтер, вероятно, не захочет использовать их до моего возвращения [136]. Когда вы прочтете их, пожалуйста, отправьте их вместе со своими наблюдениями на Брук-стрит с почтовым дилижансом....

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XLVI.

Лондон, 24 апреля 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Не слишком рано напомнить вам, что мы с миссис Рикардо надеемся иметь удовольствие побыть в обществе миссис Мальтус и вас в нашем доме во время вашего визита в Лондон на следующей неделе. Я надеюсь, что это будет в начале недели, и что вы не будете так сильно торопиться домой, как обычно. В понедельник, после собрания вашего клуба, я попрошу нескольких ваших и моих друзей встретиться с вами за ужином, а в воскресенье или в любой другой день, возможно, Уорбертон и Милл поужинают с нами по-семейному. Я только что получил приглашение от мистера Блейка отобедать с ним в пятницу, 3 мая, и я взял на себя смелость передать вам от его имени, что он надеется, что вы окажете ему честь своим обществом в этот день. Я надеюсь, вы также будете согласны с этим соглашением.

Я надеюсь, что вы лучше использовали свое время, чем я свое, и что вы быстро продвигаетесь вперед с различными работами, которые у вас в руках. Я ничего не делал с тех пор, как увидел вас, поскольку был вынужден очень часто бывать в городе, и, отлучившись на день или два, я испытываю величайшее нежелание снова браться за работу. Я могу продолжать развлекать себя своими рассуждениями, но не думаю, что когда-нибудь продвинусь дальше. Моему прогрессу противостоят почти непреодолимые препятствия, и я нахожу величайшую трудность в том, чтобы избежать путаницы в самых простых моих утверждениях.

Вы видели письма Торренса графу Лодердейлу в "Сан"? По-моему, он опубликовал пять. Они в основном касаются валюты и остроумны, хотя я думаю, что они поддерживают некоторые очень неправильные доктрины. Они подписаны его именем.

Насколько я понимаю, Хорнер будет выступать против продления действия законопроекта об ограничениях; сейчас он не отрицает падения стоимости золота и серебра после окончания войны. Для Банка не может быть лучшей возможности возобновить платежи наличными. Серебро на самом деле дешевле, чем на монетном дворе. Перемена удивительна [и была] произведена очень неожиданным [образом]....

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

XLVII.

Лондон, 28 мая 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Из того, что вы сказали, когда уезжали из Лондона, вполне вероятно, что вас не будет в клубе в следующую субботу. Если ваш визит в город придется отложить до следующего вторника, у нас есть к вашим услугам кровать — сейчас ее занимают мистер и миссис Смит, наши глостерширские друзья. В случае, если вы приедете раньше, я надеюсь, что вы сможете провести с нами большую часть своего времени. Наш завтрак сейчас в такое подходящее

время, что я надеюсь, вы поужинаете с нами в первое утро вашего приезда в Лондон, а затем договоритесь, как часто мы будем видеть вас за ужином.

Я полагаю, что с момента нашей последней встречи вы были слишком заняты официальными делами, чтобы сильно продвинуться в написании трудов, которые у вас в руках. Я надеюсь, однако, что вы будете готовы представить общественности результаты ваших взвешенных суждений в свое время. Мы имеем право обратиться к вам за исправлением некоторых трудностей и противоречий, которыми обременена Политическая экономия [137].

Майор Торренс говорит мне, что он будет усердно работать в течение следующих нескольких месяцев, так что мы можем ожидать от него книгу на ту же тему в следующем году. Он продолжает придерживаться некоторых еретических взглядов на деньги и обмен, несмотря на то, что мы с мистером Миллом приложили все наше красноречие, чтобы обратить его в истинную веру. Нам, однако, удалось устранить некоторые неясности, которые затуманивают его представление о принципах обмена. Я думаю, он вполне приверженец *всего* того, что вы называли моими своеобразными взглядами на прибыль, ренту и т.д. и т.п., Так что я могу справедливо сказать, что у меня нет принципов политической экономии, которые не были бы одобрены ни вашим, ни его авторитетом, что делает гораздо менее важным, чтобы я продолжал выполнять задачу, которую я начал, - излагать свои мнения общественности. Эти принципы будут поддерживаться вами или им гораздо более умело, чем я мог бы попытаться поддержать их. Мои труды полностью прекратились на два месяца; очень сомнительно, что в сельской тишине я снова возобновлю их. Мое тщеславие не получило достаточного стимула, чтобы избавиться от соблазна, который постоянно возникает из-за потакания моим праздным привычкам.

Прекрасная погода как нельзя кстати подходит для вашего отпуска. Полагаю, вы отправитесь в путешествие без особых задержек. Надеюсь, мы встретимся в Гэткомбе до вашего возвращения домой.

Поверь мне,
Я всегда буду по-настоящему твоим,
Дэвид Рикардо.

XLVIII.

Гэткомб-парк, 9 августа 1816 г..

Мой дорогой сэръ,

Я признателен вам за проявленный интерес к моей яхте.... Я рад, что миссис Мальтус и мисс Экерсолл остались довольны своей экскурсией в Истон Грей и Гаткомб. Они и вы могли бы лучше убедить меня в том, что ваш визит был приятным, если бы вы так не спешили положить ему конец. Наши друзья в Истон Грей остановились у нас на несколько дней в сопровождении мистера Бинды. Мы ожидали, что мистер Уорбертон присоединится к ним здесь, но он написал, чтобы отложить свою поездку на пару дней.... Он, кажется, доволен идеей своей поездки в Италию, хотя миссис Остин, которая вернулась, не преминула в самых ярких красках описать неприятности, с которыми она столкнулась. Он, я осмелюсь сказать, очень хороший

путешественник, а о моей дочери я всегда думал как о худшей из всех, с кем когда-либо встречался.

Смиты уезжают из Истон-Грея в понедельник в Лондон. Полагаю, вы слышали, что они собираются с мистером Уишоу в Нидерланды. Я уверен, что они будут в восторге от своей экскурсии. Они всегда отправляются в путешествие, как, на самом деле, я думаю, они путешествуют по жизни, с предрасположенностью получать удовольствие. Они смотрят на все сквозь благоприятную среду и не горят желанием подмечать недостатки каждого объекта, с которым сталкиваются.

Мне нетрудно согласиться с вами, что "норма прибыли на акции зависит главным образом от спроса и предложения акций по сравнению со спросом и предложением рабочей силы", если под этими словами вы подразумеваете повышение или понижение заработной платы. Это мое идентичное предложение. Итак, если количество рабочей силы возрастает, неважно, по какой причине, прибыль упадет; но есть две причины, которые повышают заработную плату за труд: во—первых, спрос на рабочих велик по сравнению с предложением, во—вторых, пища и предметы первой необходимости для рабочего трудны в производстве или требуют для их производства большого количества труда. Чем больше я размышляю на эту тему, тем больше убеждаюсь, что последняя причина действует непрерывно. Очень редко случается, что весь добавочный продукт, полученный при том же количестве труда, выпадает на долю рабочих, которые его производят; но если бы это произошло, я все же утверждал бы, что норма прибыли упала бы, потому что цена хлеба упала бы при такой возросшей легкости производства; капитал был бы изъят из земли, рента упала бы, а прибыль возросла. Причины, о которых вы говорите, могут действовать в Польше и Америке; я никогда этого не отрицал. Соотношение между трудом и капиталом, несомненно, повлияет на прибыль, поскольку оно повлияет на заработную плату; но это не единственный элемент при рассмотрении вопроса о прибыли; существуют и другие причины, которые также влияют на заработную плату. Насколько я понимаю, вопрос о том, может ли быть всеобщим спрос, повышающий цену, должен зависеть от того, могут ли драгоценные металлы быть предоставлены так же быстро, как и другие товары. Если сбережения или приобретения труда обмениваются на все товары в одинаковой пропорции и спрос также должен увеличиваться в этой пропорции, я не вижу причин, по которым какой-либо товар должен дорожать; но если спрос на сукно или золото больше или меньше предложения, их меновая стоимость может повышаться или понижаться. То есть их рыночная стоимость могла бы повышаться или падать; но их естественная стоимость, вероятно, претерпела бы незначительные изменения, и поэтому через некоторое время они были бы обменены по своему обычному курсу. Новая стоимость, выброшенная на рынок, всегда предполагает определенное количество продаж, а также покупок; если никакая часть этой стоимости не состоит из драгоценных металлов, я не вижу, как все товары могли бы вырасти. Я должен был бы ожидать, что кто-то поднимется, а кто-то упадет, но общая тенденция скорее была бы к последнему.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

....

XLIX.

Гэткомб-парк, 5 октября 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Несмотря на плохую погоду, я не преминул повеселиться, поскольку побывал в Челтенхеме, Малверне и Вустере, а недавно и в Бате. Конечно, продолжающиеся дожди делают его менее приятным, чем это было бы в противном случае, но, поскольку я не испытываю недостатка в развлечениях на улице, я ухитряюсь совершать прогулки, пока погода хорошая, и возвращаюсь в свою библиотеку с возобновлением дождя

Я надеюсь, что ваш дополнительный том вскоре последует за вашим новым изданием старой работы [138]. Я был бы рад ознакомиться в связной форме с вашими зрелыми мнениями о росте ренты, прибыли и заработной платы и о том, каким образом на них влияют возрастающие трудности в добывании продовольствия, увеличение капитала и совершенствование машин. Я боюсь, что мы не придем к согласию по этим вопросам, и я был бы очень рад, если бы мы могли честно представить наши разные взгляды общественности, чтобы у нас было несколько способных руководителей, вовлеченных в рассмотрение этого [*так в оригинале*] [139]. На это, однако, у меня мало надежды, ибо, хотя я твердо убежден в истинности своей теории, мне не удастся сформулировать ее ясно. Мне очень мешал вопрос о цене и полезности, поскольку мои прежние представления по этим вопросам были неверны. Моя нынешняя точка зрения может быть столь же ошибочной, поскольку она ведет к выводам, расходящимся со всеми моими предвзятыми мнениями. Я буду продолжать работать, хотя бы для собственного удовлетворения, пока не придам своей теории непротиворечивую форму.

Вы говорите, что, по-вашему, я иногда допускал, что если бы население чудесным образом прекратилось, в то время как самые плодородные земли оставались необработанными, прибыль упала бы при предположении, что увеличение капитала все еще продолжается. Теперь я признаю это. Я думаю, что прибыль зависит от заработной платы, а заработная плата зависит от спроса и предложения рабочей силы и от стоимости предметов первой необходимости, на которые тратится заработная плата. Эти две причины могут влиять на прибыль одновременно, либо в одном, либо в противоположном направлении. В рассматриваемом вами случае заработная плата имела бы тенденцию оставаться неизменной в том, что касается предложения продуктов питания, но она имела бы тенденцию к росту вследствие увеличения спроса на рабочую силу, в то время как предложение оставалось неизменным. При таких обстоятельствах прибыль, конечно, упала бы. Вы должны, однако, признать, что это экстраординарный случай, выбивающийся из обычного хода событий, поскольку тенденция к увеличению населения при нашем состоянии общества более чем равна тенденции к увеличению капитала. Я буду в Лондоне в следующий четверг или пятницу.... Я был бы рад, если бы какая-нибудь счастливая случайность привела вас в город в это же время. Если да, дайте мне знать, где вас можно найти; линия, направленная на Фондовую биржу, наверняка найдет меня. Окончательно мы покинем страну не раньше января или февраля. Я бы хотел, чтобы вы приехали и побольше увидели Гэткомб во время ваших рождественских каникул

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

L.

Боу, Мидлсекс, 11 октября 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Я прибыл в Лондон сегодня утром и нашел ваше любезное письмо, на которое мне следовало ответить немедленно, поскольку иначе вы не могли бы узнать, принял ли я ваше любезное приглашение, раньше того времени, когда вы могли бы меня ожидать. По правде говоря, я забыл день недели и, пока не вернулся домой, не осознавал, что уже так близка суббота. Я очень сожалею, что не смогу воспользоваться вашей добротой, поскольку у меня здесь дела, которые не позволят мне покинуть город до возвращения в Гэткомб.

Вы ошибаетесь, если полагаете, что я скажу, что ни при каких условиях легкости производства прибыль не может упасть. Я говорю о том, что прибыль будет расти, когда заработная плата упадет, и, поскольку одной из основных причин падения заработной платы являются дешевые продукты питания и предметы первой необходимости, *вероятно*, что при легкости производства или дешевых продуктах питания и предметах первой необходимости прибыль будет расти. В то самое время, когда труд определенного числа людей может производить на такой земле, которая не платит ренты, 1100 вместо 1000 четвертей зерна, и когда вследствие этого урожай падает с 5 до 4 10 *шекелей* за квартал, денежная заработная плата, так же как и заработная плата за хлеб, *может* повыситься, ибо капитал *могу* увеличиваться очень быстрыми темпами, а рабочие - медленными, и в этом случае прибыль упала бы, а не повысилась. В этих весьма специфических условиях более высокой денежной заработной платы при более низких ценах на предметы первой необходимости заработная плата труда находилась бы в необычном состоянии и вскоре вернулась бы к старому стандарту, когда прибыль ощутила бы это преимущество. Все, что я хочу доказать, это то, что прибыль зависит от заработной платы, заработная плата при обычных обстоятельствах зависит от цен на продукты питания и предметы первой необходимости, а цена на продукты питания и предметы первой необходимости зависит от плодородия последней обработанной земли. Во всех случаях, возможно, верно, что рента будет зависеть от спроса по сравнению с предложением хорошей земли, а заработная плата - от спроса по сравнению с предложением рабочей силы, если допустить, что цена предметов первой необходимости влияет на спрос и предложение рабочей силы.

Я не совсем понимаю выражение о том, что прибыль зависит от спроса по сравнению с предложением капитала. Что бы вы сказали о двух странах, в [которых] точно равные капиталы, где заработная плата также равна и где население точно такое же по численности? Будет ли спрос по сравнению с предложением капитала одинаковым в обоих случаях? Если выговорите, что они сделали бы это, я спрашиваю, была бы их норма прибыли такой же при любом другом предположении, кроме предположения, что их земля имеет точно такую же степень плодородия? Мне представляется вполне вероятным, что обычная норма прибыли могла бы в одном случае составлять 20, а в другом - только 15%, или в каких-либо других пропорциях

Поверь мне,
Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

II.

Лондон, 14 октября 1816 г..

Мой дорогой сэр,

Мое пребывание в Лондоне не продлится дольше следующей пятницы. Надеюсь, вам будет удобно приехать раньше. В четверг я буду свободен и встречу с вами в любом месте Лондона, которое вам больше подойдет, если только вы не отужинаете со мной у моего брата в Боу. Его дом маленький, и я боюсь, что теперь, когда мы с ним, у него нет свободной кровати, а вам, возможно, не понравится путешествовать так далеко ночью. Если да, давайте встретимся в городе и поужинаем там.

Денежная заработная плата за труд, как я понимаю, обычно регулируется средствами производства. Я думаю, что и при обильном производстве меньшая доля всего будет отдана землевладельцам, а большая останется двум другим классам, капиталистам и рабочим; но из этого возросшего количества большая доля будет отдана капиталистам и меньшая - рабочим. Теперь, хотя то, что вы называете реальной заработной платой труда [140] (но я думаю, что это неправильный термин) увеличится, денежная заработная плата упадет. Но это будет не в случае с прибылью; увеличится то, что вы назвали бы реальной прибылью, но увеличится и денежная прибыль. При тех обстоятельствах, которые я предположил, норма прибыли повысится, хотя денежная заработная плата упадет. Разница между нами вот в чем. Я говорю, что при каждом удобстве или трудности производства, при каждом количестве предметов первой необходимости, которое должно быть разделено между прибылью и заработной платой, каждому из них будут придаваться различные пропорции, и что деньги будут точно отражать эти пропорции. Мне кажется, вы думаете, что прибыль не зависит от деления продукта и что денежная заработная плата может как повышаться при легкости производства, так и падать.

Вы честно формулируете реальный вопрос; он заключается в следующем: "Какова основная причина, определяющая норму прибыли при всех различных степенях производительности?" Мне кажется, вы не решаете вопроса, когда отвечаете "что это соотношение капитала и труда". В богатой стране, где прибыль невелика и где значительная часть продукции выплачивается землевладельцам в качестве ренты, соотношение труда и капитала будет наибольшим, и все же, согласно вашей теории, оно должно быть наименьшим. Я думаю, вы не станете отрицать, что в стране, где рабочая сила высока, производитель применил бы больше капитала для производства тех же товаров, чем в стране, где заработная плата низка, и там также была бы низка прибыль; иными словами, прибыль высока там, где капитал составляет большую долю по отношению к труду, и низка там, где труд составляет большую долю по отношению к капиталу.

Я пишу среди шума Фондовой биржи и очень боюсь, что буду более чем обычно непонятлив.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LII.

Гэткомб-парк, 3 января 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Прошло много времени с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас, и за это время я часто намеревался написать, так как не получал от вас известий; но моя природная лень брала верх, и я откладывал это до сих пор. У меня были некоторые слабые надежды, что вы, возможно, будете в соседнем графстве на этих каникулах, и в этом случае я надеялся бы уговорить вас провести здесь короткое время; но я узнал от мистера Бинды, который находится в гостях у мистера Смита, что он встретился с вами в Холланд-Хаусе и что маловероятно, что вы уедете далеко от дома. Ранее я справлялся о вас у нашего молодого соседа Джорджа Клерка; он, однако, мог только сказать мне, что с вами все в порядке; он ничего не знал о ваших предполагаемых передвижениях.

По объявлению в общественных газетах я понял, что вы были заняты написанием статьи о вашем колледже [141], о чем я сожалею, поскольку полагаю, что задача была для вас не очень приятной, и поскольку это могло помешать вам продолжить другие работы, в которых, я полагаю, вы больше заинтересованы. Я был бы рад услышать, что все, что вы считаете недостатками в Колледже, было исправлено и что оно было поставлено на такую основу, чтобы требовать от вас только обычного внимания.

С тех пор, как мы встретились, я время от времени излагал на бумаге свои мысли по темам, которые часто обсуждались нами. Я столкнулся с обычными препятствиями, связанными с трудностями композиции, но я решительно упорствовал до тех пор, пока не перенес на бумагу все, что всплывало у меня в голове. Есть несколько пунктов, по которым существует тень расхождения между моим нынешним и моим прошлым мнением; но это не те пункты, по которым мы не могли бы прийти к согласию. Я надеюсь, что мне удастся привести свою рукопись в какой-нибудь сносный порядок, поскольку от этого будет зависеть, появлюсь ли я снова перед публикой. То, что я до сих пор делал, является скорее изложением моего собственного мнения, чем попыткой опровергнуть мнения других. Однако в последнее время я просматривал, скажем, Адама Смита и Бьюкенена, и там, где я видел отрывки в их работах, противоречащие принципам, которые я считаю правильными, я обратил на них внимание и, возможно, сделаю их предметом некоторого комментария.

Боюсь, я не буду иметь удовольствия получить ваше согласие с моими доктринами, особенно с учетом того, что я вернулся к своим прежним взглядам на налоги на сырые продукты. Что бы ни было правильным по этому вопросу, Адам Смит, несомненно, ошибается, поскольку в его книге есть различные отрывки, несовместимые друг с другом.

Я надеюсь, что мы вскоре встретимся и возобновим наши обсуждения некоторых из этих сложных вопросов. Я буду в Лондоне в следующую пятницу и надеюсь увидеть вас на Брук-стрит в качестве нашего заключенного, как только дела или склонности приведут вас в Лондон.

Я хочу услышать ваше мнение о мерах, принятых в последнее время для оказания помощи бедным [142]. Я не из тех, кто считает, что сбор средств с целью трудоустройства бедных является очень эффективным способом оказания помощи, поскольку он отвлекает эти средства от других занятий, которые были бы столь же, если не более продуктивными для общества. Та часть столицы, которая нанимает бедняков на дорогах, например, не может не нанимать людей где-нибудь, и я считаю, что любое вмешательство наносит ущерб....

Поверь мне,
Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LIII.

Аппер-Брук-стрит, Лондон, 24 января 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я прочитал вашу брошюру [143] с большим удовольствием и очень доволен вашими аргументами в пользу предпочтения колледжа школе для обучения молодых людей, предназначенных управлять сложными делами нашей Индийской империи. Свидетельства из Индии в пользу молодых людей, присланных из Колледжа, по сравнению с теми, кто уехал в Индию до основания Колледжа, убедительно свидетельствуют в вашу пользу, и, по-видимому, ваши оппоненты на них не ответили. Судя по документам, обсуждение этого вопроса будет возобновлено в Доме Индии 6 февраля, и я заключаю, что в это время вы будете в Лондоне. Если это так, я надеюсь, что вы сделаете мой дом своей штаб-квартирой. Мистер Мюррей обещал разослать экземпляры вашей книги джентльменам, которых вы поручили мне упомянуть при нем.

Мне кажется, что одна из главных причин нашего расхождения во мнениях по предметам, которые мы так часто обсуждали, заключается в том, что вы всегда имеете в виду непосредственные и временные последствия конкретных изменений, тогда как я совершенно откладываю эти непосредственные и временные последствия в сторону и сосредоточиваю все свое внимание на постоянном состоянии вещей, которое возникнет в результате них. Возможно, вы слишком высоко оцениваете эти временные эффекты, в то время как я слишком склонен их недооценивать. Чтобы правильно управлять предметом, их следует тщательно различать и упоминать, а также приписывать каждому должное воздействие.

Я снова перечитал ваши три последние брошюры о ренте и хлебе и не могу отделаться от мысли, что в языке есть некоторая двусмысленность. Слово [sic] "высокая цена на сырые продукты" рассчитано на то, чтобы произвести на вашего читателя впечатление, отличное от того, которое вы имеете в виду. Ваша первая и третья причины высокой цены, как мне кажется, прямо противоречат друг другу. Первая - плодородие земли, третья - дефицит плодородной земли. Вторая причина, я думаю, тоже никогда не срабатывает [144]. В частности, есть один отрывок, который полностью выражает мое мнение. У меня нет с собой этой книги, и я не могу отсылать вас к странице, но она начинается так: "Я без колебаний заявляю, что независимо от нарушений в валюте" и т.д. Это есть в эссе об аренде [145].

Несомненно, Бьюкенен прав, а ваш комментарий [146] неверен; рента - это не создание, а передача богатства. Это необходимое следствие того, что арендная плата является следствием, а не причиной высокой цены [147].

Говорят, и я бы сказал, что, превращая доход в капитал, мы получим как увеличенное предложение, так и увеличенный спрос; но, если тот же капитал будет создан таким образом, я не одобряю его нынешнего применения и изъятия его из рук тех, кто лучше всех знает, как его использовать, для поощрения промышленности другого рода и под руководством тех, кто ничего не знает о нуждах и требованиях человечества, и слепо производят ткань или чулки, которых у нас и так слишком много, или улучшают дороги, по которым никто не хочет ездить

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

ЛИВ.

Мой дорогой сэр,

Я ни в малейшей степени не знаком с предметом, на который ссылаются ваши статьи [148], но это не причина, по которой я не должен упоминать то, что кажется мне ущербным. На странице 8 [149] вы добавляете $1/6$ к рождениям для вероятных пропусков и $1/12$ для смертей; но вы не говорите своему читателю, почему взяты именно эти пропорции, а не $1/4$ или $1/3$, и я не могу выяснить, на каком основании выбраны эти цифры.

Иногда вы берете средние значения из известных фактов определенных лет; но ваши средние значения формируются на основе арифметического соотношения, в то время как вы применяете геометрический ряд. Я утверждаю, правильно ли это.

Если, как вы говорите на странице 14 [150], отношение числа рождений к числу захоронений равно 47 к 30 , а смертности - 1 к 47 , прирост населения составит немногим более $1/82$ вместо $1/83$, поскольку из каждых 1410 человек 30 умрут и 47 родятся, и, следовательно, произойдет увеличение на 17 ; но 1410 , разделенное на 17 , равно $82,94$, или 83 почти; и следовательно, если 1410 дает прирост на 17 , $9\,287\,000$ дадут прирост на $111\,970$, или $1\,119\,700$ за десять лет, что увеличит численность населения на $9\,287\,000 + 1\,119\,700 = 10\,406\,700$ вместо $10\,483\,000$. [151].

На странице 16 [152] предполагается, что смертность будет, как и раньше, 1 к 47 , а рождаемость среди населения - от 1 до $29\frac{1}{2}$, а численность населения составит $9\,287\,000$ человек. Эта последняя сумма, разделенная на $29\frac{1}{2}$, дает $314,813$ годового числа рождений, а разделенная на 47 , дает $197,595$ годового числа смертей; вычитание одного из другого ($197,595$ из $314,813$) дает $117,218$ для ежегодного прироста, который через десять лет составил бы $1,172,180$, что в сочетании с прежним населением в $9,287,000$ дает $10,459,180$ вместо $10,531,000$.

На страницах 35 и 36 я отметил несколько очень незначительных ошибок. Это все, что я могу обнаружить из имеющихся у меня фактов.

Всегда искренне твой,
Дэвид Рикардо.

8 февраля 1817 года.

LV.

Лондон, 21 февраля 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я очень сожалею, что вчера вам не удалось приехать в Лондон. Я полностью ожидал увидеть вас, поскольку считал, что тема дебатов в Индийском доме представляет слишком большой интерес, чтобы не вызвать у вас желания ее услышать.

Мистер Грант [153] был, уверяю вас, горячим сторонником дела Колледжа. Он говорил превосходно и с большим эффектом, совершенствуясь по мере продвижения в энергии и красноречии. Он отдавал должное различным качествам профессоров в тех ответственных ситуациях, которые они выполняли, и, я полагаю, не оставил недосказанным ничего, что могло бы помочь делу, которое он так умело защищал. Я подумал, что он очень суров к Рэндлу Джексону, которому будет трудно ответить на некоторые части его речи. Опубликованный в "Таймс" отчет о том, что он сказал, насколько это возможно, очень верен; но это обязательно очень сокращенное заявление. Мистер Киннэйрд [154] начал с того, что говорил о вас в самой уважительной манере и, действительно, произнес большую хвалебную речь, но впоследствии, я думаю, абсурдно остановился на том, что вы являетесь заинтересованной стороной и защитником колледжа, и подражал мистеру Джексону в его иронии по отношению к тем, кого он первым объявил заслуживающими уважения. Каким образом мы могли бы получить сколько-нибудь верный отчет о колледже и его проблемах, как не от заинтересованной стороны? Кто мог бы рассказать о его управлении, достижениях и дисциплине, кроме тех, кто был знаком с ним? Он, однако, отказался от единственных веских оснований, которые у них были (если они были правдой) для расследования дел колледжа, поскольку сказал, что понятия не имел, что в Ост-Индском колледже больше безнравственности и распутства, чем в любой другой семинарии; он также ничего не говорил о недостатке знаний у студентов; но его главный аргумент был построен на общем принципе, что предложение интеллектуальных достижений будет так же верно следовать за эффективным спросом на них, как предложение любого материального товара будет следовать за эффективным спросом.

Мистер Грант, я должен упомянуть, поддерживал прямо противоположный принцип. мистер Киннэйрд очень подробно остановился на принуждении, с которым родители отправляли своих детей в это конкретное учебное заведение. Мне показалось, что он разделяет точку зрения мистера Милля на этот предмет, и его доводы были бы в равной степени применимы ко всем колледжам, если бы родители были вынуждены отправлять туда своих детей. Он обошел стороной принуждение, по которому родители должны были отправлять своих детей в колледж, которые хотели воспитать их в церкви и т.д. В течение нескольких минут разговора, который у меня состоялся с ним после дебатов, я выдвинул это возражение, и он ответил, что у них был выбор среди большого количества колледжей, тогда как в вашем случае они были ограничены этим.

Он закончил, заверив меня, что у моего друга плохое дело, что его нельзя защищать и оно должно пасть. Речь мистера Импи была неудачно подобрана; ему не следовало сразу же следовать за мистером Грантом, потому что тогда он не мог сказать ничего нового и не мог повторить ничего из того, что было сказано наполовину так же хорошо, как мистер Грант говорил это раньше. Дебаты будут возобновлены во вторник. Если вы подниметесь, я буду ждать вас на Брук-стрит. Если я не увижу вас, и вы будете свободны в следующую субботу вечером, я буду рад провести с вами день, начав свой визит в это время

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

LVI.

Лондон, 9 марта 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Завтра рано утром я уезжаю из Лондона в Глостершир, откуда вернусь незадолго до вашей следующей встречи в "Короле треф", так что, надеюсь, вы окажете мне услугу и зайдете на Брук-стрит, когда приедете в город по этому случаю.

... Это письмо будет сопровождать ту часть моей MS. [155], которая относится к вам. Надеюсь, я ни в коем случае не понял вас превратно; и, как бы мы ни расходились во мнениях по предметам, которые мы так часто обсуждали, я надеюсь, вы не подумаете, что я перешел границы справедливой критики в своих замечаниях по отрывкам из ваших брошюр, которые я отобрал для анимадверсии. Печать идет быстрыми темпами. С начала работы мы получали по листу в день, и сейчас исправлено одиннадцать листов. В печатном виде они, на мой взгляд, выглядят хуже, чем раньше; и мне нужна поддержка моих частичных корректоров [156], чтобы поддерживать искру надежды относительно их восприятия. Я хотел бы, чтобы это было не в моей власти; и, чтобы это не могло быть отложено, я принял все меры предосторожности, чтобы это продолжалось непрерывно в мое отсутствие. Пока у меня нет никаких опасений по поводу самих доктрин; все мои опасения связаны с языком и расположением, и прежде всего с тем, что мне, возможно, не удалось четко показать, каковы мнения, которые я желаю подвергнуть справедливому исследованию.

Я надеюсь, что дела колледжа больше не будут занимать чрезмерную долю вашего внимания, но что вы сможете закончить работу, которую собираетесь опубликовать. Миссис Марсе [157] немедленно опубликует второе издание [158]. Я высказал ей свое мнение о некоторых отрывках из ее книги и указал на те, которые, я знаю, вы бы со мной оспорили. Если она начнет прислушиваться к нашей полемике, печатание ее книги надолго отложится; ей лучше избегать этого и придерживаться нейтрального курса. Я полагаю, что мы должны прискорбно озадачить мисс Кэролайн, и я сомневаюсь, что сама миссис Б. смогла бы разрешить это затруднение.

Из разговора, который у меня состоялся вчера утром с мистером Мюрреем, следует, что Торренс предлагал ему свою книгу; но Мюррей очень сдержан в переговорах и действительно

сильно недооценивает таланты Торренса. Он считает, что продажи лучшей работы Торренса, размещенной на corn [159], были очень ограниченными; он говорил, что тираж не превысил 150 экземпляров. С момента написания вышеизложенного я видел мистера Хьюма [160]; он говорит мне, что слышал, что директора собираются сами провести расследование состояния колледжа

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

LVII.

Лондон, 22 марта 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я ждал вас и вчера, и сегодня, и только после самых тщательных подсчетов я пришел к выводу, что заседание вашего Клуба состоится только в следующую субботу. Тогда в следующую пятницу или любым другим ранним днем, я надеюсь, мы увидимся с вами на Брук-стрит; и миссис Рикардо просила меня передать, что, если миссис Мальтус тоже сообразовит составить нам компанию, она будет очень рада ее видеть. Если вы придете в пятницу или раньше, печатник не раньше этого дня захочет получить ту часть моей рукописи, которую я вам отправил; но, если он проявит должную осмотрительность, он, безусловно, будет готов получить ее примерно к этому времени. Если у вас есть какие-либо замечания по этому поводу, которые потребуют тщательного рассмотрения с моей стороны, будьте так добры, пришлите их мне раньше, поскольку по мере приближения времени моего появления в печати я, кажется, становлюсь все более неудовлетворенным своей работой и все менее способен терпеливо исследовать любое содержащееся в ней предложение.

Сейчас 5 часов; и, несмотря на то, что мои сомнения набирали силу с утра, я только что убедился, вспомнив с мистером Хитчингсом день, когда вы были здесь в последний раз, что я не увижу вас сегодня.

В большой спешке, искренне ваш,

Дэвид Рикардо.

Мы вернулись из Глостершира в прошлый вторник.

LVIII.

Лондон, 26 марта 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Сегодня утром я намеревался уведомить вас в моем сегодняшнем письме, что я имел бы удовольствие провести следующие субботу и воскресенье с вами в Хейлибери; но произошло обстоятельство, из-за которого мне необходимо отправиться в Бат в следующую пятницу, откуда

я снова вернусь в Лондон в начале следующей недели. Поскольку вы сказали, что вас не будет в городе до конца Пасхи, возможно, вам будет удобно встретиться со мной в Хейлибери в субботу вечером. Если так, я буду у вас в тот же день, во время вашего обеда; и, если я не получу от вас известий раньше, я приду к выводу, что у вас нет никаких дел, которые могли бы затруднить мой визит.

Я намереваюсь сегодня передать последнюю из моих бумаг в руки печатника и надеюсь, что он сможет закончить печать до моего визита к вам; но в этом у меня есть некоторые сомнения, поскольку он не работает регулярно в том же ровном темпе.

Я согласен с вами, что после того, как я так часто слышал ваши мнения, противоречащие моим, было бы не очень полезно сейчас, когда моя книга действительно опубликована, снова вдаваться в объяснения ваших разногласий со мной. Я не посылал вам рукописи с каким-либо подобным намерением. Я просто хотел, чтобы вы увидели ту часть, которая касалась вас, до того, как я опубликую, чтобы я не мог непреднамеренно исказить ваше утверждение. У меня нет ни малейших возражений против вставки упомянутого вами примечания [161], хотя я не могу не сожалеть, что мы так сильно расходимся во мнениях относительно справедливого значения слов *реальная цена*. Когда вы полностью прочтете мою книгу, вы, возможно, не будете отличаться от меня так сильно, как вам сейчас кажется. Вы можете, и я полагаю, будете возражать против правильности многих моих терминов, поскольку они покажутся вам причудливыми и не всегда правильно применяемыми; но, принимая во внимание такие отклонения, вы, я уверен, согласитесь со многим по этому вопросу. По некоторым пунктам, действительно, между нами нет разницы, а по другим наше главное разногласие заключалось бы в способе их представления. Я писал это письмо в перерывах между другими делами, поскольку меня неоднократно прерывали. Сейчас я слышу звонок почтальона и должен поспешить закончить.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

ЛИКС.

Мой дорогой сэръ,

Я приехал в Лондон вчера вечером с почтой из Солсбери и только что прочел ваше письмо. Мистер Уишоу сказал мне при нашей последней встрече, что собирается посетить ваш дом в субботу, и я опасался, что мой запланированный визит может из-за большого количества гостей доставить вам неудобства.... Вы, однако, предложили принести мне кровать из вашего дома, которой я буду вполне доволен, пусть она будет жесткой или мягкой, узкой или просторной.... Прошу вас, не церемоньтесь со мной и не принимайте меня, если возникнут хоть малейшие трудности с постелью.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Лондон, 3 июня 1817 г..

ЛК.

Лондон, 25 июля 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я только что вернулся из своей шестинедельной экскурсии, очень довольный всем, что увидел. Я очень сожалел, что вас не было со мной, так как я уверен, что вы остались бы довольны городами Фландрии и пейзажами Намюра, Рейна и Гейдельбергского замка. Я встретил мистера Гамильтона [162] в Люневиле; он проезжал через страну, которую я только что покинул, и я надеюсь, что он был так же доволен этим, как и я. Я боюсь, что его занятия в колледже заставили его уделять ему меньше времени, чем требовалось для того, чтобы насладиться всеми его красотами. Мы обнаружили, что нам пришлось поторопиться с этим делом с большей поспешностью, чем нам хотелось бы. Миссис Рикардо пробыла в Гэткомбе чуть больше недели, и завтра я покину город и присоединюсь к ней там. С утра вторника, когда я покинул Париж, я весь день был в непрерывных разъездах и не уделял много часов сну. Я не пожалею о нескольких днях отдыха. Ваш колледж был либеральным по отношению к Франции, потому что я встретил там не только мистера Гамильтона, но и мистера Ле Баса [163] и джентльмена, чье имя я забыл, который преподает французский язык в этом учебном заведении [164].

Я надеюсь, что вам понравилась ваша экскурсия и что в Ирландии вы обнаружили меньше проблем, чем было представлено как существующие там. Перспектива хорошего урожая служит некоторым утешением в страданиях, которые вынуждены были терпеть бедняки; в каждой стране Европы они много пережили и в каждой ожидают возвращения изобилия.

М. Сэй был очень доволен вашим подарком и попросил меня переслать письмо и небольшой томик двенадцатилетия, который он только что опубликовал [165]. Письмо, которое я вам посылаю, но книга, а также его работа по политической экономии, третье издание которой он мне подарил, были задержаны на таможне в Дувре, чтобы у них было достаточно времени для расчета взимаемой с них пошлины. Поскольку я не хотел оставаться в Дувре до следующего дня, я попросил хозяина гостиницы оплатить пошлину и переслать их через Османа, который через несколько дней вернется из Франции. Книга представляет собой интересное небольшое произведение в манере Рошфуко и, как мне кажется, написана умело. Месье Сэй был очень приятным и дружелюбным; он обедал со мной в один день, а я с ним в другой. Он занят в коммерческом концерне, которому, я полагаю, уделяет большое внимание.

Боюсь, пройдет много времени, прежде чем мы с вами встретимся, хотя я, вероятно, буду в Лондоне один или два раза в ближайшие три месяца. Я надеюсь, что во время зимних каникул вы будете расположены повернуть на запад и что вы не преминете нанести нам визит в Гэткомб; но не такой визит, как предыдущий, — я не удовлетворюсь летной экскурсией. Возможно, мистер Уишоу заодно соблаговолит составить мне компанию; если так, то с помощью моего друга Смита мы, я надеюсь, сумеем провести время с пользой для вас обоих. Будучи очень уставшим и очень сонным, я спешу подвести итог.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

LXI.

Гэткомб-парк, 4 сентября 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я очень благодарю вас за ваше любезное письмо от 17 августа. Я рад слышать, что ваше путешествие в Ирландию оказалось таким удачным. Отчет, который вы даете об улучшениях до проверки, которые они получили за последние два года, а также о положении людей, в точности соответствует тому, что я ожидал найти. Гумбольд [t] в своем отчете о Новой Испании [166] указывает на то же зло, что и вы в Ирландии, происходящее по той же причине. Земля там дает огромное количество бананов, маниоки, картофеля и пшеницы с очень небольшим трудом, и люди, не имеющие вкуса к роскоши и имеющие изобилие пищи, имеют привилегию быть праздными. Я думаю, что использование одноразовой рабочей силы на производстве не дало бы никакого другого преимущества, кроме предотвращения ее использования в расточительных и пагубных занятиях, опасных для общественного спокойствия. Счастье - это объект, которого следует желать, и мы не можем быть вполне уверены, что при условии, что он одинаково хорошо питается, человек не может быть счастливее, наслаждаясь роскошью безделья, чем в наслаждении роскошью опрятного коттеджа и хорошей одежды. И, в конце концов, мы не знаем, выпадет ли это на его долю. Его труд может только увеличить удовольствие его работодателя.

Мистер Смит получил известие от мистера Уишоу; он был в Париже, когда писал, накануне возобновления своего путешествия. Надеюсь, ему понравится поездка. Жаль, что у него нет приятного собеседника; он настолько общителен, что с удовольствием поделился бы своими чувствами и сравнил их с чувствами другого интеллигентного человека. Мистер Смит также получил известие от мистера Уорбертона, который отправился в ту же поездку, что и я, с добавлением Голландии, через которую он намерен проехать. У него есть очень умный компаньон в лице доктора Вуластона [167].

В тот самый момент, когда мы начали отчаиваться из-за погоды, она изменилась и теперь прекрасна. Я надеюсь, что наши надежды не будут обмануты, и мы сможем безопасно выращивать обильный урожай, которым богаты наши земли в каждой стране (*так в оригинале*). Я сомневаюсь, что даже во время недавних бедствий мы перестали преуспевать как нация в богатстве; но в настоящее время, я думаю, никто не может сомневаться в том, что мы снова делаем большие шаги к процветанию. Плохой урожай, возможно, не очень сильно сдерживает рост благосостояния, но он существенно мешает общему счастью.

Вы мне очень льстите, прочитав мою книгу во второй раз; и я счастлив обнаружить, что есть лишь очень немногие важные моменты, по которым мы существенно расходимся. Я, конечно, допускаю, что моя теория ценности не работает в разных странах, когда прибыль разная. Если вы посмотрите на страницу 156 и следующие страницы, вы увидите мои идеи по этому поводу [168].

Только вчера я получил книгу из Дувра, которую мсье Сэй доверил мне для вас; я посылаю ее вместе с этим письмом миссис Рикардо, которая уезжает на несколько дней в Лондон; она взяла на себя обязательство отправить мою посылку хартфордским дилижансом.

... Если ты поедешь в Бат и не придешь к нам, я не буду знать, как тебя простить.

Недавно я получил известие от Милля; он все еще усердно работает над исправлением прессы (*так в оригинале*) и заканчивает свою книгу [169]. Он говорит мне, что сэра Сэмюэля и леди Ромилли ждут в Форд-Эбби. Я полностью рассчитываю увидеть его здесь до того, как он вернется в Лондон. Я не знаю, когда мне придется поехать в лондон, но когда бы это ни случилось, я дам вам знать, поскольку охотно не отказался бы ни от какой возможности встретиться с вами. Дом мистера Смита - центр притяжения всех его влиятельных лондонских друзей, и он достаточно любезен, чтобы всегда позволять мне участвовать в удовольствии, которое доставляет ему их общество. У нас уже были мистер Уорбертон и мистер Белшем, и через несколько дней он ожидает увидеть мистера Маллета. Мистер Смит по-прежнему пользуется доверием всех своих соседей, и, действительно, я не знаю никого, кто имел бы право оспаривать у него пальму первенства....

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Это грустное, сбивчивое письмо, плохое даже от меня, но вы должны извинить его, и я буду уверен, когда скажу вам, что я только оправляюсь от вялости и слабости, вызванных сильнодействующими лекарствами, которые я был вынужден принимать.... Позавчера вечером я был очень болен; вчера мне было лучше, и сегодня у меня не осталось никаких жалоб, кроме слабости.

LXII.

Гэткомб-парк, 10 октября 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я сказал, что напишу тебе, когда буду в Лондоне, и поэтому сейчас я это делаю, но без особой надежды увидеть тебя там.... В мои намерения не входит, если я смогу закончить свои дела, оставаться в городе после утра вторника, если только у меня не будет какой-либо возможности встретиться с вами там, что побудило бы меня отложить свое возвращение домой еще на день.... Доктор Роже [170] несколько дней гостил у мистера Смита; однажды вечером он остался у нас в Гэткомбе. Мы все очень восхищаемся его непритязательными манерами и вполне склонны признать его притязания на наше уважение и привязанность. Сэр Сэмюэл Ромилли и леди Ромилли были в гостях у мистера Фелпса, моего ближайшего соседа. Отсюда они отправились в Бовуд [171] а оттуда они направлялись в аббатство Форд, резиденцию мистера Бентама. С тех пор я слышал об их прибытии туда, и сейчас они, вероятно, вернулись в Лондон.

... Наш урожай в этой части страны собран почти полностью. Я считаю, что урожай в целом хороший, и мы очень благодарны за удачную перемену погоды, которая позволила нам собрать урожай и разместить его в идеальном состоянии. Теперь, я надеюсь, мы еще несколько лет будем плыть по ветру. Мы с вами всегда сходились во мнениях о могуществе и богатстве страны;

мы не были в состоянии отчаяния из-за обескураживающих обстоятельств, в которых мы были окружены в последнее время. Мы с нетерпением ждали пробуждения, которое произошло....

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Если вы напишете мне хоть строчку, она дойдет до меня быстрее, если ее направят на Фондовую биржу.

LXIII.

Гэткомб-парк, 21 октября 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я надеюсь, что нам больше повезет встретиться, когда я снова приеду в Лондон.

Вы думаете, что низкая цена труда, которая преобладает в последнее время, противоречит моей теории зависимости прибыли от заработной платы, потому что норма процента в то же время очень низка. Если бы процент и прибыль неизменно изменялись в одинаковой степени и в одном направлении, моей теории можно было бы правдоподобно противостоять; но я считаю, что это ни в коем случае не так. Хотя процент, несомненно, в конечном счете регулируется прибылью, повышаясь, когда она высока, и падая, когда она низка, все же существуют значительные промежутки времени, в течение которых низкая норма процента совместима с высокой нормой прибыли; и это обычно происходит, когда капитал перемещается из сферы военного использования в сферу мирного. Если товары не меняются в цене и затраты на их производство падают, самоочевидно, что прибыль должна расти; и если товары вообще падают в цене, то падает не стоимость товаров или труда, а повышается стоимость средств, которыми они оплачиваются, и тогда моя теория не требует какого-либо повышения прибылей; они могут даже упасть.

Вы спрашиваете меня, могу ли я показать вам ошибочность следующего утверждения: "Капитал полностью используется для покупки материалов и машин и поддержания рабочей силы. Если по какой бы то ни было причине материалы, машины, содержание рабочего и его заработная плата значительно падают в денежной стоимости, то *возможно* ли, что в стране может быть применено такое же количество денежного капитала?" Я отвечаю, что это *возможно*, но ни в коем случае не вероятно. Предположим, что рудники должны были производить меньшее количество драгоценных металлов, в то же самое время, когда количество материалов и машин значительно увеличилось, не могло бы увеличившееся совокупное количество материалов и машин иметь большую денежную стоимость, чем раньше, хотя каждая конкретная порция должна была бы стоить меньше? Не могли бы мы путем импорта присвоить себе большую долю денежной массы, распределенной между всеми странами мира? Я не могу сомневаться в *возможности* этого дела.

В ваших рассуждениях о стимуле повышения стоимости и влиянии спроса и предложения на будущее богатство вы на самом деле не так сильно расходитесь с моими взглядами на этот

предмет, как вы предполагаете, поскольку я ставлю прибыль и богатство в зависимость от реальной дешевизны рабочей силы, и вы тоже, поскольку вы говорите, что пагубные последствия дефицита часто с лихвой компенсируются в том, что касается богатства, огромным стимулом, который он может дать промышленности. Я говорю то же самое, поскольку утверждаю, что беды от нехватки падают исключительно на трудящиеся классы, что они часто выполняют больший труд, не только не получая того же количества пищи и предметов первой необходимости, но часто и не получая той же стоимости заработной платы или того же денежного вознаграждения, в то время как все становится дороже. Когда это происходит, прибыль, которая всегда зависит от стоимости труда, обязательно должна возрасти.

Я думал, что написал вам о дополнительном материале в вашей превосходной работе [172], хотя я не изучил ее полностью, как намеревался. Я читал это во время путешествия и замечал страницы везде, где видел тень различия между нами, чтобы я мог снова взглянуть на отрывки, когда вернусь домой, и уделить им самое пристальное внимание [*] [173]. Возвращаясь из Франции, я был проездом в Лондоне и искал вашу книгу, так как ожидал, что вы пришлете мне экземпляр, о чем, я думаю, вы любезно предупредили меня, что сделаете это; но миссис Рикардо перепутала эту и многие другие книги в шкафу, и ее нельзя было достать, пока я не уехал в город. Теперь это у меня здесь, и я снова перечитал все новые материалы и удивлен тем немногим, что я могу обнаружить, проявив предельную изобретательность, чтобы отличаться от них.

* [Примечание, в конце концов заменяющее текст.] В каждой части вы предельно ясны, и требуется только время, чтобы донести убежденность до каждого разума. Главное различие между нами заключается в том, что предшествует - еда или популяция. Я мог бы почти согласиться с постановкой вопроса на стр. 47 третьего тома., который, я думаю, строго соответствует мнению сэра Дж. Стюарта. Говоря о падении заработной платы, вы только один раз упоминаете заработную плату *за зерно*, но всегда должны иметь в виду заработную плату за зерно, а не денежную заработную плату. В примечании к стр. 438 третьего тома. вы согласны с моей доктриной, но я думаю, что на стр. 446, 456 и 457 вы забываете признание, которое сделали ранее, 497 [так в оригинале]. Вы согласны со Смитом в том, что монополия на торговлю в колониях увеличивает прибыль. 502, на мой взгляд, неверно и противоречит 438. Я немного отличаюсь от ваших взглядов в 506. Мне кажется, вы не всегда допускаете, что тенденция Законов о бедных состоит в увеличении количества разделяемой пищи, но в некоторых местах предполагаете, что то же количество должно быть разделено между большим числом людей. Я не могу согласиться ни с Адамом Смитом, ни с вами в пунктах 326, 328: максимальный уровень имеет тенденцию препятствовать будущему производству; неоправданное повышение заработной платы или плохие законы, как правило, способствуют этому. 360, о падении цен на товары и повышении стоимости денег говорится как об одном и том же. 361, сокращение производства - это еще один способ выразить сокращение спроса. 371, объединение рабочих увеличило бы количество денег, подлежащее распределению между рабочим классом. Как вы заметите, это незначительные возражения, и я выдвигаю их, чтобы сохранить свою последовательность. Они были бы непонятны массе читателей, но для вас, кто знаком с моими своеобразными взглядами, они, с вашего позволения, не нуждаются в пояснениях....

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXIV.

Гэткомб-парк, 16 декабря 1817 г..

Мой дорогой сэр,

Я полагаю, что уложился в указанное в вашем письме время для вашего визита в Сурр [е] у, и, следовательно, это письмо дойдет до вас там. Мне жаль, что вы не были достаточно лояльны, чтобы оказать ее величеству какой-либо знак внимания в Бате [174], поскольку в этом случае я мог бы надеяться увидеть вас здесь. Как бы то ни было, мы, вероятно, будем в Лондоне почти в одно и то же время. Мы еще не определились с днем нашей поездки, но она не будет отложена дальше середины следующего месяца. Я надеюсь, что увижу вас до вашего возвращения домой.

Я рад обнаружить, что вскоре мы можем ожидать выхода другого тома [175] из-под вашего пера, хотя, если вы будете нападать на меня, я готов к тому, что девять десятых наших читателей примут решение в пользу вашего взгляда на вопрос. Я хочу, чтобы на моей стороне было умелое перо, которое выставило бы мои мнения в ясном свете и избавило бы их от той парадоксальности, которую они сейчас носят. Я бы хотел помочь вам с хорошим названием, но никто лучше вас не способен придать произведению наилучший вид и аранжировку. Вы видели рецензию на М. Сэя и меня в британском издании? Я полагаю, вы согласны с некоторыми замечаниями; и все же для меня является некоторым утешением то, что после того, как они назвали каждую часть моего выступления абсурдной и бессмысленной, они нападают на вас по поводу Арендной платы и говорят, что и вы, и я пытались сделать природу арендной платы, которая раньше была такой ясной, неясной. Арендная плата - это не что иное, как плата за землю. Я рад, что они дали мне такого желанного компаньона. В шотландской газете the Scotsman меня умело защитили — автор [176], очевидно, понял, что я хотел сказать, чего не сделал рецензент.

Я читал книгу Милля [177] на прошлой неделе и прочитал примерно половину первого тома. Я не компетентен высказывать свое мнение о его достоинствах, но я им очень доволен. Это очень интересно и, я думаю, рассчитано на то, чтобы привлечь большое внимание, поскольку в нем не только описываются религия, манеры, законы, искусство и литература индусов, но и сравниваются они с религией, манерами и т.д. других народов, которые мир обычно считает гораздо более низкими по сравнению с индусами; и, если это в индусах следует считать признаками высокого уровня цивилизации, Африка, Мексика, Перу, Персия и Китай также могут претендовать на тот же характер. Он также высказывает свои собственные соображения относительно того, что представляет собой хорошие законы, хорошую религию, высокий уровень цивилизации, и показывает, на какой очень низкой степени Индостан заслуживает оценки за эти достижения [178]. Политическая экономия, я думаю, превосходна, и ту часть, которую я прочитал, можно рассматривать как взгляд автора на прогресс человеческого разума. Я надеюсь, что это принесет ему славу и реноме, — его настойчивость, а также другие его качества вполне заслуживают этого

Подобно Патриархам древности, я окружен всеми моими потомками, сыновьями, дочерьми и внуками — они съехались со всех сторон, чтобы навестить нас, и если бы я не боялся, что вскоре их станет слишком много для пределов нашего дома, я бы настоял на том, чтобы это стало ежегодным обычаем.

Вы, вероятно, читали в газетах, что обо мне пишут как об одном из трех, из которых будет сделан выбор шерифа, и как о полковнике Дж. Беркли, названный первым, по всей вероятности, будет освобожден от должности в связи с его предполагаемым ходатайством в Палате лордов о присвоении звания пэра, которое в противном случае должно быть присвоено его брату, который, без сомнения, будет выбран почти совершеннолетним. От этой чести я вполне мог бы отказаться....

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание. В книге Сэя "Приключения разных" (том i, стр. 413) напечатано письмо Рикардо Сэю, датированное Гэткомбом 18 декабря 1817 года. Среди прочего он говорит: "Со времени вашего визита в Англию я постепенно отошел от дел; и, поскольку наш долг огромен, а цена акций очень высока, я время от времени выводил свой капитал и вкладывал большую его часть в землю.... Моя жизнь состоит из успехов и забот; поэтому я, насколько могу, забочусь о будущем, чтобы полностью избавиться от беспокойства. Наш друг Милл собирается опубликовать свою книгу об Индии, над которой он работает уже несколько лет. С такими способностями, как у него, ничто не может не стать интересным и поучительным под его пером; и я убежден, что эта книга превзойдет ожидания его ближайших друзей. Оно напечатано; и он любезно предоставил мне первый экземпляр. Я прочел больше половины первого тома и надеюсь, что на компетентных судей он произведет такое же впечатление, какое произвел на меня. То, что он говорит о правительстве, законах, религии и нравах страны, имеет большой вес; и сравнение, которое он проводит между прежним состоянием Индостана и его нынешним состоянием, как мне кажется, решает вопрос о высоком уровне цивилизации, приписываемом первому.... Репутация вашей *экономической политики* растет среди нас по мере того, как она становится более известной. Выдержки из нее (и из моей собственной книги) недавно появились в "Бритиш Ревью", и ее достоинства были признаны. У меня дела обстоят не так хорошо; рецензент нашел в моей книге достаточно материала для критики и едва ли хоть один отрывок, достойный похвалы".

LXV.

Лондон, 30 января 1818 г. [179].

Мой дорогой сэръ,

Я надеюсь, что во время вашего визита в Лондон на следующей неделе вы остановитесь у нас на Брук-стрит, и миссис Рикардо поручила мне присоединить ее просьбы к моим, чтобы убедить миссис Мальтус сопровождать вас.

Лорд Кинг [180], мистер Уишоу и вы оказали мне большую честь, сделав мою работу [181] предметом ваших обсуждений, но, признаюсь, это наполняет меня с удивлением обнаруживая,

что вы думаете, и из того, что вы говорите, они, по—видимому, согласны с вами, что мера стоимости не такая, какой я ее представлял; но что *естественная цена*, так же как *рыночная цена*, определяется спросом и предложением, с той лишь разницей, что первое определяется средним и постоянным спросом и предложением, второе - случайным и временным. Говоря это, вы хотите отрицать, что легкость производства снизит естественную цену, а сложность производства повысит ее? Не проявятся ли эти эффекты через очень короткий промежуток времени, хотя абсолютные спрос и предложение, или соотношение одного к другому, должны оставаться постоянно неизменными? Во всяком случае, спрос и предложение не являются единственными регуляторами цен. Я был бы рад понять, что лорд Кинг и вы подразумеваете под спросом и дополнением. Каким бы обильным ни был спрос, он никогда не сможет надолго поднять цену товара выше затрат на его производство, включая в эти расходы прибыль производителей. Поэтому представляется естественным искать причину изменения постоянной цены в издержках производства. Уменьшите их, и товар в конечном итоге должен упасть, увеличьте их, и он столь же несомненно должен подорожать. Какое это имеет отношение к спросу? Я могу быть настолько глупо пристрастен к своей собственной доктрине, что могу быть слеп к ее абсурдности. Я знаю сильную склонность каждого человека обманывать самого себя в своем стремлении доказать любимую теорию, и все же я не могу не рассматривать этот вопрос как истину, которая допускает демонстрацию, и я полон удивления, что он допускает сомнение. Если бы действительно эта моя фундаментальная доктрина оказалась ложной, я признаю, что вся моя теория не соответствует ей, но по этой причине я не был бы удовлетворен мерой ценности, которую вы бы заменили ею.

Мне жаль, что вы решили не публиковать эту весну.

Я не видел Торренса и не знаю, каковы его намерения в отношении работы, которую он обещал представить публике.

Сэр Джеймс Макинтош действительно является отличным приобретением для вашего колледжа не только во многих отношениях [182]. Должно быть, вам это особенно по силам.

Я благодарю вас за ваши поздравления с почестями, которые были мне оказаны в связи с назначением на должность шерифа [183], честь, без которой я вполне мог бы обойтись. При любых обстоятельствах я думаю, что лучше не выдвигать против этого возражений.

Я бы хотел, чтобы вы были сегодня в нашей компании. Мистер Уишоу, мистер Смит, мистер Маллет, мистер Шарп и мистер Уорбертон пообедали со мной.

Я рад, что вы положительно отзывались о книге Милля [184]. Я надеюсь, что другие подумают об этом так же хорошо, как и я.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

LXVI.

Лондон, 25 мая 1818 г..

Мой дорогой сэр,

Я снова вынужден пожалеть, что не приму вас в качестве обительницы моего дома во время вашего следующего визита в Лондон.... Однако я надеюсь, что вы будете нашими ежедневными посетителями или так часто, как позволят дела. Я надеюсь, что с нашей стороны они будут исчерпаны до вашего прихода, потому что никогда еще я не вел такой рассеянный образ жизни, как в этом сезоне. Король трэф встретится 6-го числа. Дайте мне знать, не соблаговолите ли вы и миссис Мальтус составить нам компанию 8-го числа, поскольку мы были бы рады пригласить нескольких друзей встретиться с вами в этот день.

Общее мнение здесь таково, что парламент будет распущен сразу после отсрочки [185], но поскольку выборы в этом случае будут мешать работе Избирательного округа, я не могу поверить, что министры выберут столь неудобное время.

Завтра вечером в Палате лордов состоятся продолжительные дебаты по законопроекту о банковских ограничениях [186], по этому поводу намерен выступить лорд Гренвилл. Лорд Кинг упомянул мне о своей идее предложить Банку запретить выплачивать какие-либо дивиденды по своим акциям, пока цена на золото выше цены на монетном дворе. Я не сомневаюсь, что практически такая мера привела бы к снижению курса валюты и ее повышению до номинала; но, если бы директора банков были упрямы, это могло бы повлечь за собой самые серьезные последствия для вдов, сирот и других лиц, которые могли бы рассчитывать на поддержку только от банковских дивидендов.

Мои прогулки с Миллом продолжаются почти ежедневно. Надеюсь, вы иногда будете оказывать нам честь своим обществом, когда будете в Лондоне. Мы могли бы сделать из вас вполне сносного реформатора за шесть прогулок, если бы ваши предрассудки не были слишком прочно укоренились. На самом деле я ожидал бы обнаружить, что наши разногласия были не очень велики, поскольку, если вы вообще одобряете реформы, а я верю, что вы одобряете, мы должны прийти к согласию по всем важным принципам. Сэр Джеймс Макинтош читал Бентама и только начал высказывать мне свое мнение о книге [187], когда нас прервали. Я надеюсь, что найду еще одну возможность выслушать его чувства, чего мне очень не терпится. В разговоре, который я вчера имел с Шарпом, он рассказал мне, какими, по его мнению, являются настроения сэра Джеймса по поводу реформы [188]. Если он прав, я не думаю, что мы с сэром Джеймсом должны быть так сильно настроены друг против друга, как он сейчас думает....

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

LXVII.

[Адресовано Олбери, Гилфорд.]

Лондон, 24 июня 1818 г..

Мой дорогой сэр,

Твое письмо прибыло сюда, когда я был в Глостершире. Я приехал в город вчера вечером, поскольку в понедельник председательствовал на собрании округа, и добился возвращения двух наших членов.

Благодарю вас за ваши запросы по поводу младенца [189], которого вы оставили таким больным.... Он умер ... в тот день, когда вы уехали из Лондона. Доктор Холланд был удивлен быстротой, с которой прогрессировала болезнь

Я полагаю, что теперь окончательно решено, что я не буду в парламенте, и я искренне рад, что вопрос хоть в какой-то степени решен, поскольку уверенность в получении места вряд ли могла компенсировать мне неприятных людей, присутствовавших на переговорах по нему. [190] ответ объявил мне, что место, которое он имел в виду для меня, освобождено; и так закончатся мои честолюбивые мечты.

Единожды согласившись прислушаться к мнению моих друзей, я не упускаю возможности попасть в Достопочтенный Дом; но я полностью убежден, что, если я буду полагаться только на свое счастье, я поступлю мудро, если останусь там, где я есть. Легче осуждать действия других, чем действовать мудро самим; и я сильно боюсь, что мне не хватает как рассудительности, так и осмотрительности, которые необходимы для того, чтобы стать сносным сенатором. Я удивлен добротой и вниманием, с которыми мои друзья теперь относятся ко мне, и было бы большим недостатком благоразумия предоставить им более легкие средства для рассмотрения моих претензий.

Я в равной степени доволен вами тем, что выборы сэра Сэмюэля Ромилли в Вестминстере проходят так успешно, и еще больше, чем вы, доволен недавним успехом сэра Фрэнсиса Бердетта на выборах [191]. Сэр Фрэнсис, я думаю, последовательный человек. Я полагаю, книга Бентама убедила его в том, что всеобщее избирательное право не представляет никакой опасности; но я уверен, что его главная цель - создать реальное представительное правительство; и он подумал бы, что эту цель можно [обеспечить], если очень далеко уйти от всеобщего избирательного права. [С] такими мнениями это всего лишь вопрос принципа [192] (относительно достижения своей цели), должен ли он просить о более или менее расширенном избирательном праве. Я согласен с вами, что было бы благоразумнее просить меньшего, и я также согласен с вами в том, что с нашим нынешним опытом мы не должны рисковать всеобщим избирательным правом, если бы его можно было получить. Однако я рад узнать, что вы считаете, что выборы в Вестминстере дадут нам справедливый образец чувства нации.

Я позабочусь о том, чтобы все предъявляемые к вам требования были добросовестно выполнены.

Я не оставил себе возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на вопросе о сравнительных преимуществах использования капитала в сельском хозяйстве или на промышленных предприятиях [193]. Если под богатством вы, как и я, подразумеваете все те вещи, которые желанны для человека, то богатство, я думаю, было бы наиболее эффективно увеличено, если бы было разрешено выращивать или импортировать кукурузу так, как это наилучшим образом подходит тем, кто занимается торговлей. Вы говорите, что в одном случае полученного хлеба было бы достаточно только для содержания нанятых рабочих *полной выплаты прибыли от капитала*; а в другом случае он дополнительно оплачивал бы возросшую сумму ренты и содержал бы пропорциональное ей дополнительное население. Теперь, *если*

прибыль от акций, подлежащих полной выплате, в одном случае будет намного больше как по стоимости, определенной вами, так и по стоимости, определенной мной, чем в другом, очевидно, что разница может не только равняться дополнительной сумме арендной платы, но и превышать ее. Я утверждаю, что прибыль на капитал была бы выше всей этой суммы, если бы мы согласились импортировать зерно, и поэтому, хотя я признаю, что в предполагаемом случае наше богатство увеличилось за счет увеличения ренты с 1790 по 1818 год, все же я бы утверждал, что, если бы торговля была свободной и зерно импортировалось вместо того, чтобы выращивать его, при новых и улучшенных условиях ведения сельского хозяйства наше богатство увеличилось бы в еще большем соотношении, чем сейчас

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание. В новом парламенте 1818 года Портарлингтон был представлен, как и в предыдущем парламенте, Ричардом Шарпом, который, по-видимому, ушел в отставку в течение шести или семи месяцев назад, поскольку мы находим имя Рикардо в списке дивизий еще 2 марта 1819 года. (Хансард, *sub dato*, стр. 846.) Это был карманный городок, и ничто не указывает на то, что Рикардо когда-либо посещал своих избирателей; но это не помешало ему решительно осудить систему выборов. Биограф Дж. Б. Сэя утверждает (по-видимому, на основе чистого предположения), что Рикардо купил поместье в Портарлингтоне, а вместе с ним и место в парламенте в качестве одного из его атрибутов (Скажем, "Разнообразные увлечения", стр. 406): "Владелец обширных владений, иль он трувэт кви, один из злоупотребляющих репутацией людей, лучший вход в парламент". В своей Биографии Джеймса Милля, стр. 172, профессор Бейн говорит так, как будто Рикардо вошел в парламент на всеобщих выборах 1818 года.

LXVIII. [194]

[На внешней стороне письма Фрэнку Минчингу Хэмптону (*так в оригинале*), 20 августа 1818 г..]

Мой дорогой сэр,

Я очень признателен вам за любезное выражение уважения к похвале, которой так щедро одарил меня рецензент моей книги в "Эдинбург Ревью" [195]. Сразу же после прочтения я догадался, что автором статьи был мистер Мак-Каллох [196], поскольку после публикации моей книги он, похоже, искренне разделял взгляды, которые я хотел донести до всех моих читателей. Я не могу не чувствовать себя в высшей степени польщенным его похвалой, которой я не удостоился бы ни в какой степени, если бы она исходила от мистера Милля, потому что, хотя я и не сомневался бы в его искренности, яво многом полагался бы на его дружбу и хорошее мнение. Похвала действительно превосходит мои достоинства и, возможно, действительно сказала бы больше, если бы автор примешал к ней кое-какие возражения.

Я не помню, что это был за вопрос, на который я ответил в соответствии со своими общими принципами в моем последнем письме, и, не имея здесь вашего письма, я не могу сослаться на него. Я допускаю, что путем улучшений в сельском хозяйстве может быть создано огромное количество богатства, и что при естественном прогрессе общества большая часть этого богатства может в конечном итоге перейти к землевладельцам в форме ренты, но это не меняет

того факта, что рента всегда является передачей, а никогда созданием богатства, поскольку до того, как она выплачивается землевладельцам в виде ренты, она должна была составлять прибыль от капитала, и часть переходит землевладельцу только потому, что в обработку берутся земли худшего качества

... Вы, должно быть, нашли свою экскурсию на остров Уайт очень приятной

Вы, наверное, видели из газет, что я без всякой выгоды несу все расходы, которые возлагает на меня моя должность шерифа, когда судьи присутствуют на заседаниях суда присяжных. Судья прибыл в город после полуночи, после чего его полномочия утратили силу, и после отправки в Лондон Присяжные, Свидетели, адвокат и шериф были отпущены по домам. Ожидается, что через две-три недели у нас будет новая комиссия

Мне жаль, что вы не добились большого прогресса в той работе, которой занимаетесь. После того, как вы высказались по этому поводу, я не удивлен, что мой рецензент не поколебал вашей уверенности в своих мнениях. Мне было бы мало лестно, если бы он это сделал, потому что у меня было много возможностей, и я приложил немало усилий, чтобы привести вас к моему образу мыслей, но безуспешно. Почему ему так повезло на первом испытании? Правда, я начинаю подозревать, что мы не так сильно отличаемся друг от друга, как до сих пор думали. Я очень мало отличался от мнений, выраженных в той части вашей рукописи, которую вы мне зачитали, но я хотел бы иметь возможность судить о вашей системе в целом, и поэтому буду рад, когда она выйдет в печатном виде.

Я рад слышать, что сэр Дж. Макинтош и мистер Уишоу здоровы, прошу вас, помяните меня с добром к ним. Если кто-то из них или оба отправятся в Bowood [197] в этом сезоне, я буду очень любезен с их стороны, если они приедут ко мне на несколько дней. Маркиз Лэнсдаун обещал навестить меня, и было бы особенно приятно, если бы они приехали все одновременно. Если мистер Уишоу будет так же близок ко мне, как Бовуд, он уже приглашен приехать. Я встретил маркиза и маркизу Лэнсдаун в Глостере; они въехали в город, возвращаясь домой с экскурсии, как раз в тот момент, когда я собирался покинуть его; и из-за распада дворов на некоторое время задержались из-за нехватки лошадей. Я полагаю, что вы пробудете в Хартфорде до рождественских каникул. Я бы очень хотел, чтобы миссис Мальтус и вы провели часть этих каникул с нами.... Мистер Милл прибыл сюда вчера вечером, чтобы нанести мне свой давно обещанный визит. Он не принес мне никаких новостей, за исключением того, что обедал у мистера Бентама с мистером Броэмом, мистером Рашем [198] американским послом и сэром Сэмюэлем Ромилли. Старый джентльмен становится веселым. Группа из четырех человек должна быть для него устрашающе большой [199]....

Всегда твой,
Д. Рикардо.

Примечание.— Между этим письмом и следующим, вероятно, находятся два, процитированных Маккалохом (Рикардо, Сочинения, стр. XXVI), которому (если не Миллу) они, без сомнения, были адресованы: 7 апреля 1819 года: "Вы видели, что я занял свое место в Палате общин. Боюсь, что от меня там будет мало толку. Я дважды пытался заговорить, но вел себя крайне неловко; и у меня нет никакой надежды побороть тревогу, которая охватывает меня в тот момент, когда я

слышу звук собственного голоса". 22 июня 1819 года: "Благодарю вас за ваши усилия вселить в меня уверенность по случаю моего обращения к Палате представителей. Их снисходительный прием в какой-то степени облегчил мне задачу выступления; но на пути к моему успеху еще так много непреодолимых препятствий, и некоторые, боюсь, почти непреодолимого характера, что, я полагаю, с моей стороны будет мудро и благоразумно довольствоваться голосованием молча". К счастью, он не сдержал своего решения. Именно в это время Джордж Гроте познакомился с Рикардо, позавтракав с ним на Брук-стрит (23 и 28 марта 1819 года), а затем прогулявшись с ним и Миллом по Сент-Джеймс-парку и Кенсингтон-Гарденз. Гроте обычно представлял свои работы на суд Рикардо и соперничал с Миллем в восхищении им (Личная жизнь Джорджа Гроте, стр. 36). Письмо Рикардо Гроте, датированное мартом 1823 года, приведено в книге "Жизнь Гроте" (стр. 42); Рикардо благодарит Гроте за то, что тот выразил одобрение его политическому поведению. Одно из последних публичных выступлений Рикардо, вне стен парламента, состоялось на ужине реформаторов, где он предложил главную резолюцию вечера в речи, которую Гроте помог ему подготовить ("Жизнь Дж. Милля" Бейна, стр. 208).

LXIX [200].

Гэткомб-парк, 21 сентября 1819 г..

Мой дорогой Мальтус,

Я не должен больше откладывать ответ на ваше любезное письмо. Я часто думал о вас и собирался написать вам некоторое время назад, когда получил письмо от Милля, в котором было приложено письмо от мистера Нейпира, редактора или менеджера Британской энциклопедии, с просьбой обратиться ко мне с просьбой написать статью о Падающем фонде [201] для его публикации. Задача показалась мне слишком сложной, чтобы думать о том, чтобы за нее взяться; и я немедленно написал об этом Миллу; но это принесло мне только еще одно письмо от него, которое едва ли оставляло мне выбор, и, наконец, я согласился попробовать то, что в моих силах, но без надежды на успех. Я очень усердно работаю, потому что хочу предоставить мистеру Нейпиру [202] возможность обратиться к какому-нибудь другому лицу, не откладывая его публикацию, как только я убедлю Милля и его самого, что я недостаточно сведущ в вопросах такого рода. Это дело в последнее время поглощает все мое время и, вероятно, будет занимать еще как минимум неделю.

Итак, вы переехали из Хенли в Мейденхед! Вы были полны решимости не терять из виду Темзу. Я буду ожидать, что ваше имя будет внесено в список кандидатов на ежегодную поездку.

Я рад, что вы весело продолжаете свою работу. Теперь у меня есть надежда, что она будет завершена. Вы были очень ленивы и даже вполнину не так трудолюбивы и не так тревожны, как я, когда у меня что-нибудь есть под рукой.

Я не смог уделить должного внимания теме вашего письма. Ваше предположение о том, что пол-унции серебра было добыто на морском берегу дневным трудом, вы признаете, экстравагантно. При таких обстоятельствах серебро не могло, как вы говорите, расти или падать, как и труд, но зерно могло или, скорее, могло бы упасть. Я думаю, что прибыль по-прежнему будет зависеть от пропорций производства, распределяемых между капиталистом и рабочим. Всего продукта стало бы меньше, что привело бы к росту его цены, но от

произведенного количества рабочий получал бы большую долю, чем раньше. Эта большая доля, тем не менее, была бы меньшим количеством, чем раньше, и имела бы ту же денежную стоимость. В том случае, если вы предполагаете, что повышение денежной заработной платы, по-видимому, не является необходимым для доведения земледелия до его крайних пределов; но причина в том, что вы полностью исключили использование капитала при производстве вашего средства создания стоимости. Вы знаете, я согласен с вами в том, что деньги - товар более изменчивый, чем принято считать, и поэтому я думаю, что многие колебания цен на товары можно справедливо отнести к изменению ценности денег. Трудно представить, что в великой и цивилизованной стране какой-либо важный товар мог бы производиться с равной выгодой без применения капитала. Судя по тому, что вы сообщили мне в своем письме [203] вы слишком высоко уважаете мой авторитет, и я не согласен с тем, что вы должны приписывать этому уважению ту малую активность, которую вы проявили при завершении своей работы. Я бы хотел, чтобы миссис Мальтус и вы приехали к нам сюда на Рождество. Тогда я буду в настроении обсудить все сложные вопросы, по которым у нас, как представляется, есть разногласия. Моя семья сейчас устроилась, и я думаю, что могу обещать вам более комфортные развлечения, чем я до сих пор был в состоянии предложить вам здесь. Вы больше не должны обвинять себя в том, что являетесь основным объектом [204] злоупотреблений. Я получил свою долю удовольствия, и именно таким образом, как я и ожидал. Даже когда он соглашается с вами, он может найти оттенки различия, которые вызывают [так] его злобность.

Недавно я имел удовольствие провести несколько дней в обществе мистера Уишоу у мистера Смита в Истон-Грей. Он был в очень хорошем настроении и очень приятен. У нас была некоторая политическая дискуссия, особенно о реформе, и он был более либеральен в своих уступках, чем я обычно находил. Мисс Хобхаус была искренне на моей стороне, а миссис Чандлер, ярая сторонница вигов, заявила, что мои принципы - истинно принципы вигов. Мистер Белшем был членом партии, но не принимал решительного участия. Мистер Макдоннел, пришедший с мистером Уишоу, был, как мне показалось, почти союзником. Вы не устали?...

Поверь мне, искренне твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание 1. —Фонд погашения был частой темой выступлений Рикардо в Палате общин. Это было заблуждением для людей, которые воображали, что это погашение их Национального долга, и ловушкой для правительства, которое постоянно испытывало искушение отвлечь его от его истинной цели. Так он заявил на своем первом заседании (например, 13 мая, 9 июня и 18 июня 1819 года), и так он настаивал на своем последнем. Следующее извинение по этому поводу из его речи от 28 февраля 1823 г. выдержано в манере Кобдена и показывает, что экономисты скорее прочтут трудную истину "вмалом размере", чем "в большом": "У меня (говорит он) доход в 1000 фунтов стерлингов в год, и я нахожу необходимым занять 10 000 фунтов стерлингов, за которые я согласен выплачивать моему кредитору 500 фунтов стерлингов в год. Мой управляющий говорит мне: "Если вы будете жить на 400 фунтов в год и отдадите еще 100 фунтов из своего дохода в 500 фунтов, это позволит вам через определенное количество лет полностью избавиться от своего долга". Я прислушиваюсь к этому хорошему совету, живу на 400 фунтов стерлингов в год и ежегодно отдаю 600 фунтов своему управляющему, чтобы расплатиться с моим кредитором. В первый год мой управляющий выплачивает кредитору 100 фунтов стерлингов; тогда долг составил бы 9 900 фунтов стерлингов, и, следовательно, доход

[или проценты], причитающиеся кредитору, составили бы всего 495 фунтов стерлингов. Но я продолжаю платить своему управляющему 600 фунтов стерлингов в год; и в следующем году управляющий платит более 105 фунтов стерлингов, и так из года в год долг уменьшается, 600 фунтов стерлингов по-прежнему получает управляющий. По истечении определенного количества лет результат таков: из годового резерва в 600 фунтов стерлингов выплачивается половина долга; кредитору причитается только 250 фунтов стерлингов, а 350 фунтов стерлингов остаются в руках управляющего, его хозяин продолжает жить на 400 фунтов стерлингов в год. В этот период управляющему приходит в голову какое-то дело, которое, по его мнению, могло бы принести пользу мне или ему самому, он занимает 7000 фунтов стерлингов и отдает все 350 фунтов себе на руки, чтобы выплатить проценты с этой суммы. Что же тогда станет с моим амортизационным фондом? Первоначально у меня было в долгу всего 10 000 фунтов стерлингов; теперь я обнаружил, что задолжал всего 12 000 фунтов стерлингов; так что вместо того, чтобы обладать амортизационным фондом, как я надеялся, я, безусловно, задолжал гораздо больше". Мораль Рикардо заключалась в том, что мы должны честно перестать притворяться, что у нас есть амортизационный фонд. Один из его друзей заметил, что это значит верить вместе с француженкой, что лучший способ преодолеть искушение - уступить ему, Рикардо возражает (речь от 6 марта 1823 г.): "Если бы я знал, что у меня отберут кошелек, я бы сначала потратил его содержимое на себя".

Примечание 2. —Стоит процитировать некоторые отрывки Коббетта, к которым относится это письмо. Они были слишком жестокими, чтобы воспринимать их всерьез. Если доктор Джонсон действительно любил хорошего ненавистника, он потерял много удовольствия, закончив свои дни до того, как Коббетт написал. В письме, опубликованном в "Политическом вестнике" за 4 сентября 1819 г., Коббетт излагает свои мысли следующим образом: "Я вижу, что они [городские торговцы] приняли схему некоего Рикардо (интересно, какой он соотечественник), который, как я полагаю, обращенный еврей. Во всяком случае, последние пятнадцать или двадцать лет он был сторонником Перемен. Если бы Старый лорд Чатем был сейчас жив, он бы с уважением отзывался о навозных червях, как он называл "людей с переулка Перемен". Поверьте, теперь они стали всем. Баринг помогает на Конгрессе монархов, а Рикардо улаживает дела дома. Навозный червь больше не ползучая тварь; он высоко поднимает голову и заставляет надменных городских лордов прятаться по норам и углам.... Далее он говорит, что доктрины, проповедуемые в "Курьере" и в других местах о бесполезности наличных денег и удобстве бумаги, показывают, что эти люди на самом деле не считают наличные платежи осуществимыми. - Этот Рикардо говорит, что страна счастлива от открытия бумажных денег, что это прогресс в политической науке. Теперь, если бы это было правдой, было бы лучше иметь бумажные деньги во всех странах. И какой стандарт *ценности* тогда был бы? Очевидно, что такового не могло быть и что торговля не могла вестись дальше. Кроме того, какова была бы опасность в случае войны? "Даже сейчас французы ожидают, что мы окажемся в их власти через несколько лет именно по этой причине и т. Д. В другом письме Ханту, опубликованном в следующем номере журнала Register, он продолжает (стр. 112): "Я удивляюсь, что Рикардо, разгоряченный Переменами, который говорит о *низших классах* в таких хороших выражениях и был потрясен идеей их увеличения ... не подумал о прекрасном и обильном *оттоке населения*, который постоянно происходит из Англии в Америку. Это была маленькая частичка солнечного света среди мрака ". В журнале есть и другие упоминания о Рикардо, не намного более лестные.

Рикардо и Мальтус, однако, носят свою одежду по-разному. Коббет достигает своего весеннего уровня брани в письме, написанном с Лонг-Айленда 6 февраля и напечатанном в "Политическом вестнике" за 8 мая 1819 г. (том 34, № 33): "Пастору Мальтусу о правах бедных и о жестокости, которую он рекомендует проявлять по отношению к бедным".

- Пастор, за свою жизнь я ненавидел многих мужчин, но никогда никого так сильно, как вас. Вашу книгу ... не могло возникнуть никакого разума, не способного продиктовать акты большей жестокости, чем любая зафиксированная в истории Варфоломеевская резня. Священники во все века отличались хладнокровной, обдуманной и безжалостной жестокостью; но, похоже, именно Англиканская церковь должна была произвести на свет того, кто по праву претендовал на зверское превосходство. Никакая совокупность слов не может дать вам подходящего обозначения; и поэтому, как единственное слово, которое лучше всего соответствует характеру такого человека, я называю вас Парсон, что среди других значений включает в себя значение Инструмента местного торговца" (стр. 1019, 1020). Далее он говорит, что составил список из 743 несносных священников, которые посмели исключить его книгу учета и "Бумагу против золота" из своих приходских читальных залов. "Я должен ненавидеть этих отвратительных священников; но вся эта масса, вместе взятая, не является для меня объектом такого совершенного презрения, как вы, человек (если мы дадим вам это имя), с которым нельзя спорить, но который должен быть наказан" (1021).

Лучший комментарий к этой непристойности можно найти в речи самого Рикардо (1 июля 1823 г., по поводу "Петиции христианских священников о свободной дискуссии"), где он говорит, что непристойным высказываниям всегда следует допускать полную огласку, поскольку они "оскорбляют здравый смысл человечества" и не могут привлечь серьезных новообращенных.

LXX.

Гэткомб-парк, 9 ноября 1819 г..

Мой дорогой Мальтус,

... Я поеду в Лондон один, 22—го, и, конечно, останусь там до тех пор, пока парламент не объявит перерыв на праздники: - возможно, у вас будет возможность посетить город в это время, если это так, у меня будет кровать к вашим услугам и столько еды, сколько сможет обеспечить мой офис на Брук-стрит.

Я рад, что мистер Уишоу выразил удовлетворение своим очень коротким визитом сюда. Мне было очень приятно его общество — никто не мог быть более приятным и более склонным быть довольным всем, что касалось его. У нас было много бесед на тему парламентской реформы, и я был рад обнаружить, что наши чувства совпадают гораздо больше, чем я предполагал ранее. Я был бы вполне доволен такой реформой, которую мистер Уишоу был готов нам даровать. Я, конечно, не более склонен, чем был раньше, к радикализму [205], после того как стал свидетелем судебного разбирательства по делу Ханта, Уотсона и Ко., если под радикализмом понимать Всеобщее избирательное право. Боюсь, однако, что я не считаю умеренную реформу, к которой вы готовы присоединиться, достаточной гарантией хорошего правления. Ваш план реформ, если я правильно помню, настолько же умерен, насколько план всеобщего избирательного права слишком жесток: что-то между ними принесло бы мне удовлетворение.

Считаете ли вы, что сколько-нибудь большое количество людей действительно могут быть введены в заблуждение идеями, что любое изменение в представительстве полностью избавит их от их страданий? Может быть, найдется несколько порочных людей, которые были бы рады революции, не имея другой цели, кроме как присвоить себе имущество других, но эта цель должна быть ограничена очень ограниченным числом, и я не могу думать так низко о разуме тех, кто настроен благожелательно, чтобы предполагать, что они искренне верят, что реформа в парламенте даст им работу или освободит страну от уплаты бремени налогов, которыми мы сейчас обременены; я также не замечая в речах, обращенных к толпе, каких-либо столь экстравагантных ожиданий, предъявляемых к ним. Если бы они были, я уверен, что они знают лучше, чем верить спикерам, которые дают такие обманчивые обещания. Я ожидаю, что у нас будет очень бурная сессия парламента.

Что касается моих расчетов, то я могу сказать в их защиту только то, что я никогда не приводил их для какого-либо практического использования, а просто для разъяснения принципа. Утверждение о том, что "едва ли возможно, чтобы все мои расчеты не были обязательно и в корне ошибочными", не противоречит моей теории, поскольку я этого не отрицаю; но все же верно, что доля продукции сельского хозяйства или мануфактурных производств, удерживаемая капиталистом, который заставляет рабочих работать, будет зависеть от количества труда, необходимого для обеспечения содержания рабочих.

Вы спрашиваете меня: "Рассматриваю ли я новую норму прибыли, определяемую состоянием земли, когда земля перестает обрабатываться из-за ввоза иностранного зерна, или постоянные цены на промышленные и товарные продукты по сравнению с падением заработной платы". Вы правильно предвосхитили мой ответ. "Капитал будет, - думаю я, - изыматься из земли до тех пор, пока последний капитал не принесет прибыли, полученной (за счет падения заработной платы) в мануфактурах, при условии, что цена таких мануфактур останется неизменной. [']

Я рад слышать, что ваша книга так скоро появится в печати, но я сожалею, что самая важная часть выводов из принципов, которые вы пытаетесь разъяснить, не будет включена в нее, я имею в виду налогообложение. В письме, которое я недавно получил от Тернера [206], он полон сожаления, что важному вопросу налогообложения уделяется так мало внимания со стороны политэкономистов; в настоящее время он считает это особенно важным, и я не могу не согласиться с ним. Как только вы начнете свою нынешнюю работу, я надеюсь, что вы немедленно подготовитесь поделиться с нами своими мыслями по теме, в которой [мы] все практически заинтересованы.

Совсем недавно я также получил письмо от Мак-Каллоха, он писал статью об обменах для Енсу. Брит., который, я думаю, очень хорошо сделан; хотя я не могу согласиться с одним или двумя его определениями.

Я поспешно закончил статью, которую взялся написать о амортизационном фонде, а потом почувствовал к ней такое отвращение, что был рад избавиться от нее. Я дал так много указаний не считаться с моими предполагаемыми чувствами при принятии решения о том, будет это опубликовано или нет, что я сильно сомневаюсь, увидит ли это когда-нибудь свет

Всегда твой,
Д. Рикардо.

Примечание. Пробел между вышеупомянутым письмом (от 9 ноября 1819 г.) и следующим (от 4 мая 1820 г.) может быть заполнен письмом Рикардо к Дж. Б. Сэю, датированным из Лондона 11 января 1820 г. ("Приключения разных", стр. 414). Поблагодарив его за подарок (который, как следует из ответа Сэя, представлял собой французский перевод его "Политики. Экономика. и налогообложение") и письмо, в котором он продолжает: "Я помню, как вы говорили мне, когда я видел вас в Париже, что в каждом последующем издании наших соответствующих работ наши мнения будут все больше и больше приближаться друг к другу, и я убежден, что истинность этого замечания будет продемонстрирована". Наши разногласия (продолжает он) становятся скорее словесными, чем существенными. Ваша глава о Ценности, на мой взгляд, значительно улучшилась. Однако вы вводите меня в заблуждение по этому вопросу, когда говорите, что я считаю, что *стоимость* труда определяет стоимость товаров; я, напротив, считаю, что не стоимость, а "*сравнительное количество труда*, необходимое для производства, регулирует относительную стоимость произведенных товаров". Также в отношении ренты, прибыли и налогообложения вы не замечаете, что мои рассуждения исходят из предположения, что в каждой стране "есть земля, которая не приносит ренты", *или* капитал, применяемый к земле с целью получения прибыли просто, и не платя за это арендной платы". [См. "Законодательство и налоги". (McC., ред.), глава xii. стр. 107.] Последнее вы пропускаете мимо ушей без ответа. Я направляю вам 2-е издание моей книги, в котором "нет ничего нового, поскольку у меня не хватило смелости переработать его". В заключение он говорит: "Политическая экономия набирает обороты. Сейчас выдвигаются более здоровые принципы. Ваш трактат по праву занимает первое место среди авторитетных источников. Дебаты в парламенте на прошлой сессии удовлетворили друзей науки. Наконец-то признаны истинные принципы валюты. Я думаю, что в этом вопросе мы больше не сойдемся с пути истинного. С Джереми Бентамом и Миллом все в порядке; я недавно их видел.

Сэй отвечает (2 марта 1820 г.), что их спор, несомненно, закончился бы согласием, если бы его не прервала смерть, поскольку недавний апоплексический удар заставил его подумать об этом. Затем он кратко защищает себя от критики Рикардо. Как вы можете (говорит он) определять количество и качество труда, если не по цене, заплаченной за его получение? Что касается двух частей вашего предложения по арендной плате, я не вижу причин для несогласия со второй, когда я отличаюсь от первой, и я думаю (вместе с вами), что налогообложение во втором случае будет перенесено на потребителей.

LXXI [207].

Лондон, 4 мая 1820 г..

Мой дорогой Мальтус,

... Я прочитал вашу книгу [208] с большим вниманием. Мне нет нужды говорить, что есть много моментов, в которых я вполне согласен с вами. Я особенно доволен вашими наблюдениями о положении бедных; им нельзя слишком часто повторять, что самое эффективное средство от неадекватности их заработной платы находится в их собственных руках. Я желаю, чтобы вам удалось избавить нас от всех препятствий на пути к лучшей системе, которая могла бы быть создана.

После частых споров между нами вы не удивитесь, если я скажу, что меня не убеждают ваши аргументы по тем вопросам, по которым мы давно расходимся во мнениях. Я думаю, что наши разногласия в некоторых отношениях могут быть связаны с тем, что вы считаете мою книгу более практичной, чем я предполагал. Моей целью было разъяснить принципы, и для этого я представил убедительные примеры, на которых я мог бы показать действие этих принципов [209]. Я никогда не думал, например, что на земле произошли практически какие-либо улучшения, которые сразу удвоили бы ее продукцию; но, чтобы показать, каким был бы эффект улучшений, не нарушенный никакими другими действующими причинами, я предположил, что улучшение в такой степени должно быть принято; и я думаю, что я правильно рассуждал, исходя из таких предпосылок. Я уверен, что не преуменьшаю важность улучшений в сельском хозяйстве для землевладельцев, хотя, возможно, я не заявлял об этом так решительно, как следовало бы. Мне кажется, вы их переоцениваете; землевладельцы не получали бы больше ренты, пока на землю был затрачен тот же капитал, что и раньше, и новая земля не была взята в обработку; но, поскольку при более низкой цене на хлеб можно было бы обрабатывать новую землю и применять дополнительный капитал на старой земле, выгода для землевладельцев была бы очевидной. Поскольку арендная плата землевладельца за зерно увеличилась бы без соблюдения этих условий, вы, по-видимому, думаете, что он получил бы выгоду; но его дополнительное количество зерна не было бы обменено ни на дополнительные деньги, ни на какое-либо дополнительное количество других товаров. Если бы рабочая сила была дешевле, он получил бы выгоду в той мере, в какой он сэкономил бы на найме своих садовников и, возможно, какой-нибудь другой черной прислуги, но это преимущество было бы общим для всех, кто имел одинаковый денежный доход, из какого бы источника он ни был получен. Compliment, который вы сделали мне в одной из своих заметок [210] очень лестен. Мне приятно знать, что у вас сложилось обо мне благоприятное мнение; но я боюсь, что мир подумает, как и я, что ваша добрая пристрастность ослепила вас в данном случае.

Как никогда ранее, я расходюсь с вами во мнениях в вашей главе о последствиях накопления капитала [211]. До тех пор, пока страна не достигнет [*sic*] истощения своих ресурсов из-за уменьшения возможностей страны позволить себе дальнейшее увеличение, [я считаю] невозможным, чтобы [одновременно] был избыток капитала и [товаров (?)]. [Я] согласен, что прибыль может быть какое-то время очень низкой, потому что капитал изобилует по сравнению с [трудом] [212], я думаю, они не могут быть изобильными одновременно.

Признавая, что вы правы в этом [пункте, я сомневаюсь] в правильности сделанного вами вывода, и [мне не кажется] разумным поощрять непродуктивное потребление. Если бы частные лица не выполняли свой долг в этом отношении, правительство могло бы быть оправдано в повышении налогов просто с целью увеличения расходов.

У М^сКаллоха [213] есть краткая рецензия на вашу книгу в "Последнем шотландце"; она в основном посвящена вопросу ценности; он отличается от вас, но делает это с величайшей вежливостью и добродушием. Торренс интересуется (я полагаю, он является редактором) the Traveller [214], и поскольку его аргументы на моей стороне, я, конечно, думаю, что его критика справедлива

Поверь мне, я всегда буду по-настоящему твоим,
Дэвид Рикардо.

LXXII [215].

Гэткомб-парк, 4 сентября 1820 г..

Мой дорогой Мальтус,

Я очень хотел получить от вас весточку и как раз собирался сказать вам об этом, когда получил ваше письмо из Брайтона. Мистер Хамп Остин, мой сосед, сказал мне, что видел вас в Париже, и я слышал о вашем благополучном прибытии в Англию. Мне очень приятно слышать, что ваше путешествие было для вас приятным; оно не могло не быть таким, поскольку дало вам возможность увидеть и побеседовать с ведущими литераторами Франции и услышать их мнение о нынешнем состоянии этой важной страны. Я надеюсь, что в этой сфере нынешний порядок вещей не будет нарушен в течение некоторого времени; но если они и предпримут какое-то движение, я верю, что это будет сделано с целью более эффективного обеспечения свободы народа путем совершенствования представительной системы, насколько это возможно человеческими средствами. Нет ничего, от чего так сильно зависело бы счастье огромной массы людей. Я не ожидал, что у меня будет так много читателей во Франции, как, по-видимому, следует из количества проданных экземпляров французского перевода, о котором вы мне сказали. Я не удивлен, что вы нашли мало тех, кто правильно понял мою теорию, и еще меньше тех, кто был склонен согласиться со мной. Мне пока не удалось привлечь много новообращенных в моей собственной стране; но я не отчаиваюсь видеть, что их число увеличивается; те немногие, что у меня есть, соответствуют описанию и не испытывают недостатка в рвении к распространению истинной веры.

Я видел письма Сэя к вам [216]; мне кажется, что он многое сказал во имя правого дела, но не все, что можно было сказать. В одном пункте, я думаю, он впадает в ту же ошибку, что и Торренс в своей статье в *Edinburgh Review* [217]. Они оба, по-видимому, думают, что застой в торговле возникает из-за того, что не производится встречный набор товаров, без которого товары, выставленные на продажу, должны быть куплены, и они, по-видимому, делают вывод, что зло не будет устранено до тех пор, пока такие другие товары не появятся на рынке. Но, несомненно, истинное средство защиты заключается в регулировании будущего производства; если есть избыток одного товара, производите меньше этого и больше другого, но не позволяйте избытку продолжаться до тех пор, пока покупатель не выберет [218] производить более востребованный товар. Меня не убеждает то, что Сэй говорит обо мне; он не понимает меня и часто расходится с самим собой, когда речь заходит о ценности. В его 4-м издании [219], т. ii, стр. 36, он говорит, что все падает в цене по мере увеличения количества за счет средств производства. Теперь предположим, что вам приходится платить за то, что он называет "продуктами обслуживания", этими товарами, стоимость которых так упала, дадите ли вы ту же стоимость, если дадите за них то же количество товаров, что и раньше? Конечно, нет, согласно его собственному признанию; и все же он утверждает, стр. 33, что производственные услуги не изменились, если они получают одинаковое количество товара, несмотря на то, что себестоимость производства этого товара могла упасть с 40 до 30 франков за эл. У него два противоположных представления о ценности, и я наверняка ошибусь, если не соглашусь с любым из них [220].

Я сожалею, что правительство Франции предубеждено против политической экономии. Какие бы разногласия ни существовали среди авторов по поводу этой науки, они, тем не менее, согласны по многим важным принципам, которые подтверждаются демонстрацией. Соблюдая их, правительства не могут не способствовать благосостоянию людей, которые находятся под их властью. Что может быть более очевидным, чем преимущества, вытекающие из свободы торговли, или чем зло, проистекающее из какого-либо особого поощрения населения?

Я перечитываю вашу книгу во второй раз с большим вниманием, но мое расхождение с вами остается таким же прочно укоренившимся, как и прежде. Некоторые из возражений, которые вы мне выдвигаете, носят чисто словесный характер; в них не задействовано никакого принципа; великий и ведущий момент, в котором, я думаю, вы в корне неправы, - это тот, который Сэй атаковал в своих письмах. В этом я не испытываю никаких сомнений. Что касается значения слова, вы определили его одним образом, я другим. Похоже, мы не имеем в виду одно и то же, и нам следует сначала договориться о том, каким должен быть стандарт, а затем изучить, какие подходы наиболее близки к неизменному стандарту, тот, который предлагаете вы, или тот, который предлагаю я.

Я не слышал, чтобы Маккалох или Торренс писали что-либо еще против вас, и не знаю, есть ли у них какие-либо планы. Маккалох написал мне два письма с тех пор, как мы виделись в последний раз; он ничего не говорит о ценности, и, вероятно, пройдет год или два, прежде чем он сможет опубликовать что-либо на эту тему в Приложении к Энциклопедии. В следующем обзоре будет его статья о десятине, которую я видел; его принципы верны, но мне не нравится его средство от существующего зла [221].

Милл пробыл здесь со мной две недели и пробудет еще какое-то время. Он задумал написать популярную работу по политической экономии [222], в которой он объяснит принципы, которые, по его мнению, верны, наиболее знакомым для учащихся способом. В его намерения не входит замечать чье-либо мнение или вступать в полемику по спорным пунктам.

Я просматривал свою первую главу с целью внести в нее несколько изменений, прежде чем работа выйдет в другое издание. Я нахожу свою задачу очень трудной, но я надеюсь, что изложу свое мнение более ясно и доходчиво. Я действительно намеревался защититься от некоторых ваших нападок, но, поразмыслив, я думаю, что, отдавая себе должное, я должен сказать так много, что мне пришлось бы очень неудобно увеличивать размер моей книги, кроме того, я должен был бы постоянно отвлекать внимание моих читателей от [надлежащего?] субъект. Если я вообще буду защищаться, я должен буду сделать это в [отдельной] публикации [223].

Что касается судебного процесса над королевой, я более чем когда-либо убежден в нелепости и нецелесообразности разбирательства, которое привело к нему, и совершенно уверен, что заявление о том, что это государственный вопрос, является ложным: оно сделано просто для удовлетворения негодования и враждебности одного человека, который сам вел себя настолько плохо, что, на что бы ему ни пришлось жаловаться, он настолько полностью заслужил это, что никто не обязан вступать в его ссоры или желать наказания за преступления, которым его собственное поведение сыграло столь важную роль.... Гэткомб просто восхитителен. Я бы хотел, чтобы вы и миссис Мальтус составили нам компанию здесь, прежде чем мы отправимся в Лондон. Мистер Милл желает, чтобы о нем хорошо помнили.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXIII [224].

Гэткомб-парк, 10 октября 1820 г..

Мой дорогой Мальтус,

Защита королевы, похоже, продвигается хорошо; еще несколько таких доказательств [*так в оригинале*], как сэр У.М. Гелл и я думаем, что лорды не смогут принять законопроект; в таком случае меня не вызовут в город, и если вы будете в этой части света на Рождество, возможно, мы увидимся с вами в Гаткомбе.

Уорбертон остановился в Истон-Грей и нанес нам двух- или трехдневный визит к Смитам; он был очень любезен. Он говорит не совсем положительно, но я думаю, что он один из моих учеников и согласен со мной по некоторым из тех пунктов, которые вы наиболее решительно оспариваете.

Я совершенно согласен с вами в том, что письма М. Сэя к вам написаны не очень хорошо. Он даже не защищает свою собственную доктрину с особенной способностью, и по некоторым другим запутанным вопросам, которых он касается, он, как мне кажется, весьма неудовлетворителен. Он, конечно, не имеет правильного представления о том, что подразумевается под стоимостью, когда утверждает, что товар ценен пропорционально его полезности. Это было бы верно, если бы покупатели регулировали только стоимость товаров; тогда действительно мы могли бы ожидать, что все люди были бы готовы назначать цену за вещи пропорционально той оценке, в которой они их оценивали; но факт, как мне представляется, заключается в том, что покупатели меньше всего в мире могут влиять на регулирование цен; все это осуществляется конкуренцией продавцов, и, как бы покупатели ни были действительно готовы давать за железо больше, чем за золото, они не могли бы, потому что предложение регулировалось бы издержками производства, и, следовательно, золото неизбежно находилось бы в той пропорции, в какой оно находится сейчас по отношению к железу, хотя вероятно, все человечество считает его менее полезным металлом.

Я думаю, что можно сказать больше в защиту его доктрины услуг; я думаю, что они являются регуляторами стоимости, и, если бы он отказался от арендной платы, мы с ним не стали бы сильно расходиться во мнениях по этому вопросу. То, что он говорит об услугах, совершенно несовместимо с другой его доктриной о полезности. Мне кажется, что он очень невежественно рассуждает о налогообложении в Англии. В примечании, стр. 101, он слишком многое допускает. Трудность поиска применения капиталу в упомянутых вами странах проистекает из предрассудков и упрямства, с которыми люди упорствуют на своих старых занятиях; они ежедневно ожидают перемен к лучшему и поэтому продолжают производить товары, на которые нет адекватного спроса. При изобилии капитала и низкой цене труда не может не найтись занятий, которые приносили бы хорошую прибыль; и, если бы выдающийся гений контролировал расположение капитала страны [225], он мог бы за очень короткое время

сделать торговлю такой же активной, как и прежде. Мужчины допускают ошибки при их производстве; недостатка в спросе нет. Если бы мне нужны были ткани, а вам хлопчатобумажные изделия, то с нашей стороны было бы большим безумием производить бархат, а другому - вино, если бы один из нас производил бархат, а другой вино; сейчас мы виновны в какой-то такой глупости, и я едва ли могу объяснить, как долго продолжается это заблуждение. В конце концов, вред может быть не так велик, как кажется. Вы справедливо изложили суть спора между нами; я не могу представить себе возможным, без грубейшего просчета, чтобы в одно и то же время был избыток капитала и рабочей силы.

Когда я говорю, что я придерживаюсь истинной веры, я имею в виду выразить только свою твердую убежденность в своей правоте; надеюсь, вы не придаете этому выражению ничего похожего на высокомерие. У меня есть привычка решительно отстаивать перед вами свое мнение, и я уверен, что вы не хотели бы, чтобы я поступал иначе. Я удовлетворен тем, что вы должны сделать то же самое со своим, и осмелюсь сказать, вы согласитесь со мной, что вы не более склонны подчиняться простому авторитету, не будучи убежденным, чем я [226]. Я утверждаю вместе с вами, что "если у фермера не будет адекватного рынка сбыта своей продукции, он вскоре перестанет распределять больше предметов первой необходимости среди своих работников" с целью производства большего количества предметов первой необходимости; но не оставит ли он поэтому эту часть своего капитала бездействующей, не употребит ли он или кто-либо другой ее на производство чего-либо, что удовлетворит адекватный рынок? Вы говорите об относительной *полезности* наших двух определений ценности. Признаюсь, что ваше определение [227] не передает моему уму ничего, приближающегося к представлению, которое я когда-либо формировал о ценности. Говорить, что реальная стоимость применительно к заработной плате подразумевает количество предметов первой необходимости, выдаваемых рабочему, в то же время, когда вы соглашаетесь с тем, что эти предметы первой необходимости столь же изменчивы, как и все остальное, представляется мне противоречием. Вы думаете, что политическая экономия - это исследование природы и причин богатства; я думаю, ее скорее следовало бы назвать исследованием законов, которые определяют распределение продукта промышленности между классами, участвующими в его формировании. Никакой закон не может быть установлен в отношении количества, но сносно правильный закон может быть установлен в отношении пропорций. С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что первое исследование тщетно и обманчиво, а второе - единственный истинный объект науки. Вы говорите, что мое утверждение "что, за немногими исключениями, количество труда, затраченного на товары, определяет норму, по которой они будут обмениваться друг на друга, недостаточно обосновано". Я признаю, что это не совсем верно, но я говорю, что это самое близкое приближение к истине, как правило, для измерения относительной стоимости, из всех, которые я когда-либо слышал. Вы говорите, что спрос и предложение регулируют ценность [*так в оригинале*]; я думаю, это ни о чем не говорит, и по причине, которую я привел в начале этого письма: ценность регулирует предложение [228], а предложение само по себе контролируется сравнительными издержками производства. Издержки производства в денежном выражении означают стоимость труда, а также прибыль. Теперь, если мой товар имеет одинаковую стоимость с вашим, его производственные издержки должны быть одинаковыми. Но издержки производства, с некоторыми отклонениями, пропорциональны затраченному труду. И мой, и ваш товар стоят по 1000 фунтов стерлингов; следовательно, в каждом из них, вероятно, будет реализовано одинаковое количество труда. Но эта доктрина менее подвержена возражениям, когда

используется не для измерения всей абсолютной стоимости сравниваемых товаров, а для измерения изменений, которые время от времени происходят в относительной стоимости. К каким причинам, я имею в виду постоянные причины, можно отнести эти вариации? До двух и только до двух, одно из которых незначительно по своим последствиям - повышение или понижение заработной платы, или, что, на мой взгляд, одно и то же, падение или повышение прибыли, другое имеет огромное значение - большее или меньшее количество труда, которое может потребоваться для производства товаров. Из первой причины не может последовать никаких значительных последствий, потому что прибыль сама по себе составляет лишь малую часть цены, и за ее счет нельзя сделать никакого значительного прибавления или вычета. Для другой причины нельзя установить никаких очень ограниченных ограничений, поскольку количество труда, необходимое для производства товаров, может изменяться вдвое или втрое.

Тема трудная, а я плохо владею языком, и поэтому мне не удастся выразить то, что я имею в виду. Моя первая глава [229] не будет существенно изменена; в принципе, я думаю, что она вообще не будет изменена

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXIV [230].

Гэткомб-парк, 24 ноября 1820 г..

Мой дорогой Мальтус,

Я жил в состоянии большой неопределенности, должен ли я быть обязан ехать в Лондон или нет. Кажется, решено, что работа парламента будет отложена, и поэтому я не думаю, что необходимо отправляться в город с единственной целью услышать, как слугитель "черных жезлов" трижды постучит в дверь Палаты общин своим служебным жезлом, который, как нас заверил Хобхауз, [так в оригинале] был бы наложен на его спину, если бы он осмелился нарушить порядок в реформированной Палате общин. Политический горизонт, похоже, не проясняется. Для правительства всегда неразумно противопоставлять себя заявленному мнению очень большого класса людей, и это особенно важно, когда спорный вопрос сам по себе незначителен и не имеет реального значения для государства. Следует ли поддерживать общественность в таком взволнованном состоянии из-за вопроса, следует ли предоставить королеве дворец или следует ли включить ее имя в Литургию? Ничто не может быть более неоправданным, чем рисковать общественной безопасностью из-за подобных вопросов, поскольку после начала дискуссии нет никакой безопасности ни в том, чтобы уступать, ни в том, чтобы сопротивляться.

В своем последнем письме вы говорите, "что вы подкреплены новыми аргументами, чтобы демонстративно доказать, что чистый доход абсолютно невозможен при решимости использовать весь продукт в производстве предметов первой необходимости, и, следовательно, если нет надлежащего вкуса к предметам роскоши и удобствам или непроизводительному труду, обязательно должно быть общее перенасыщение". Я не буду

утруждать вас приведением этих аргументов, поскольку с очень небольшим изменением я был бы полностью согласен с вашим предложением. Если я правильно помню, это то самое исключение, которое я сделал [231] и которое вы упоминаете в своей книге. Вы должны собрать свой запас аргументов для защиты более сложных моментов, чем этот.

Я совершенно уверен, что вы последний человек, который сознательно стал бы искажать информацию о противнике, и все же я нахожу в вашей книге некоторые намеки на мнения, которые вы представляете как мои и которых я на самом деле не придерживаюсь. В одном или двух случаях вы, я думаю, представляете доказательство того, что неправильно поняли меня, поскольку так представляете мои доктрины в одном месте и иначе - в другом. В конце концов, разница между нами не зависит от этих моментов; это очень второстепенные соображения.

Я сделал заметки к каждому отрывку в вашей книге, который я оспариваю, и предположил, что собираюсь опубликовать новое издание вашей работы, и могу смело отметить этот отрывок ссылкой на примечание внизу страницы. На самом деле я процитировал три или четыре слова из предложения, отметив страницу, а затем добавил свой комментарий. Та часть вашей книги, против которой я больше всего возражаю, - последняя. Я не вижу обоснованности в причинах, которые вы приводите в пользу полезности спроса со стороны непродуктивных потребителей. Признаюсь, я не могу понять, каким образом их потребление без воспроизводства может принести пользу стране в любом ее возможном состоянии. Я также сделал несколько заметок к письмам месье Сэя к вам, которыми я отнюдь не доволен. Он очень несправедлив ко мне и, очевидно, не понимает моей доктрины; и для тех мнений, которых мы придерживаемся, он не приводит таких удовлетворительных доводов, которые, я думаю, можно было бы выдвинуть. На самом деле он уступает вам по очкам, что можно рассматривать почти как отказ от ответа на вопрос и дарование вам триумфа. В работах Сэя в целом присутствует великолепная смесь глубоких размышлений и вопиющих грубых ошибок. Что может побудить его упорно представлять полезность и ценность как одно и то же? Может ли он действительно верить, что наше налогообложение работает так, как он описывает [232], и может ли он думать, что мы должны получить облегчение, как он представляет, от выплаты нашего государственного долга [233]?

Я не буду оспаривать другое предложение в вашем письме. "Никакое богатство, - говорите вы, - не может существовать, если спрос или оценка, в которой находится товар, не превышает издержек производства." Я никогда не оспаривал этого. Я не оспариваю ни влияния спроса на цену хлеба, ни на цену всех других товаров; но предложение следует за ним по пятам и вскоре берет власть регулировать цену в свои руки [*sic*], и при ее регулировании он определяется издержками производства. Я признаю интервалы, на которых вы так сосредоточены, но все же это всего лишь интервалы. "Пятьдесят дубов стоимостью по 20 фунтов стерлингов каждый требуют меньше труда, чем каменная стена в Глостершире, которая стоит 1000 фунтов стерлингов ["] [234]. Я ответил на ваш вопрос; позвольте мне задать вам один. Вы когда-нибудь верили, что я думал, что пятьдесят дубов будут стоить столько же труда, сколько каменная стена? Я действительно не хочу, чтобы такие предложения принимались для поддержки моей системы

Я всегда по-настоящему твой,
Дэвид Рикардо.

LXXV [235].

[Минчинхэмптон, 29 ноября 1820 г..]

Мой дорогой Мальтус,

... Я очень рад слышать о вашем намерении нанести мне визит сюда. Я надеюсь, что это продлится дольше, чем вы упомянули. Миссис Рикардо просила передать, что ей было бы очень приятно повидать миссис Мальтус и ваших троих детей.... Есть дилижанс, который отправляется из Лондона три раза в неделю в пять часов вечера, в понедельник, среду и пятницу. Этот автобус отправляется в Минчинхэмптон, в миле от нашего дома; в нем четверо пассажиров, он едет в очень хорошем темпе и отправляется из гостиницы Angel Inn, Сен-Мартен-ле-Гран. Есть также утренний автобус, который отправляется из Джерардс-Холла, Бейзинг-лейн, Чипсайд, три раза в неделю утром, без четверти шесть. Я полагаю, что эта карета ходит по вторникам, четвергам и субботам; это дилижанс Страуда, и он подъезжает к нашему дому не ближе, чем на четыре мили по Сайренсестерской дороге. Если вы предпочитаете этот экипаж, мы придем за вами туда, где дороги расходятся. Это, конечно, на случай, если миссис Мальтус не поедет с вами

Это правда, что случай [236] в моей книге заявлен как временный, и, по моему мнению, он может быть только временным, потому что он не может существовать, когда население увеличивается вместе со спросом на людей. Когда мы встретимся, мы должны договориться о значении, которое следует придавать "чистому избытку земли"; это может означать весь материальный продукт после вычета из него того, что абсолютно необходимо, чтобы прокормить людей, которые его получили, или это может означать стоимость продукта, которая приходится на долю капиталиста, или на долю капиталиста и землевладельца вместе взятых. Если первый представляет собой чистый излишек, то он одинаково справедлив независимо от того, отдается ли он рабочим, капиталистам или землевладельцам. Если второе, то оно может оказаться недостаточным для того, чтобы дать капиталисту такую же ценность, какую он затратил на его получение, и, следовательно, для него не будет чистого продукта. Этот термин "чистый продукт" используется в вашей книге двусмысленно и основан на наблюдении над чем-то, что [что я могу] сказать о чистом и валовом продукте. Наблюдение [справедливое] или не справедливое, в зависимости от значения, придаваемого термину "аккуратный продукт"; но подробнее об этом, когда мы встретимся.

Зная, насколько сильно на нас влияет определенный взгляд на предмет и как трудно разрушить цепочку идей, которые долгое время следовали друг за другом в уме, я не скажу, что я прав относительно последствий непродуктивного спроса, и поэтому возможно, что через пять лет я буду думать по этому вопросу так же, как вы, но в настоящее время я не вижу ни малейшей вероятности такого изменения, поскольку каждое новое рассмотрение вопроса подтверждает мое мнение, которого я давно придерживаюсь.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—8 мая 1821 г. Рикардо пишет Дж. Б. Сэю из Лондона (Say, "Приключения разнообразия", стр. 416), подтверждая получение "Писем Сэя к Мальтусу" и отправляя ему ранний экземпляр 3-го издания его "Pol. Экономика. и налоги." Он снова придирается к использованию Сэем слова "Ценность". Он принимает доктрину Сэя о "производственных услугах"; но "поскольку рента является следствием, а не причиной роста цен, я заново ставлю перед вами вопрос, не следует ли не учитывать ренту, когда мы оцениваем сравнительную ценность продукции почвы. Предположим, что передо мной две буханки, одна с лучшей земли в стране, с земли, приносящей три-четыре фунта стерлингов за акр, другая с земли, арендуемой примерно за три-четыре шиллинга. Эти два устройства точно такого же качества и по одинаковой цене. Вы бы сказали, что цена одного из них в значительной степени является платой за обслуживание почвы, в то время как она дает небольшую прибыль капиталу и труду, которые заставили эту землю производить продукцию. Это неоспоримо; но какие выводы вы можете сделать из этого для нашего практического руководства? Что мы хотим знать, так это общий закон, который регулирует стоимость хлеба относительно стоимости всех других вещей; и я полагаю, что мы обнаружим, что одна из этих буханок, та, которая поступает с земли, которая платит мало ренты или вообще не платит ее, определяет стоимость всего хлеба; следовательно, его стоимость по сравнению со стоимостью всех других вещей зависит от количества труда, затраченного на его производство, по сравнению с количеством труда, затраченного на любое другое производство. Ваша книга ("Черта") принесла бы много пользы, если бы вы более глубоко рассмотрели законы ренты и прибыли: "Адам Смит, безусловно, ошибался, полагая, что норма прибыли зависит от количества накопленных капиталов без учета населения и средств его обеспечения". В других пунктах я согласен с вашей книгой и с большей частью ваших "Писем к Мальтусу". "Мы с мистером Мальтусом часто видимся, но не убеждаем друг друга. Я рад сообщить вам, что молодежь этой страны все больше и больше изучает экономическую науку. Недавно мы сформировали клуб политэкономистов, в который мы с гордостью включаем господ. Торренс, Мальтус и Милль. Многие другие, кроме них, активно поддерживают принципы свободной торговли, хотя их имена не так хорошо известны общественности."

В своем ответе (Париж, 19 июля 1821 г.) Сэй указывает, что Рикардо пренебрегает различием между "естественным богатством" и "общественным богатством", иначе он был бы более согласен с Сэем в его взгляде на ценность, чем сейчас. "Ценность в использовании", если это что-то значит, означает чистую и простую полезность, и мы можем опустить "ценность". Но полезность может быть безвозмездно предоставлена нам природой или дополнена нашим трудом и затратами. Мы измеряем добавленную таким образом новую полезность не *по количеству труда, которого нам это стоит*, как вы говорите, а *по различным количествам другого продукта*, которые даются за него (за новую полезность, а не за данную природой полезность) другими. Например, фунт железа, возможно, в 2000 раз менее ценен, чем фунт золота, хотя полезность железа может быть равной, если не выше, полезности золота; и причина в том, что почти вся полезность железа является безвозмездным подарком природы нам. Поэтому я намеренно пренебрегаю различием ценности в употреблении и ценности в обмене, поскольку считаю, что Политическая экономия имеет дело только с последней. Что касается двух буханок, феномен, о котором вы говорите, обусловлен, во—первых, присвоением земли, без учета которого тот продукт почвы, который был получен без труда, никому бы ничего не стоил, — во-вторых, принимая вещи такими, какие они есть, тем фактом, что прогресс в производстве по существу заключается в замене безвозмездных услуг природы нашими собственными дорогостоящими услугами - нашим идеалом является полное вытеснение

последних первыми, что сделало бы нас всех "богаче Давида Рикардо". Опять же, я считаю, что определяющие причины ценности включают в себя причины, влияющие как на спрос, так и на предложение, стоимость потребителю производственных услуг, которые он предлагает взамен, а не только затрат труда на поставляемый товар. Я рад слышать о вашем Клубе. "Чего я больше всего желаю, так это того, чтобы такие экономические принципы, которые не являются абстрактными, а являются лишь откровенным изложением фактов и их последствий, были распространены среди всех классов граждан. Нам нужны не спорщики, владеющие силлогистическим оружием, а экономисты-практики; и все, что для этого требуется, - это понятия, доступные простому здравому смыслу, который, боюсь, мы отталкиваем своими слишком абстрактными рассуждениями. "Если вы принимаете незнакомцев, я был бы рад стать членом клуба. В постскрипуме он добавляет, что его хвалебные речи (в письмах к Мальтусу) в отношении Эссе о народонаселении были восприняты некоторыми английскими авторами как ироничные; и он хотел бы, чтобы Рикардо сказал Мальтусу, что это не так; он считает позицию Эссе неприступной и искренне уважает автора (Œuvres Diverses, стр. 418-22). Сэй придерживался мнения, что еще не пришло время устанавливать догматическую ортодоксальность в экономических доктринах; и он начинает вышеупомянутое письмо словами Рикардо: "Я вижу в вашей книге новое доказательство того, что предметы политической экономии чрезвычайно сложны, ибо, хотя вы и я оба добросовестно ищем истину, все же, посвятив целые годы исследованию глубины ее фундаментальных вопросов, мы находим несколько пунктов, по которым мы не согласны. Хорошо, что мы пришли к согласию в главном - о возможности продвижения человека к богатству и счастью, а также о средствах, необходимых для достижения этой цели. Мы приходим к одним и тем же выводам, хотя иногда разными путями" (стр. 418).

LXXVI [237].

[Адресовано церкви Святой Екатерины в Бате.]

Гэткомб-парк, Минчинхэмптон, 9 июля 1821 года.

Мой дорогой сэр,

Мне жаль, что вы не уделите мне несколько дней до вашего возвращения в Лондон. Прошу вас, пересмотрите свое решение и, если сможете, измените его. В субботу я ожидаю мистера Тука; прошло много времени с тех пор, как он назначал этот день, чтобы прийти ко мне, и я уверен, что удовольствие от его визита значительно возрастет как для него, так и для меня, если вы тоже присоединитесь к нашей компании.

Маккалох конкретно и решительно возражал против моей главы о машинах [238]; он считает, что я испортил свою книгу, признав это, и нанес серьезный вред науке, как теми мнениями, которые я высказываю, так и тем способом, которым я их излагаю [239]. Мы обменялись двумя или тремя письмами на эту тему; в своем последнем письме он, как мне кажется, признает, что результатом использования машин может быть уменьшение годового количества и стоимости валового продукта. Соглашаясь с этим, он отказывается от самого вопроса, ибо невозможно утверждать, что при уменьшении количества валового продукта были бы те же средства

применения труда. Истинность моих предположений по этому вопросу представляется мне абсолютно доказуемой. Маккалох сокрушается по поводу отхода от моего валютного плана и намеревается сделать это предметом статьи в "Эдинбург Ревью", как он уже сделал в "Скотсмен". Я очень сожалею, что в ходе великого перехода, который мы осуществили от нерегулируемой валюты к валюте, регулируемой фиксированным стандартом, у нас не было более способных людей для управления этим, чем нынешние директора банков. Если бы их целью было сделать это отвращение как можно более угнетающим, они не смогли бы прибегнуть к мерам, более рассчитанным на то, чтобы сделать это таковым, чем те, которые они действительно предприняли. Почти все давление возникло из-за возросшего значения, которое их операции придали самому стандарту. Они действительно очень невежественны.

Вы правы, полагая, что я правильно понял, что вы в своей книге заявляете, что исследуете не мотивы производства, а последствия, которые могут возникнуть в результате обильного производства. Вы говорите в своем письме: "Мы видим почти в каждой части мира огромные производственные силы, которые не приводятся в действие, и я объясняю это явление тем, что из—за отсутствия надлежащего распределения фактического продукта нет адекватных мотивов для продолжения производства". Если бы это было то, что, как я предполагал, вы сказали, у меня не нашлось бы ни слова против вас; но я скорее понял ваши слова так, что огромные производственные силы приведены в действие, и результат неблагоприятен для интересов человечества; и вы предложили в качестве средства либо производить меньше, либо производить больше. непродуктивно потребляется. Если бы вы сказали: "После достижения определенного предела в реальных обстоятельствах не будет смысла пытаться производить больше; цель не может быть достигнута, и, если бы это было возможно, вместо большего классу, предоставившему капитал, принадлежало бы меньше", я бы согласился с вами; однако в этом случае я бы сказал, что истинная причина такого неправильного распределения заключалась бы в недостаточном количестве рабочей силы на рынке и была бы эффективно устранена ее дополнительным предложением. Но я говорю вместе с вами, что не могло быть адекватного мотива для того, чтобы довести производство до такой степени, и поэтому оно никогда не зашло бы так далеко. Я не знаю, прав ли я в своем замечании, что "я говорю это вместе с вами", поскольку мне часто кажется, что вы утверждаете не только то, что производство может продолжаться до сих пор без адекватного мотива, но и то, что оно действительно продолжалось так в последнее время, и что сейчас мы страдаем от последствий этого в виде застоя торговли, нехватки рабочих мест для наших рабочих и т.д. и т.п.; И средство, которое вы предлагаете, - это увеличение потребления. Именно против этой последней доктрины я протестую и решительно возражаю. Я признаю, что может не быть адекватных мотивов для производства, и, следовательно, вещи не будут производиться; но я не могу допустить, во-первых, что при таких неадекватных мотивах будут производиться товары, и, во-вторых, что, если их производство сопряжено с убытками для производителя, это происходит по какой-либо иной причине, кроме той, что слишком большая доля приходится на занятых рабочих. Увеличьте их число, и зло будет устранено. Пусть предприниматель сам потребляет больше, и спрос на рабочую силу не уменьшится; но плата рабочего, которая прежде была непомерно высокой, сократится. Вы говорите в своем письме: "Если возросшая производительная сила не будет сопровождаться увеличением непроизводительных расходов, это неизбежно приведет к снижению прибыли и потере рабочих мест". С этим утверждением я не совсем согласен. Во-первых, я говорю, что это должно сопровождаться увеличением либо производственных, либо непроизводительных расходов. Если рабочий получает значительную часть продукта в качестве заработной платы, то

все, что он получает сверх того, что побуждает его к необходимому напряжению своих сил, - это такое же непроизводительное потребление, как если бы оно потреблялось его хозяином или государством; разницы никакой. Крупный фабрикант может быть настолько расточительным в своих расходах или платить такие высокие налоги, что его капитал может истощаться в течение многих лет подряд; его положение было бы таким же, если бы по своей собственной воле или из-за недостаточности населения он платил своим рабочим столько, что оставил бы себя без соответствующей прибыли или вообще без какой-либо прибыли. От налогообложения он, возможно, и не смог бы спастись, но от этой последней, самой ненужной, *непроизводительной* траты он мог бы спастись и хотел бы этого избежать, поскольку он мог бы выполнять то же количество труда с меньшей оплатой, если бы только сберегал меньше; его сбережения были бы бесконечными и, следовательно, были бы абсурдными. Тогда вы понимаете, что я полностью допускаю больше, чем вы просите; я говорю, что при этих обстоятельствах без увеличения непроизводительных расходов со стороны хозяев прибыль упадет; но я говорю далее, что даже при увеличении непроизводительного потребления и расходов со стороны трудящихся классов прибыль упадет. Уменьшите эти последние непроизводительные расходы, и прибыль снова возрастет; этого можно добиться двумя способами: либо увеличением числа рабочих рук, что приведет к снижению заработной платы и, следовательно, непроизводительных расходов рабочего класса, либо увеличением непроизводительных расходов класса работодателей, что также приведет к снижению заработной платы за счет уменьшения спроса на рабочую силу.

Боюсь, я был виновен в ненужном повторении, но у меня действительно есть большое желание показать вам, по каким пунктам действительно существуют наши разногласия. Я рад слышать, что вы находитесь в приятной стране

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXVII [240].

[В церковь Святой Екатерины, Бат.]

Гэткомб-парк, 21 июля 1821 года.

Мой дорогой Мальтус,

Я думаю, что уступка, на которую я пошел, не выдержит той конструкции, которую вы ей придали. "Увеличение производительной силы должно сопровождаться увеличением производственных или непроизводительных расходов". Это предложение, на которое вы обратили внимание, и вы говорите, что оно не могло бы быть верным, если бы валовой продукт уменьшился. Конечно, нет, но я никогда не говорил, что с увеличением производственной мощности валовой продукт уменьшился бы; я никогда не говорил, что машины позволяют получать большее количество валового продукта; моя единственная жалоба на это заключается в том, что иногда они действительно уменьшают валовой продукт.

Что касается конкретного предмета нашего обсуждения, вы, кажется, удивлены, что я правильно понял ваши слова в вашей книге: "Приводятся в действие огромные производственные силы, и результат неблагоприятен для интересов человечества". Разве вы

этого не говорили? Разве вы не возражаете против машин, что они часто производят такое количество товаров, на которые нет спроса, и что именно избыток является следствием количества, неблагоприятного для интересов человечества? Даже когда вы излагаете свое предложение в настоящем письме, я имею право заключить, что вы видите большое зло в больших производительных силах, исходя из количества товаров, которое будет результатом, и низкой цены, до которой они упадут. Экономия, скажете вы, сначала привела бы к большому производству, затем к низким ценам, за которыми обязательно последовала бы низкая прибыль. При очень низкой прибыли исчезли бы мотивы к сбережению, а следовательно, исчезли бы и мотивы к увеличению производства. Не говорите ли вы тогда, что увеличение производства часто сопровождается пагубными последствиями для человечества, потому что это разрушает мотивы к трудолюбию и поддержанию увеличенного производства? Теперь во многом я не могу с вами согласиться. Я действительно допускаю, что возможен случай, когда сбережения настолько универсальны, что от применения капитала не будет никакой прибыли; но тогда я утверждаю, что конкретная причина заключается в том, что весь тот фонд, который должен составлять прибыль и в обычных случаях составляет ее, идет на заработную плату и неумеренно увеличивает тот фонд, который предназначен для поддержки рабочей силы. Рабочим неумеренно платят за их труд, и они неизбежно становятся непроизводительными потребителями страны. Я согласен также, что капиталисты, не имея в таком случае достаточного мотива для сбережения из дохода для увеличения капитала, перестанут это делать, если вам угодно, даже израсходуют часть своего капитала; но я спрашиваю, какое зло из этого выйдет? Ни для капиталиста, согласитесь, ибо таким образом увеличатся его удовольствия и прибыль, иначе он продолжал бы делать сбережения; ни для рабочих, за которых мы должны были бы роптать, потому что их положение было настолько чрезвычайно благоприятным, что они могли выносить вычет из своей заработной платы и все же находиться в самом преуспевающем состоянии. Вот тут-то мы и расходимся во мнениях больше всего. Вы думаете, что капиталист не мог бы прекратить сберегать из-за низкой своей прибыли без прекращения в некоторой степени занятости населения. Я, напротив, думаю, что при всех сокращениях фонда, предназначенных для оплаты труда, которые, как я признаю, были бы следствием нового курса капиталистов, осталось бы достаточно средств для использования всего труда, который можно было бы получить, и для его щедрой оплаты, так что фактически количество производимых товаров уменьшилось бы незначительно; изменилось бы только распределение; больше досталось бы капиталистам и меньше - рабочим.

Я не думаю, что стагнация - подходящий термин для применения к состоянию вещей, при котором на какое-то время нет мотивов для дальнейшего увеличения производства. Когда в ходе событий прибыль станет настолько низкой из-за большого накопления капитала и нехватки средств для обеспечения продовольствием растущего населения, исчезнут все мотивы для дальнейших сбережений; но застоя не будет; все, что производится, будет продаваться по справедливой относительной цене и будет свободно обмениваться. Конечно, слово "стагнация" неправильно применимо к такому положению вещей, поскольку не будет общего перенасыщения, и какой-либо конкретный товар не обязательно будет производиться в большем изобилии, чем того требует спрос.

Вы говорите: "Мы знаем из неоднократного опыта, что денежная цена труда никогда не падает, пока многие рабочие не останутся на некоторое время без работы". Я не знаю ничего подобного; и если заработная плата раньше была высокой, я не вижу никаких причин, почему она не должна упасть до того, как многие рабочие останутся без работы. Все общие

рассуждения, как я понимаю, говорят в пользу моего взгляда на этот вопрос, ибо почему одни должны соглашаться работать без какой-либо заработной платы, в то время как другие получали самое щедрое вознаграждение? Еще раз я должен сказать, что внезапный и уменьшившийся спрос на рабочую силу в этом случае должен означать уменьшение вознаграждения для работника, а не уменьшение его занятости; он будет работать по крайней мере столько же, сколько и раньше, но будет получать меньшую долю продукта своего труда, и это будет сделано для того, чтобы у его работодателя мог быть достаточный мотив для того, чтобы нанять его вообще, чего у него, конечно, не было бы, если бы его доля продукта была снижена настолько, чтобы сделать увеличение производства скорее злом, чем выгодой для него. "Говорится" (никогда) ", что увеличение непроизводительного потребления среди землевладельцев и капиталистов иногда не может быть надлежащим средством от положения вещей, при котором мотивы производства ослабевают". Я не знаю никого, кто рекомендовал бы сохранять бережливость даже после того, как прибыль от капитала исчезла. Я никогда этого не делал, и я был бы одним из первых, кто осудил бы глупость капиталиста, не потворствующего себе в непроизводительном потреблении. Я действительно сказал, что не может быть произведено ничего, на что не было бы спроса, за исключением случаев неправильного расчета, в то время как использование капитала приносит даже умеренную прибыль; но я не сказал, что производство теоретически не может быть доведено до такой степени, чтобы уничтожить мотив у капиталиста продолжать производить в том же объеме. Я полагаю, что это могло бы зайти так далеко, но мы никогда не были свидетелями этого в наши дни, и я совершенно уверен, что, каким бы вредным такое положение вещей ни было для капиталиста, это так только потому, что оно сопровождается непропорциональными и необычными выгодами для рабочих. Следовательно, средством и единственным средством является более справедливое распределение продукта; а этого можно добиться только, как я сказал в моем последнем письме, увеличением числа рабочих или более либеральными непроизводительными расходами со стороны капиталистов. Я бы не протестовал против увеличения потребления как средства борьбы с застоем в торговле, если бы я думал, как вы, что мы сейчас страдаем от слишком больших сбережений; как я уже сказал, я не понимаю, как застой в торговле может возникнуть по такой причине.

Таким образом, мы, по-видимому, не *очень* сильно расходимся в наших общих принципах, но в большей степени в отношении их применения. Такое-то зло может существовать; но вопрос в том, существует ли оно сейчас? Я думаю, что нет; ни один из симптомов не указывает на то, что это так, и, по моему мнению, увеличение сбережений скорее облегчило бы, чем усугубило бы страдания, на которые нам в последнее время приходилось жаловаться. Стагнация - это расстройство системы, а не слишком большое общее производство, возникающее из-за слишком большого накопления капитала.

Мистер Тук был здесь с прошлой субботы. Завтра я еду с ним в Бромсберроу [241], откуда он отправится в Росс и вниз по реке Уай в Чепстоу. Мы много говорили на темы политической экономии и выяснили пункты, по которым между нами существуют частичные расхождения во мнениях. Он привез с собой две брошюры, в которых вы часто упоминаетесь так же, как и я; возможно, вы их видели: их названия представляют собой исследование принципов, отстаиваемых мистером Мальтусом относительно природы спроса и необходимости потребления [242], другие наблюдения над некоторыми словесными спорами в политической экономии [243]. Миссис Рикардо присоединяется ко мне с добрыми пожеланиями миссис Мальтус и вам. Мистер Тук также желает, чтобы его с добром помнили.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXVIII [244].

Гэткомб-парк, 18 сентября 1821 г..

Мой дорогой Мальтус,

Не возлагая на вас ни малейшей вины, я боюсь, что не совсем понимаю вашу "узловатую точку зрения". Мне кажется, вы сравниваете вещи, которые ни при каких предполагаемых обстоятельствах не могут быть предметом сравнения. Вы сравниваете товар, при производстве которого затраты труда остаются неизменными, в то время как прибыль на капитал уменьшается, с другим товаром, "получаемым данным количеством труда, данным количеством капитала и данной нормой прибыли". Разве это не предполагает две нормы прибыли одновременно? Возможно, это не подразумевалось, и ваш вопрос был задан исходя из предположения о том, что прибыль во всех сделках меняется одинаково. Если это так, то я без колебаний отвечу, что, если бы из-за увеличения количества труда на земле денежная цена хлеба, по-видимому, удвоилась, а не из-за какого-либо увеличения легкости производства денег, мы должны были бы сказать, как мы всегда говорим, что цена хлеба подорожала на сто процентов, а не на то, что стоимость денег упала на пятьдесят. Расходясь во мнениях по этому пункту, мы, в сущности, возвращаемся к нашему старому спору о том, должно ли количество труда в товаре быть регулятором его стоимости или же стоимость всех вещей при любых обстоятельствах должна оцениваться количеством зерна, на которое они могли бы быть обменены. Вы говорите: "Мы не можем с уверенностью предположить, что затраты на производство предметов первой необходимости для работника абсолютно низки, когда земля продуктивна, если то, что получается за счет небольшого количества затраченного труда, уравнивается очень высокой нормой прибыли". Я, конечно, должен был бы сказать, что стоимость этих предметов первой необходимости была низкой, если бы они производились с минимальными затратами труда, но не могли бы вы, которые принимают другую меру и *иногда* думают, что ценность следует оценивать по количеству вещей в целом, которым может обладать товар, не сказали бы вы, что стоимость этих предметов первой необходимости была небольшой по стоимости, соглашаясь, как и вы, с тем, что они не будут обладать изобилием других вещей? Я не знаю, что вы имеете в виду, говоря о низкой стоимости предметов первой необходимости, уравниваемой очень высокой нормой прибыли. Если разделить сто четвертей зерна между моими рабочими и мной, стоимость которых складывается из заработной платы и прибыли, его стоимость будет одинаковой, независимо от того, высока прибыль или мала, и это разделение ни в какой степени не повлияет на цену зерна; но, если в последующее время с тем же трудом и капиталом можно будет получить только восемьдесят четвертей и, следовательно, из восьмидесяти будет отдана рабочим большая доля, чем раньше отдавалась из ста, зерно абсолютно подорожает как по моим, так и по вашим меркам. Именно я готов взять какой-нибудь один или несколько внешних товаров [245], при производстве которых, в то время как прогресс в труде увеличивает денежную стоимость, прибыль на капитал уменьшается, в качестве постоянной меры, но которую вы так часто отвергаете и настаиваете на том, что, независимо от того, составляет ли продукт данного количества труда сто или восемьдесят четвертаков, в

любом случае, зерно оставалось постоянной мерой стоимости. В предполагаемом вами случае вы говорите, что товар, в котором были получены те же авансы за труд, в то время как прибыль уменьшилась, "не только снизился бы вдвое по сравнению с зерном, но, по-видимому, это произошло бы в пересчете на любой обычный внешний товар, который все это время производился тем же количеством труда, *и с той же нормой прибыли*". Я бы хотел, чтобы вы дали название этому товару. Во-первых, я отрицаю, что он производился бы с одинаковой нормой прибыли, поскольку в одной и той же стране не может быть двух норм прибыли одновременно, и, во-вторых, я утверждаю, что этот товар также упал бы вдвое по сравнению с хлебом и, следовательно, казался бы неизменным по сравнению с другими товарами.

Возможно, под внешним товаром вы подразумеваете иностранный товар, импортируемый из-за границы. Если это так, то почему этот товар не должен отличаться по отношению к кукурузе в той же степени, что и любой товар отечественного производства? Если бы бочка кларета стоила определенного количества ткани, шляп, скобяных изделий и т.д. и т.п., изменилась бы ее относительная стоимость по сравнению с этими вещами из-за того, что в Англии стало труднее выращивать кукурузу, а ее цена выросла из-за того, что мы отказались импортировать ее из других стран? Мне кажется совершенно очевидным, что кларет не будет отличаться по сравнению с теми продуктами, которые я перечислил ранее, и что он будет отличаться по сравнению с кукурузой. Прошу вас, подумайте об этом и скажите мне, не прав ли я. В постскриптуме к вашему письму вы спрашиваете: "В двух крайних случаях наибольшей прибыли и наименьшей прибыли на земле, не могут ли зерно и рабочая сила оставаться в той же стоимости, оцениваемой в каком-либо внешнем товаре, хотя в промежутке могли иметь место значительные колебания спроса и предложения?" Я отвечаю: нет, стоимость, оцененная в внутренних товарах, не могла бы оставаться прежней, и поскольку именно за счет этих внутренних товаров мы должны покупать внешние товары, я не вижу ни малейшей причины предполагать, что эти товары, обмениваемые таким образом, могли измениться в относительной стоимости. Надеюсь, я выразился правильно. Я рад, что вы немного разделяете мои взгляды, жаль, что вы не сказали мне, до какой степени. Торренс сказал мне, что он должен прислать мне свою книгу [246]; он этого не сделал, и я ее не видел.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXIX [247].

[28 сентября 1821 г.]

Мой дорогой Мальтус,

Дело, которое вы мне поручили, кажется мне невыполнимым. Как могут все страны производить свои товары с одинаковым количеством труда, все, кроме одной, производить свой хлеб также с одинаковым количеством труда, и все же все, не исключая одну, получать прибыль на капитал в одинаковой норме? Та страна, которая, как вы предполагаете, выращивает свой хлеб, затрачивая лишь половину количества труда, требуемого в других странах, по всей вероятности, получала бы свой труд по гораздо более низкой цене, и, следовательно, прибыль в этой стране была бы выше. Если бы действительно была установлена свободная торговля между всеми

этими странами, то их прибыли могли бы быть почти одинаковыми, потому что цена хлеба и предметов первой необходимости, выраженная в количестве рабочей силы, была бы почти одинаковой во всех. При рассмотрении этого предполагаемого случая мы должны быть проинформированы о том, может ли страна, в которой хлеб добывается сравнительно небольшими затратами труда, продолжать получать его на тех же условиях после того, как она будет вынуждена поставлять его на рынки других стран; если она сможет, то сравнительные цены на хлеб и товары изменятся во всех странах; в стране, производящей дешевый хлеб, количество денег будет несколько выше, чем раньше, и, следовательно, кукуруза будет несколько дороже; но товары в целом не будут иметь более высокой цены; — они действительно будут несколько дешевле, потому что они будут импортироваться из-за границы и из стран, где уровень цен на валюта будет несколько подешевела; и, следовательно, себестоимость товаров в этих странах будет ниже, и, следовательно, они могут быть проданы дешевле стране, их импортирующей. Громоздкие товары и цена рабочей силы будут повышены только в этой конкретной стране, потому что уровень валюты будет несколько повышен; рабочая сила в реальном измерении стоимости будет несколько понижена, то есть доля продукта, выплачиваемая рабочему, произведенного и необработанного продукта, вместе взятых, вероятно, будет несколько увеличена, но вследствие свободной торговли и лучшего распределения капитала доля всего продукта данного капитала, которую получит рабочий, будет уменьшена; его доля действительно будет получена меньшим трудом.

Выгода для других стран не подлежит сомнению; зерно и рабочая сила в этих странах очень сильно подешевеют, и, следовательно, прибыль возрастет, и, поскольку часть их экспорта в обмен на зерно должна в первую очередь состоять из денег, общий уровень валюты снизится, а сырьевые товары в целом подешевеют не потому, что их можно производить дешевле, а потому, что они измеряются более ценными деньгами. Это основано на предположении, что в исключенной стране можно продолжать производить кукурузу с минимальными затратами труда; но предположим, что возросший спрос на кукурузу вынудил бы эту страну обрабатывать более бедные земли, тогда цена на кукурузу выросла бы по другой причине, помимо более высокого уровня валюты; и, если бы это затруднение было почти таким же большим, как в других странах, кукуруза была бы почти такой же высокой; но, хотя она могла бы позволить себе на любых условиях экспортировать кукурузу в обмен на товары, импорту товаров предшествовал бы приток драгоценных металлов и более высокий уровень валюты. Без такого более высокого уровня валюты товары никогда не могли бы быть импортированы из стран, где они были раньше, по той же цене и где для их производства требовалось то же количество рабочей силы. Ваш случай невозможен, во-первых, потому, что вы предполагаете, что прибыль в двух странах одинакова, хотя затраты на производство предметов первой необходимости в одной из них составляют лишь половину от того, что в другой, во-вторых, вы предполагаете как само собой разумеющееся, что при свободной торговле цена на зерно в стране-экспортере выросла бы до цены на зерно в стране-импортере, тогда как в стране-импортере она упала бы до цены в стране-экспортере, если бы издержки производства в этой стране не увеличивались, а если бы она выросла, то выросла бы только пропорционально возросшим издержкам производства. Когда существует свободная торговля между странами, невозможно, чтобы прибыли могли сильно различаться, единственной причиной различий в таком случае будут различные способы жизни рабочих; в одной стране они могут довольствоваться картошкой и глинобитной лачугой; в другой им может потребоваться приличный дом и пшеничный хлеб. Вы говорите: "Исходя из этого, очевидно, что в течение ста лет (если бы предполагалось накопление) труд и

хлеб могли бы оставаться почти по той же цене, в то время как внутренние товары из-за падения прибыли до уровня других стран упали бы до половины своей цены, выраженной в деньгах торгового мира". Внутренние товары должны упасть, потому что прибыль падает. Если прибыль упадет, я не понимаю, почему должны упасть внутренние товары; но почему прибыль должна упасть, если хлеб и рабочая сила останутся почти на том же уровне? Я не знаю никакой причины падения прибылей, кроме падения [248] рабочей силы. Вы говорите: "Поразительное приближение к этому случаю на самом деле существует в Америке". "Единственная разница, - продолжаете вы, - заключается в том, что обстоятельства в Америке привели к росту рабочей силы"; но это единственная важная особенность в данном случае. Однако я твердо придерживаюсь мнения, что если бы в Америке уровень рабочей силы был очень низким, а прибыли, следовательно, были бы намного выше, чем они есть, то падение цен на внутренние товары Америки было бы очень незначительным.

Я действительно согласен с вами, что по мере развития земледелия в Америке ее хлеб должен дорожать по мере увеличения трудностей его производства; это обстоятельство должно иметь тенденцию уменьшать относительное количество или, скорее, понижать уровень американской валюты, что не замедлит при повышении стоимости денег снизить стоимость тех товаров в Америке, которые слишком громоздки для экспорта [249]. Сырьевые товары, которые Америка экспортирует, не пострадают подобным образом. Для меня нет ничего менее важного, чем падение и удорожание товаров в денежном выражении; важнейшие вопросы, на которых следует сосредоточить наше внимание, - это повышение или падение реальной стоимости хлеба, труда и товаров, то есть увеличение или уменьшение количества труда, необходимого для выращивания хлеба и производства товаров. Может быть любопытно исследовать влияние изменения реальной стоимости на денежную цену; но человечество действительно заинтересовано только в том, чтобы сделать труд производительным, в наслаждении изобилием и в правильном распределении продукта, получаемого капиталом и промышленностью. Я не могу отделаться от мысли, что в своих рассуждениях вы предполагаете, что они слишком тесно связаны с ценой денег.

Я прочитал очень хорошую критику Годвина в "Эдинбург Ревью" [250]; и я совершенно уверен, что знаю этого писателя. Это очень хорошо сделано и наиболее убедительно разоблачает невежество Годвина, а также его лицемерие.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

[Постскриптум.] Я не могу согласиться с вами в том, что по мере развития земледелия в Америке среднее соотношение между ее хлебом и рабочей силой останется почти на том же уровне, что и сейчас, выраженное в деньгах или в бочонках кларета; по моему мнению, оно возрастет. Позвольте мне высказать ваше собственное предположение. Страна производит свою кукурузу, затрачивая половину труда другой страны; следовательно, она использует только половину капитала для производства данного количества [251]. В этой стране кукуруза будет стоить лишь вдвое дешевле, чем в другой; 100 четвертаков будут продаваться за 200 фунтов стерлингов, в то время как в другой стране она продается за 400 фунтов стерлингов. Предположим, что прибыль в обеих странах равна 20 процентам; в одной из них капитал в 166 фунтов стерлингов будет затрачен на сбор 100 четвертей хлеба, в другой - на это будет затрачено 333 фунта стерлингов и

20 процентов. на каждую из этих заглавных букв придется по 33 фунта стерлингов, а на другую - 66 фунтов стерлингов. Чтобы получить 33 фунта стерлингов, у одного должно быть $16\frac{1}{2}$ четвертака на его долю из 100 четвертаков, у другого должно быть точно такое же количество, и, следовательно, в обоих случаях на заработную плату и другие сборы выплачивается $83\frac{1}{2}$ четвертака. Но фермер в плодородной стране использует только половину рабочей силы, которую использует другой, и, следовательно, при одинаковой денежной заработной плате каждый рабочий будет иметь в своем распоряжении вдвое большее количество зерна, он будет иметь то, что вы называете двойной реальной заработной платой.

Теперь предположим, что по мере развития плодородной страны она [достигнет], наконец, состояния, при котором необходимо [затратить] 333 фунта стерлингов вместо 166 фунтов стерлингов для выращивания 100 четвертей хлеба; действительно, при том экстравагантном предположении, с которого мы начали, труд мог бы продолжаться по той же денежной цене; но совершенно невозможно, чтобы денежная цена хлеба не удвоилась, поскольку для его производства потребовалось бы вдвое большее количество рабочих при этой одинаковой денежной заработной плате. Если хлеб удваивается в цене, а заработная плата остается неизменной, среднее значение между ними неизбежно должно возрасти, и, следовательно, среднее значение между ее хлебом и рабочей силой, выраженное в бордо или в деньгах, не может, как вы говорите, оставаться почти неизменным. Если бы (как я имел право предполагать) труд в такой стране стоил дешево, когда кукурузу можно было производить с такой легкостью, вывод о том, что кукуруза подорожает, был бы гораздо более в мою пользу.

Я не могу допустить, чтобы шляпы падали в прогрессивной стране из-за падения прибылей. Как можно утверждать, что затраты на производство шляп снижаются за счет падения прибыли, если падение прибыли должно сопровождаться повышением заработной платы? Покажите мне, что падение прибыли может иметь место без повышения заработной платы в каком-либо фиксированном измерении стоимости, и тогда я уступлю этому пункту. *Новы* не имеет права говорить о падении прибылей; ваш случай - это случай прогрессивной страны с низкими прибылями и огромными зарплатами. Если из каждых 100 четвертей кукурузы, где он может быть получен с меньшим трудом, восемьдесят три отдается работникам, а больше не дано в тех странах, где удвоить количество рабочих, занятых для производства 100 четвертей кукурузы, *вы* обязаны сказать, что заработная плата очень высокая. В моем измерении стоимости они не были бы чрезвычайно высоки, но товар, на который была бы израсходована заработная плата, был бы непомерно низок; во всяком случае, мы оба согласились бы, что прибыль при таком положении вещей была бы очень умеренной.

Вряд ли справедливо обременять вас таким длинным письмом, да еще и так скоро!

[LXXX \[252\]](#).

Гэткомб-парк, 11 октября 1821 г..

Мой дорогой Мальтус,

Вполне вероятно, что я виноват в непонимании предложения, которое вы мне представляете; и это может возникнуть, как вы говорите, из-за того, что я слишком склонен отстаивать свои собственные взгляды; но я не признаю себя виновным по обвинению в том, что не уделяю

должного внимания самим предложениям. Теперь вы спрашиваете: "Где я высказал предположение, которое вы мне приписываете? Конечно, не в моем последнем письме. Моим первым предположением было, что прибыль составит 100 процентов. в стране, где кукуруза была получена с удвоенными затратами, в то время она составляла 10 процентов. во всех остальных. "Если бы вы так поступили, то действительно меня справедливо обвинили бы в невнимательности; но это были ваши слова в письме, на которое я отвечал: "Я попробую проиллюстрировать. Предположим, что зерно, деньги и товары добывались в огромной массе наций, связанных друг с другом торговлей, по ставке 10%., но что в одной стране для производства зерна требовалось только вдвое меньшее количество труда, в то время как другие товары производились с таким же трудом, как и в остальном мире; "ни слова не сказано о том, что в этой стране уровень прибыли отличался; и, поскольку вы сказали, что в огромной массе наций прибыль составляла 10%., я пришел к выводу, что в этой стране также предполагалось, что прибыль должна была составлять 10%. В данном случае вы должны признать, что вина была ваша, а не моя. Впоследствии вы действительно предполагаете, что эта отдельная страна экспортирует свой хлеб и получает за него высокую цену других стран и таким образом увеличивает свою прибыль до 100%; но это, очевидно, будет зависеть от того, получит ли она цену других стран или внутренняя конкуренция снизит цену на хлеб в странах, в которые он экспортировался, до растущей цены страны-экспортера. Теперь я понимаю, что это ваш случай. Если бы страна, которая выращивала свою кукурузу с такими большими возможностями, была полностью изолирована от всех других стран, вы, вероятно, допустили бы, что кукуруза в этой стране была бы дешевой пропорционально возможностям ее производства. Вы бы допустили это также, если бы все другие страны были полны решимости защитить свое собственное сельское хозяйство и категорически отказались от импорта иностранной кукурузы. Но в случае свободной торговли, тогда вы думаете, что цена в стране-экспортере выросла бы до уровня цен в других странах, и, следовательно, прибыль была бы чрезвычайно высокой. Если бы я мог признать факт высокой цены, чего я не могу сделать, я бы согласился с вашим выводом. Я бы сказал, что общая прибыль была бы выше, чем до повышения цен на зерно. Арендная плата, несомненно, была бы выше, поскольку землевладелец получал бы по крайней мере ту же часть зерна, что и раньше, и эта часть значительно возросла бы в цене. Рабочая сила была бы дороже, потому что рабочий потребовал бы более высокой денежной заработной платы, когда кукуруза подорожала бы вдвое. И прибыль была бы выше, потому что у капиталиста было бы больше зерна, чем раньше, в то же время цена на него была бы выше. Все эти классы выиграли бы от высокой относительной стоимости зерна по отношению к промышленным товарам, а капиталист в особенности, потому что среди этих промышленных товаров можно найти некоторые предметы первой необходимости для рабочего, и, следовательно, при выплате меньшего количества зерна рабочему он по-прежнему имел бы в своем распоряжении увеличенное количество пищи и предметов первой необходимости для себя и своей семьи. Таким образом, между нами возникает вопрос: будет ли цена на кукурузу постоянно расти или нет в стране, которая по—прежнему обладала большими возможностями для ее производства?

Существует только один случай, в котором я считаю такой рост возможным, и это при предположении, что весь капитал страны был затрачен на производство хлеба и все же не мог производить его в достаточном количестве, чтобы удовлетворить спрос других стран. В этом случае кукуруза продавалась бы по монопольной цене, точно так же, как те редкие вина, которые могут производиться только в определенных районах, продаются по монопольной цене, потому что конкуренция не могла бы дать полного эффекта. В отношении зерна это было

бы ограничено нехваткой капитала, который давал производителям кукурузы большие прибыли, точно так же, как Ост-Индская компания или любая другая компания могла бы получать большие прибыли. Что касается вина, то цена была бы увеличена из-за нехватки земли, на которой выращивался виноград, и в основном поступала бы землевладельцу в виде арендной платы. Но, предположив отсутствие монополии, предположив, что капитал настолько велик, что можно было бы обеспечить весь требуемый объем зерна, тогда я считаю очевидным, что цена снизилась бы до растущей цены на него в стране-экспортере.

Однако есть еще один момент, по которому мы расходимся во мнениях; вы говорите, что поразительное приближение к этому фактически существует в случае Америки; единственная разница заключается в том, что спрос на рабочую силу обеспечил работника большим количеством зерна, результатом чего стало сохранение нормы прибыли сравнительно низкой. Но вы, конечно, не имеете в виду, что меновая стоимость товаров, экспортируемых Америкой, (*sic*) в наименьшей степени зависит от количества зерна, выдаваемого рабочему. Я не думаю, что ваши ожидания оправданы, что в результате накопления капитала в Америке какой-либо товар должен падать там до тех пор, пока он не перестанет обладать характером монополизированного товара. Кукуруза и крупногабаритные товары Америки (которые всегда регулируются ценой на кукурузу) не могли упасть до тех пор, пока кукуруза не продавалась по цене, зависящей от количества труда, фактически затраченного на ее производство, а не от спроса наших стран. Когда это время придет, он перестанет быть монополизированным товаром и упадет вместе с прибылью до уровня справедливой конкуренции. Я отрицаю, что Америка вообще подпадает под ваш предполагаемый случай; и доказательством является то, что, если бы вы изолировали Америку от всех других стран, вы бы не снизили ее норму прибыли иначе, как препятствуя ей получать рабочую силу из других стран; но сделайте то же самое со страной, обстоятельства которой таковы, как вы предположили, и прибыль немедленно упала бы со 100 до, возможно, 20 процентов. На самом деле ваш случай - это случай страны, обладающей определенным товаром, пользующимся очень широким спросом, и на который конкуренция действует наиболее слабо. Мы часто обсуждали этот своеобразный случай и всегда сходились во мнениях по нему. Однако, признаюсь, я удивлен, слыша, как вы говорите, что так обстоит дело с Америкой; вы могли бы с таким же основанием утверждать, что так же обстоит дело с Россией, Польшей, мысом Доброй Надежды, Ботани-Бей. Если бы Америка действительно могла отправлять свою продукцию из внутренних районов в Европу без затрат, и если бы порты всех стран были открыты свободно для приема зерна, которым Америка могла бы, при предполагаемых мною обстоятельствах, снабжать [их], тогда я бы сказал, что случаи были бы аналогичными; но, учитывая огромные расходы на отправку кукурузы из внутренних районов страны, Америка действительно может производить очень незначительные поставки в Европу при затратах, намного меньших, чем Европа может ее выращивать. Вы спрашиваете, что дает мне право предполагать, что кукуруза в Америке будет стоить вдвое дешевле, чем в других странах, а затем аргументируете это предположение, столь противоречащее факту. Я отвечаю, что я применил свой аргумент не к Америке, а к вашему случаю, в котором предполагалось, что страна производит кукурузу с затратой половины того труда, который требуется для ее производства в других странах. Если Америка может это сделать, то я применяю это к Америке. Вы жалуетесь, что я не рассуждаю с вами беспристрастно, что моя теория требует низкого уровня рабочей силы в Америке; но вы оспариваете мою теорию и ссылаетесь на реальное положение вещей в Америке, где уровень рабочей силы высок, и все же я утверждаю, что имею право предполагать низкий уровень рабочей силы. Я имел дело с вашим случаем, а не с

Америкой. Что касается Америки, то я не располагаю фактами ее дела, и я не могу признать, что моя теория требует низкой цены на рабочую силу в этой стране. Для этого требуется, чтобы рента была низкой, ибо без этого не может быть большого прибавочного продукта, который можно было бы разделить между двумя другими классами после удовлетворения требований землевладельца. Вы всегда будете заставлять меня говорить, что прибыль зависит от низкой цены на кукурузу. Я никогда этого не утверждаю; я утверждаю, что они зависят от заработной платы, и, хотя, по моему мнению, заработная плата будет в основном регулироваться возможностью получения предметов первой необходимости, она не полностью зависит от такой возможности. Вы хотите ограничить меня этой теорией, но я отвергаю ее; это не мое, и я часто говорил вам об этом. Я думаю, что *действительно* показываю, что ваш факт не опровергает мою теорию, которую, по вашим словам, я обязан опровергнуть, и я не предполагаю факта, отличного от того, на который вы ссылаетесь, чтобы опровергнуть вас. Конечно, справедливо будет сказать: "По таким-то и таким-то причинам ваш вывод неверен, но мои аргументы были бы еще более убедительными против вас, если бы, как я имею право предполагать, рабочая сила в такой-то стране была дешевой, потому что предметы первой необходимости рабочий там добывает с легкостью". В стране, расположенной так, как, по вашему мнению, находится Америка, я не вижу причин, которые могли бы заставить ее кукурузу дорожать; согласно вашим аргументам, она уже имеет монопольную цену и не может подняться выше этой цены, если только не будет большего спроса и более высокой цены в Европе, которая, как вы говорите, регулирует цены в Америке, или если Америка не станет настолько густонаселенной, что цена на ее кукурузу должна регулироваться расходами на ее выращивание, как в других странах, и эти расходы не превысят нынешних расходов в Европе. Если ваша теория верна, этого может и не произойти через 150 лет, несмотря на наибольшее накопление капитала; но разве рабочая сила не будет падать в течение всего этого времени? Если она упадет, то среднее соотношение между зерном и рабочей силой упадет. Но предположим другой случай. Предположим, что *себестоимость* хлеба в Америке должна подняться выше нынешней себестоимости в Европе; мыслимо ли, чтобы рабочая сила упала при таких обстоятельствах? Мне это кажется невозможным, если только мы не предположим, что стоимость денег изменяется. В этом случае также изменилось бы среднее значение между зерном и рабочей силой. Если бы шляпы производились при тех же условиях, что и деньги, они не упали бы в цене из-за падения прибыли. Если бы шляпы производились за счет использования капитала, а деньги производились, как вы предполагаете, без всякого капитала, то я допускаю это и сказал об этом в своей книге [253], шляпы упали бы в цене с падением прибыли. Но я повторяю, что деньгам придается слишком большое значение; простота производства - великий и интересный момент. Как это влияет на интересы человечества? Вы спрашиваете, что будет с деньгами, которые прежде производились в стране, которая должна выращивать свою собственную кукурузу с 10-процентной доходностью. Прибыль, если бы у нее была возможность производить зерно, удвоилась, и прибыль возросла бы до 100%; вы спрашиваете далее, не продолжала бы она производить деньги, а также другие товары, поскольку прибыль от их производства также составляла бы 100%. Если бы легкость производства хлеба удвоилась, большое количество труда было бы затрачено на другие вещи, и, следовательно, зерно и товары страны в целом имели бы такую же высокую денежную стоимость, как и прежде, и для их обращения требовалось бы такое же количество денег. Что касается производства большего количества денег, то это будет зависеть от спроса на них и цен на другие вещи. Я думаю, что производство денег продолжалось бы, как и прежде, но вполне возможно, что производство денег будет поощряться меньше, чем другие вещи, и,

следовательно, капитал может позволить себе 100%-ную прибыль. прибыль во всех сферах деятельности, кроме этой. Я удивляюсь, почему вы отказываетесь соглашаться с этим очевидным выводом. Вы говорите, что, по вашему мнению, если бы рабочая сила сократилась в результате улучшений в сельском хозяйстве до того, как произошло увеличение населения, это могло быть вызвано только избытком и отсутствием спроса. Согласуется ли это мнение с другим, которого, я думаю, вы придерживаетесь и с которым я согласен, а именно, что одним из регуляторов цены труда является цена предметов первой необходимости для рабочего?

Я поделился своими подозрениями относительно автора статьи о народонаселении в *"Эдинбург Ревью"* с несколькими лицами. С этого момента я не буду их произносить. Я ничего не слышу о Мюррее и Плейсе. Я надеюсь, что ваш визит в Холланд-Хаус был приятным. Миссис Рикардо присоединяется ко мне с наилучшими пожеланиями к миссис Мальтус; у нас у всех все хорошо, и мы ведем веселую жизнь: одну неделю в Worcester Music meeting и Broumesberrow, другую в Bath и т.д.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Фрэнсис Плейс, портной-радикал, хорошо известен каждому читателю книги профессора. "Жизнь милля" Бейна (см., например, стр. 77). Его книга о народонаселении, возможно, лучшая из длинной серии, последовавшей за "Эссе" Мальтуса, была опубликована издательством Longman в начале 1822 года. Он отличался от Мальтуса главным образом характером профилактических проверок. Коллекция макулатур, известная под его именем, в библиотеке Британского музея содержит следующее письмо с автографом Мальтуса (с которым он, по-видимому, впервые познакомился через Рикардо): "Мистер Мальтус посылает мистеру Плейсу, по просьбе мистера Рикардо, издание Эссе о народонаселении, которое было впервые опубликовано в ответ на рассуждения мистера Годвина и других авторов. Присланная копия - единственная, которая осталась у мистера Мальтуса. Поэтому он будет очень признателен мистеру Плейсу, который, как только покончит с этим, отправит его в дом мистера Рикардо на Аппер-Брук-стрит, чтобы тот хранил его до приезда мистера М. в город, что произойдет через две недели. Мистер Годвин в своей последней работе перешел к обсуждению принципов народонаселения со степенью незнания своего предмета, которая на самом деле совершенно непостижима". E. I. Coll. 19 февраля 1821 г.

LXXXI [254].

Гэткомб-парк, 27 ноября 1821 г..

Мой дорогой Мальтус,

Ваше оправдание за то, что вы не продолжаете начатую вами дискуссию, остроумно, и я должен быть удовлетворен им, поскольку оно сопровождается милым комплиментом в мой адрес — настолько милым, насколько это вообще возможно сделать человеку, который является вашим постоянным противником. Однако я согласен с вами; мы настолько хорошо знаем чувства друг друга, что вряд ли принесем друг другу много пользы, обсуждая их наедине. Если бы я умел

обращаться со своим пером так же хорошо, как вы со своим, я думаю, мы могли бы принести некоторую пользу обществу, проведя публичную дискуссию.

Мне жаль, что я буду вынужден пропустить два заседания по политической экономии [255], поскольку я не буду в Лондоне до конца января.

7 декабря я должен по приглашению отобедать с Хьюмом в Херефорде на публичном обеде, который будет дан в его честь с целью вручения ему серебряной кружки и бочки сидра в знак уважения и благодарности жителей Херефорда за его общественные заслуги. По этому случаю Хьюм приезжает из города, и его должны встретить в Россе в 11 часов утра и с подобающими почестями сопроводить в Херефорд. Я надеюсь, что все пройдет организованно и мирно. Я испытываю большое отвращение к скандалам.

Я еще не видел книгу Торренса [256]и, по всей вероятности, не увижу ее, пока не доберусь до Лондона. Торренса беспокоит публикация в the Champion, в которой есть еженедельная газета по политической экономии [257]. Я думаю, что эти эссе хорошо написаны, но вы, вероятно, не согласитесь со мной в этом мнении.

Всегда твой,
Д. Рикардо.

Примечание. Этот большой промежуток более чем в год между восемьдесят первым и восемьдесят вторым письмами этого сборника может быть заполнен письмом Сэю (Œuvres Diverses, стр. 423), датированным из Лондона 5 марта 1822 г. и являющимся несколько запоздалым ответом на письмо Сэя от июля 1821 г., процитированное выше, стр. 182. По сути, он говорит: "Мы пришли к более близкому согласию, чем я думал, и ваше различие между естественной и дорогостоящей полезностью, проиллюстрированное железом и золотом, вызывает возражения только с точки зрения выражения. Но отсюда следует, что товары имеют стоимость, равную количеству затраченного на них труда, и что, следовательно, если бы, например, фунт золота мог быть произведен с меньшими затратами труда, его стоимость упала бы. Следовательно, вы, со своей стороны, обязаны утверждать, что это было бы меньшей частью нашего [общественного] богатства. В то время как я, со своей стороны, оцениваю богатство не по стоимости, а по полезности, из какого бы источника оно ни было получено. Ваш "Катехизис" (2-е издание которого Фрэнсис Плейс только что передал мне) гласит, что богатство человека пропорционально стоимости, а не количеству вещей, которыми он владеет, но, поскольку вы добавляете, что та же самая ценность оценивается количеством других вещей, которые эти же самые вещи можно купить, богатство, в конце концов, оказывается пропорциональным количеству товаров. Если богатство - это ценность, то уменьшить все издержки, чтобы производить все вещи с меньшими затратами труда, означало бы не увеличивать богатство мира. После нескольких замечаний по поводу "двух хлебов" он заканчивает словами о том, что Клуб политической экономии сделал Сэя почетным членом. "Мы надеемся со временем подняться из Клуба до уровня Академии и стать образованным органом, численность которого постоянно растет".

Сэй отвечает (1 мая 1822 г.), что он с благодарностью принимает почетное членство. Что касается обсуждаемых вопросов, некоторые из их разногласий носят чисто словесный

характер. Его самое важное утверждение заключается в том, что в процессе производства мы обмениваем продуктивные услуги на продукты, и чем больше продуктов мы получаем за них, тем большую *ценность* они имеют и тем богаче мы становимся. "Более того, я не думаю, что мы должны стремиться давать абстрактные определения, особенно богатству, — определения, в которых мы должны абстрагироваться от владельца и вещи, которой обладаем. Таков был метод средневековых диспутантов, и именно по этой причине они никогда не могли прийти к взаимопониманию. Слишком общее определение, которое не учитывает ни одной особенности каждого отдельного объекта, ничему нас не учит".

В заключение своего письма он сетует на то, что его соотечественники уделяют так мало внимания экономическим вопросам. Добрая половина его аудитории в Консерватории искусств и искусств состояла из иностранцев — англичан, русских, поляков, немцев, испанцев, португальцев и греков. Наследный принц Дании брал у него частные уроки.

LXXXII.

Броумсберроу Плейс, Ледбери, 16 декабря 1822 г..

Мой дорогой Мальтус,

Прошло много времени с тех пор, как между нами была какая-либо связь, и я пользуюсь первой же возможностью после моего прибытия в Англию адресовать вам несколько строк, главным образом с целью получить какой-нибудь отчет о вас и вашей семье, написанный вашим собственным пером. С момента нашей последней встречи я активно работал, поскольку не только побродил по Швейцарии, но и побывал во Флоренции. По пути во Флоренцию я отклонился от прямого пути, чтобы увидеть Венецию, а на обратном пути сделал то же самое, чтобы посетить Геную. Наше путешествие было необычайно успешным, поскольку все мы наслаждались прекрасным здоровьем и практически не сталкивались с трудностями. Моим спутникам, как и мне, очень понравился этот тур. Когда я был в Женеве, я часто виделся с нашим другом Дюмоном, который сопровождал нас в Шамуни и вернулся вместе с нами в Женеву. На Соррет [258] Я познакомился с мсье СисомМонди. У него, герцога де Бройля, и у меня состоялся долгий разговор о разногласиях между нами: герцог принял мою сторону, но после долгой борьбы каждый из нас, я полагаю, остался при том же мнении, с которого мы начали дискуссию. Господин Сисмонди произвел на меня приятное впечатление. Мадам де Бройль обладала большим терпением. Я думаю, она очень приятная женщина. Я пробыл в Париже три недели незадолго до моего возвращения в Англию. Месье де Бройль и барон де Сталь прибыли туда после меня. Я имел удовольствие видеть их два или три раза. Я был очень доволен М. Галлуа [259], который познакомил меня с М. Дестаттом [де] Трейси [260], очень приятным пожилым джентльменом, работы которого я читал. читайте с удовольствием. Я не совсем согласен с ним в его политической экономии; он принадлежит к школе Сэя; тем не менее, между ними есть некоторые моменты расхождения. Я несколько раз встречался с Сэем, но наш разговор мало касался тем, связанных с политической экономией; он никогда не касался этих тем, и мне всегда казалось, что он не очень любит говорить на них. Его брат, Луи Сэй [261], опубликовал толстый том замечаний по поводу мнений Адама Смита, его брата, вашего и моего. Он не удовлетворен ни одним из нас. Его главная цель - показать, что богатство

заклучается в изобилии приятных товаров; он обвиняет нас всех в желании сохранить то, что мы называем ценными товарами, без какого-либо учета количества, о котором должен беспокоиться только политэкономист. Я не верю, что кто-либо из нас признает себя виновным по этому обвинению. Я чувствую себя полностью уверенным, что не заслуживаю того, чтобы это было выдвинуто против меня.

М. Гамье [262] мертв; но перед смертью он подготовил дополнительный том примечаний для нового издания своего перевода "Богатства народов", который [так в оригинале] недавно был опубликован. У меня была возможность просмотреть его, и я, естественно, обратился к тем местам, где он критикует меня. Он уделил много места своим замечаниям о моей работе, но они кажутся мне совершенно неуместными. Ни ему, ни М. Сэю (так) вообще не удалось понять, каковы мои взгляды. Ваше имя часто встречается в этом последнем томе. Я полагаю, что он тоже отличался от вас, но у меня не было времени прочитать всю его книгу.

Я надеюсь, что вы были очень трудолюбивы в мое отсутствие, и что мы скоро увидим новое издание вашей последней работы [263]. Мне не терпится узнать, как вы решаете сложный вопрос ценности. Я буду читать вас с большим интересом и вниманием.

Мне жаль, что сельскохозяйственный кризис продолжается. Я надеялся, что к этому времени он утихнет. Я полагаю, что мы много услышим по этому поводу на следующей сессии парламента, и что я буду знаменит для всех сельских джентльменов. Нет ни одного высказанного мной мнения по этому вопросу, которое я хотел бы напомнить. Я сожалею только о том, что мои оппоненты не отдают мне должное и вкладывают в мои уста чувства, которых я никогда не высказывал. Доктор Копплстоун в своей статье в Quarterly Review [264] обвиняет меня в поддержании абсурдной доктрины, согласно которой цена золотых слитков является надежным критерием ценности слитков и валюты. Некий мистер Пейджет направил (напечатанное) письмо [265] мне, в котором меня обвиняют в том, что я придерживаюсь того же мнения, и всем известно, как настойчиво Коббет [t] настаивает на том, что я всегда так делал. Я должен бороться за свое дело так хорошо, как могу; Я знаю, что оно честное (несмотря на [266] инсинуации), и, если оно также будет основано на правде и правильных взглядах, справедливость по отношению ко мне, наконец, восторжествует.

Я прибыл в Лондон в начале прошлой недели; я видел Тука несколько минут и был рад услышать от него, что он писал и почти готов к печати. Я очень высокого мнения о его суждениях и обоснованности его взглядов; я думаю, что он, исходя из своих практических знаний, прольет много света на вопрос о влиянии избыточного предложения или повышенного спроса при отсутствии соответствующего предложения на цену [267].

Сейчас я нахожусь в гостях у своего сына. 27-го я поеду на неделю в Гэткомб. С 3 по 17 января я буду с миссис Остин в Брэдли, Уоттонандерредж, и с 17 по 2 февраля у миссис Клаттербак, Уидкомб, Бат. Где вы проведете каникулы? Есть ли какая-нибудь вероятность, что я увижу вас в Бате? Я был бы рад встретиться с вами там.

Я с большой озабоченностью прочитал в газетах о возобновлении беспорядков среди молодых людей в колледже. Я знаю, как огорчает вас такое неподчинение, и очень сожалею, что вы снова подверглись ему. Я надеюсь, что порядок был быстро восстановлен.

Я видел мистера Уишоу в Лондоне в течение нескольких минут. Я не теряю надежды увидеть его у миссис Смит в Истон-Грей, где я собираюсь провести две ночи по пути в Брэдли....

Поверь мне,
Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXXIII.

Лондон, 29 апреля 1823 г..

Мой дорогой Мальтус,

После самого внимательного рассмотрения, которое я могу дать вашей книге [268], я не могу согласиться с вами в том, что вы рассматриваете труд в том смысле, в котором вы его используете, как хорошую меру ценности. Я также не могу точно установить, какую связь постоянный труд, необходимый для производства заработной платы и прибыли на товар, имеет с его стоимостью. Если это хорошая мера для одного товара, то она должна быть и для всех товаров; и, наряду с оценкой пшеницы по постоянному количеству труда, необходимому для производства определенного количества, отдаваемого рабочему, вместе с прибылью фермера от этого конкретного количества, я мог бы оценивать ткань или любую другую вещь по тому же правилу.

Я знаю, действительно, что я мог бы разобрать таблицу [269] точно такая, как у вас, в которой единственным изменением было бы слово "ткань" вместо слова "пшеница", и вы, вероятно, тогда спросили бы меня, не имеет ли ваш принцип универсального применения. Я должен был бы ответить, что в нем содержится то радикальное возражение, которое вы выдвигаете против предложенной вашими оппонентами меры. Вы можете, если вам угодно, произвольно избрать труд в качестве меры стоимости и объяснить им всю науку политической экономии точно так же, как любой другой человек мог бы избрать золото или любой другой товар; но вы можете связать это с принципом или показать его неизменность не больше, чем мог бы он. Позвольте мне предположить, что ткань не могла быть изготовлена менее чем за два года; первая строка моей таблицы должна быть изменена, и цифры будут располагаться в следующем порядке: —

150, 100, 25 процентов. $7\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, 10, 10, 15.

Они поступили бы так потому, что десять кусков ткани при накоплении прибыли за два года имели бы ту же стоимость, что и товар, в результате того же количества труда, которое могло бы быть произведено за два года. Я не знаю, как вы отнесетесь к этому возражению, но, по моему мнению, оно фатально для всей вашей теории.

У меня те же возражения против вашей меры, которые я всегда отстаивал; вы выбираете [270] переменную меру для неизменяемого стандарта. Кто может сказать, что эпидемия, которая унесет половину нашего населения, не изменит ценности труда? Мы могли бы, действительно, согласиться перенести изменение на товары и сказать, что они упали, а не что труд вырос, но я не вижу никакой пользы в этом изменении.

Мы могли бы снова открыть способы, с помощью которых предметы первой необходимости рабочего могли бы производиться с необычайной легкостью; и вследствие стимула, который

хорошее положение рабочих могло бы дать населению, вознаграждение за труд в предметах первой необходимости могло бы быть не выше, чем раньше; было бы ли правильным в этом случае, когда на самом деле ничего не изменилось, кроме предметов первой необходимости и труда, сказать, что их стоимость осталась неизменной, и, поскольку данное количество зерна или рабочей силы можно обменять только на (возможно) 3/4 прежнего количества холста, ткани или денег, объявить, что что это поднялись в цене лен, ткань или деньги, а не подешевели труд и хлеб?

Две страны одинаково искусны и трудолюбивы; но в одной народ живет на дешевом картофеле, в другой - на дорогом продукте - пшенице. Вы допускаете, что прибыль в одной стране будет выше, чем в другой. Вы допускаете также, что деньги могут иметь почти одинаковую стоимость в обеих странах, если мы выберем что-либо другое в качестве меры стоимости, кроме труда. Вы также согласитесь, что между такими странами может быть обширная торговля. Если бы человек прислал бутылку вина из страны, производящей картофель [271], которая стоила 100 фунтов стерлингов и которую можно было продать по 110 фунтов стерлингов в стране, производящей пшеницу, вы бы сказали, что вино имело более высокую стоимость в стране, из которой оно экспортировалось, просто потому, что в этой стране для его производства требовалось больше труда. Вы бы сказали это, хотя вино можно было бы обменять не только на большее количество денег, но и на большее количество любого другого товара в стране, производящей пшеницу. Я утверждаю, что это новшество, которое нельзя считать улучшением; оно смешало бы все наши привычные представления и натолкнуло бы нас на необходимость изучения нового языка. Все человечество сказала бы, что вино было дороже в стране пшеницы, чем в стране картофеля, и что труд в последней имел меньшую ценность. На странице 31 есть длинный отрывок о причине выбора труда в качестве стандарта, который меня не устраивает. Кусок ткани имеет длину 120 ярдов и должен быть разделен между *A* и *B*; очевидно, что пропорционально тому, сколько отдано *A*, меньше будет отдано *B* и наоборот. Это будет правдой, хотя стоимость всех 120 ярдов составит 100, 50 или 5 фунтов стерлингов. Не напрашивается ли тогда вопрос о том, чтобы принять постоянное значение, потому что величина постоянна и потому что она всегда должна быть разделена между двумя людьми?

Учитывая ваши предпосылки, я вижу очень мало примеров, в которых я могу не согласиться с вашими выводами. Я согласен со всем, что вы говорите об избытке товаров; дайте вам вашу меру, и в результате невозможно будет разойтись.

Надеюсь скоро увидеть вас. Я едва смог найти время написать это письмо, настолько я занят. Я работаю в комитете.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Таблица, упомянутая в этом письме, следующая:—

Таблица, иллюстрирующая неизменную ценность труда и его результатов.

	2	3	4	5	6	7	8	9
четверте й	Годовая заработ	Авансы в виде	Норма прибыли	Количест во труда,	Количес тво	Неизм енная	Стоимост ь 100	Стоимост ь

кукурузы , произведенных 10 мужчинами, или при различной плодородности почвы.	ная плата за зерно для каждого работника, определенная спросом и предложением.	заработной платы за зерно, или перемного продукта, требуемого труда 10 человек.	при вышеуказанных обстоятельствах.	необходимо для получения заработной платы 10 человек при вышеуказанных обстоятельствах.	прибыли от авансирования рабочей силы.	величина заработной платы данного числа людей .	квартиры зерна при предпологаемых изменяющихся обстоятельствах.	продукта труда 10 человек под предпологаемые обстоятельства.
150 ко.	12 ко.	120 ко.	25 р. гр.	8	2	10	8·33	12·5
150	13	130	15·38	8·66	1·34	10	7·7	11·53
150	10	100	50	6·6	3·4	10	10	15
140	12	120	16·66	8·6	1·4	10	7·14	11·6
140	11	110	27·2	7·85	2·15	10	9·09	12·7
130	12	120	8·3	9·23	0·77	10	8·33	10·8
130	10	100	30	7·7	2·3	10	10	13
120	11	110	9	9·17	0·83	10	9·09	10·9
120	10	100	20	8·33	1·67	10	10	12
110	10	100	10	9·09	·91	10	10	11
110	9	90	22·2	8·18	1·82	10	11·1	12·2
100	9	90	11·1	9	1	10	11·1	11·1
100	8	80	25	8	2	10	12·5	12·5
90	8	80	12·5	8·88	1·12	10	12·5	11·25

("Мера ценности", стр. 38.)

Столбцы 5-9 содержат спорный вопрос.

LXXXIV.

Лондон, 28 мая 1823 г..

Мой дорогой Мальтус,

Я, в меру своих сил, изложу свои возражения против ваших аргументов относительно меры ценности. Вы сами заявили, в качестве возражения против моей точки зрения по этому вопросу, что товар, произведенный объединенными трудом и капиталом, не может быть мерой стоимости для любых других товаров, кроме тех, которые производятся точно при тех же обстоятельствах, и в этом я согласился с тем, что вы по существу правы. Если бы все товары производились в один день и только трудом без участия капитала, они изменялись бы пропорционально увеличению или уменьшению количества труда, затраченного на их производство. Если бы на производство денег постоянно затрачивалось одно и то же количество труда, деньги были бы точной мерой абсолютной стоимости, и если бы креветки, орехи или любая другая вещь дорожали или падали в таких деньгах, это было бы только потому, что на их приобретение было затрачено больше или меньше труда. При таких обстоятельствах каждый товар, являющийся продуктом дневного труда, естественно, потребовал бы дневного труда, и, следовательно, стоимость товара была бы пропорциональна количеству труда, которого он потребовал бы. Но, хотя такие деньгиточно измеряли бы стоимость каждого товара, произведенного при совершенно аналогичных обстоятельствах, они не были бы точной мерой стоимости других товаров, произведенных с помощью большого количества капитала, применяемого в течение длительного времени. В только что предположенном случае количество креветок было бы такой же точной мерой стоимости, как количество денег, произведенных таким же количеством труда; но когда применяется капитал и сукно является продуктом труда и капитала, вы справедливо говорите, что сукно не является правильной мерой стоимости креветок и серебра, добытых одним трудом на морском берегу; и все же с поразительной непоследовательностью, как я не могу не думать, вы утверждаете, что креветки и серебро, добытые одним трудом на морском берегу, являются точной мерой стоимости сукна. Если вы правы, то ткань также должна быть точной мерой ценности, потому что измеряемая вещь должна быть такой же хорошей мерой, как и вещь, с помощью которой вы измеряете. Когда я говорю, что 4 фунта и четверть пшеницы имеют одинаковую стоимость, я могу измерить другие ценности как четвертью пшеницы, так и 4 фунтами стерлингов. Вы говорите: "Признано, что, когда в производстве товаров задействован только труд и вопрос времени не стоит, как абсолютная, так и меновая стоимость таких товаров может быть точно измерена количеством труда, затраченного на них". Ничто не может быть, я думаю, более правильным, и это полностью согласуется с тем, что я говорил. Ваша ошибка, как мне кажется, заключается в следующем: вы показываете нам, что при определенных условиях определенный товар был бы мерой абсолютной ценности, а затем применяете это к случаям, когда условия не соблюдаются, и предполагаете, что он также является мерой абсолютной ценности в этих случаях. Мне также кажется, что вы обманываете себя, когда думаете, что доказываете свое утверждение, потому что ваше доказательство сводится только к тому, что ваша мера является хорошей мерой меновой ценности, но не абсолютной. Вы говорите: "Если накопленный и непосредственный труд, затраченный на товар, имеет какую-либо предполагаемую стоимость, например, 100 фунтов стерлингов, а прибыль стоимостью 20 фунтов стерлингов, включая совокупную прибыль от труда, затраченного на материалы, в целом будет иметь стоимость 120 фунтов стерлингов. Из этой стоимости $\frac{1}{6}$ относится только к прибыли, остальное, или $\frac{5}{6}$, можно рассматривать как продукт чистого труда. "Это совершенно верно, оцениваем ли мы товар по количеству труда, фактически затраченному на него, по количеству, которым он будет обладать, когда будет доставлен на рынок, или по количеству денег или любого другого товара, на который он обменивается; $\frac{5}{6}$ во всех случаях будет принадлежать рабочим, а $\frac{1}{6}$ - хозяину. "Следовательно, стоимость $\frac{5}{6}$ продукта определяется количеством труда, затраченного в

целом; а стоимость всего продукта - количеством труда, затраченного на него, с добавлением $\frac{1}{6}$ этого количества". На самом деле это говорит не более чем о том, что, когда прибыль составляет одну шестую стоимости всего товара (в который не входит рента), остальные $\frac{5}{6}$ идут на вознаграждение рабочих, и что часть, идущая таким образом рабочим, сама может быть разделена на труд и прибыль в той же пропорции 5 и 1. Пять человек производят шесть кусков ткани, из которых 5 выплачиваются им, мужчинам; если прибыль упадет вдвое, люди получают $5\frac{1}{2}$ кусков, и тогда вы скажете, что ткань имеет меньшую стоимость; но каким образом? В родах, отвечаете вы. Мне кажется, вы выдвигаете предположение, что ткань имеет меньшую ценность, когда она обменивается на меньшее количество труда, и доказываете это, просто показывая тот факт, что она действительно обменивается на меньшее количество труда.

Вы говорите: "Но когда речь идет о труде, из того, что было признано, следует, что стоимость продукта определяется количеством затраченного на него труда". Под стоимостью здесь вы подразумеваете абсолютную стоимость; и затем вы немедленно применяете эту меру абсолютной стоимости, которая признается только в частном случае, к общему положению и говорите "следовательно"; следовательно, к чему? В этом конкретном случае; "следовательно, стоимость $\frac{5}{6}$ продукта определяется количеством труда, затраченного в целом", то есть "следовательно, количество труда, которого потребуют $\frac{5}{6}$ продукта, определяется количеством труда, затраченного в целом"; то же самое верно в том же смысле для $\frac{5}{6}$, $\frac{5}{7}$, $\frac{5}{8}$, $\frac{5}{9}$ или любых других пропорций, в которых целое может быть разделено. Моей единственной целью было показать, и, если я не ошибаюсь, мне удалось показать, что мера стоимости, которая может быть точной только в частном случае, когда не используется капитал, произвольно применяется вами к случаям, когда капитал и время обязательно входят в рассмотрение.

Боюсь, я был виновен во многих повторениях. Однако я не пожалею, если меня поймут.

[Не хватает последнего листа. Фрагмент на странице 105 не соответствует этому фрагменту.]

Примечание.—12 июня 1822 года в одной из самых важных речей Рикардо о возобновлении производства (впоследствии опубликованной в виде брошюры) он говорит о тех, кто предлагает сделать кукурузу в среднем за десять лет стандартом ценности вместо денег. Чтобы доказать, что золото более изменчиво, чем зерно, они и их авторитеты, Локк и Адам Смит, вынуждены (по его словам) начать с предположения, что золото неизменно. "Если нельзя утверждать, что среда, в которой оценивается цена зерна, неизменна в своей стоимости, то как можно сказать, что относительная стоимость зерна не менялась? Если они должны признать, что среда изменчива — а кто может это отрицать? — тогда что стало с аргументом?" Нет ничего труднее, чем установить различия в стоимости денег: "Чтобы сделать это с какой-либо точностью, мы должны были бы иметь неизменную меру стоимости; но такой меры у нас никогда не было и не может быть". (Ср. Pol. Экономика. и налоги. глава i. § 7, Сочинения, стр. 28.) Но мы можем говорить с точностью об обесценении; мы можем следить за тем, чтобы стандарт всегда оставался одним и тем же стандартом и чтобы наша валюта соответствовала ему, даже если сам стандарт может отличаться по стоимости. (См. Примечание к письму XXXI.)

LXXXV.

Лондон, 13 июля 1823 г..

Мой дорогой Мальтус,

М^кМы с Каллохом не обсудили вопрос о ценности перед расставанием — его слишком трудно решить в разговоре; я выслушал все, что он хотел сказать в пользу своей точки зрения, и пообещал во время отпуска уделить этому большое внимание. Он имеет в виду именно то, что вы говорите; он не утверждает, что товары обмениваются друг на друга в соответствии с количеством труда, фактически затраченного на них, но он считает товар общей мерой, с помощью которой он оценивает стоимость всех других товаров. В бутылку вина, выдержанную в течение трех лет, вложено труда не больше, чем в бутылку вина, выдержанную в течение дня, но он говорит, что добавочная стоимость с учетом времени должна быть оценена накоплениями, которые такое же количество капитала, активно применяемого для поддержания труда, произвело бы за то же время. Дуб, растущий в течение 200 лет, фактически потребляет очень мало труда, но его стоимость должна быть оценена накопленным капиталом, который первоначально вложенный труд дал бы за то же время. Он и вы на самом деле расходитесь в том, что касается вашей первоначальной меры. Я думаю, что он не смог бы привести никакой другой веской причины для выбора средства, требующего труда и капитала для его производства, а не средства, требующего только труда, за исключением того, что товары в целом требуют сочетания этих двух факторов и что мера, которая может претендовать на то, чтобы быть хотя бы приближенной к точной, сама по себе должна производиться при обстоятельствах, несколько сходных с товарами, которые она должна измерять. Если бы для производства всех вещей требовалось в точности одинаковое количество капитала и труда и в течение одинакового периода времени, любая из них была бы точной мерой остальных; но это не так; условия допускают бесконечное разнообразие, и поэтому, что бы мы ни выбрали, это может быть лишь приближением к истине, и мы обязаны привести веские причины предпочесть именно это.

Мне действительно не хватило бы откровенности, если бы я отказался признать, что моя денежная мера не будет измерять количество труда, затраченного на товары. Я признавал это снова и снова. Я также готов признать, что ваша денежная мера будет точно измерять количество труда и прибыли, из которых вместе состоят товары, но то же самое будет и моя денежная мера. Ни один из них не будет измерять количество труда, затраченного только на товары, но оба они будут измерять количество труда и прибыли, вместе взятых, из которых состоят товары. Предположим, что золото всегда требует одного и того же количества труда в течение одного года, прежде чем оно может быть доставлено на рынок, скажете ли вы, что все различия в заработной плате и прибыли не могут быть оценены в этой среде? Вы, конечно, сказали бы, что многие из этих изменений можно было бы приписать изменениям в стоимости носителя, а не какому-либо изменению в стоимости измеряемой вещи, потому что вы не думаете, что каким-либо доказательством неизменности товара является то, что для его производства требуется всегда одно и то же количество труда и одна и та же продолжительность времени. Если я признаю справедливость вашего возражения, я волен применить то же самое к вашему медиуму. Одно и то же количество труда, затраченного в течение дня, всегда будет производить одно и то же данное количество золота; следовательно, золото является неизменной мерой, говорите вы. Я нахожу, что это золото меняется по отношению к другому товару, для производства которого всегда требуется одинаковое количество труда и капитала; вы говорите, что никогда не меняется золото, но всегда меняется товар, и, когда вас спрашивают, почему, вы отвечаете, потому что труд никогда не меняется.

Удвойте количество труда в стране или уменьшите его наполовину, всегда оставляя фонды, предназначенные для его применения, точно в том же размере, и вы скажете нам, что, несмотря на то, что положение рабочего в одном случае очень бедственное, в другом - очень благополучное, стоимость его труда не изменилась. Я не могу согласиться с справедливостью этой формулировки. Вопрос в том, правы ли вы, а не в том, ошибаюсь ли я. Предположим, что человек в Индии мог бы собрать за день точно такое же количество золота, как в Англии, и что всякая торговля провизией между двумя странами была бы запрещена. Небольшое количество риса и одежды в Индии, необходимые для содержания рабочего, имели бы точно такую же ценность, как количество пшеницы и одежды, необходимые для рабочего в Англии. Но долго это продолжаться не могло. Все промышленные товары имели бы в Индии сравнительно высокую денежную стоимость, и, следовательно, мы должны были бы экспортировать промышленные товары и импортировать золото; вознаграждение рабочего в Англии составило бы гораздо большее количество золота, чем он мог бы фактически получить здесь. Тогда золото можно было бы получить в Англии только путем импорта. При этих обстоятельствах вы сказали бы, что деньги имели низкую стоимость в Англии, и вы были бы правы, если бы все люди согласились считать труд мерой стоимости; но в этом они не согласны, и, поскольку мы обнаружили бы, что в тот самый момент, когда золото было низким по отношению к труду в Англии, оно было высоким по отношению к промышленным товарам любого вида, за которые фактически золото покупалось бы в Индии, если бы мы взяли эти товары за меру, мы были бы вынуждены сказать, что золото было дешевым в Англии и дорогим в Индии. Вы должны помнить, что предметом спора является вопрос о том, является ли труд правильной мерой стоимости; в таком случае вы не должны принимать этот факт как должное, а затем предлагать его в качестве доказательства вашего правильного вывода.

Завтра рано утром мы уезжаем из Лондона в Гэткомб.... У нас освободится одна кровать, если вы и миссис Мальтус зайдете к нам. Мне жаль, что я не могу пригласить всех ваших гостей.

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

LXXXVI [272]

[Минчинхэмптон, 3 августа 1823 г..]

Мой дорогой Мальтус,

Стоимость почти всех товаров складывается из труда и прибыли, но при выборе меры стоимости нет необходимости, чтобы она обладала свойством определять, какая доля измеряемой стоимости товара относится к заработной плате, а какая - к прибыли. Вы ставите в упрек предложенную мной меру в том, что она этого не сделает, и предпочитаете вашу собственную, потому что она сделает. Теперь, поскольку я не считаю это качество существенным для измерения ценности, я не буду защищать свое отсутствие этого качества. Это соображение представляется мне совершенно чуждым обсуждаемому вопросу.

Я полагаю, мы согласны с тем, что ничто не может быть мерой ценности, если само по себе не обладает ценностью. Я полагаю, мы также согласны с тем, что мера ценности, чтобы быть хорошей, сама по себе должна быть неизменной, и, кроме того, выбирая одну вещь в качестве меры ценности, а не другую, мы обязаны показать какую-то вескую причину для такого выбора, поскольку, если веская причина не указана, выбор совершенно произволен. Теперь мера, предложенная вами, имеет ценность, и, следовательно, не подлежит возражению из-за какого-либо недостатка этого качества; но я не думаю, что она неизменна, и уступкой, которую вы делаете в своем последнем письме, вы, по-видимому, отказываетесь от своей меры, поскольку вы говорите, что "вы выражались без достаточной осторожности, когда намекали, что, если бы какое-либо количество рабочих было ввезено или вывезено, стоимость труда осталась бы прежней". Это действительно большая уступка, и я думаю, что она полностью подрывает вашу меру, потому что, если это верно в отношении рабочих, вывезенных или импортируемое, это должно быть справедливо и в отношении рабочих, родившихся или умирающих в стране. Если по законам о бедных будут поощряться неосмотрительные браки и население станет чрезмерным, эффект на стоимость труда будет точно таким же, как если бы рабочие были импортированы; и, если разразится эпидемия и многие рабочие умрут, это будет то же самое, как если бы они были экспортированы. Более того, если люди будут хорошо образованы и их научат осторожности и предусмотрительности в отношении увеличения своей численности, кто скажет, что влияние на стоимость труда не будет таким же, как от вывоза рабочих? Я думаю, вы поступили неосмотрительно, что сильно расходится с вашей обычной практикой, признав этот пункт, и вы позволяете нам войти в вашу крепость и установить все ваши пушки. Вы действительно добавляете: "Это будет справедливо только после того, как увеличение или уменьшение числа рабочих начнет влиять на предложение". Когда увеличение или уменьшение числа рабочих не повлияет на предложение? Дальнейшее вам не поможет, ибо вы говорите: "Если хлеб, добытый двадцатью работниками, разделить между десятью, то величина заработной платы десяти человек будет меньше количества труда, затраченного на его производство, с добавлением прибыли, и наоборот". Какая прибыль? Они могли составлять 50%, а в силу упомянутых обстоятельств могут быть сокращены до 5%. Вы говорите о прибыли в этом месте так, как если бы она была фиксированной суммой, и забываете, что она падает при повышении заработной платы. Кроме того, я не соглашусь с экстравагантным предположением, что зерно, полученное трудом двадцати человек, выдается в качестве заработной платы десяти людям; но я предположу, что зерна, полученного двадцатью людьми, было бы достаточно для использования труда тридцати человек, но что из-за уменьшения предложения рабочей силы это же количество зерна, полученное тем же числом людей, выдается в качестве заработной платы двадцати двум людям. В данном случае я спрашиваю вас, упала ли стоимость кукурузы в пропорции тридцать к двадцати двум? Если вы говорите "Да", то вы не допускаете, что труд может повыситься в стоимости вследствие вывоза рабочих; а если вы говорите "Нет", на этом ваша мера исчерпывается, потому что вы тогда признаете, что товары не изменяются в зависимости от количества труда, которого они могут потребовать. Я не понимаю, как вам выпутаться из этой дилеммы. Я не могу понять, какое отношение к этому вопросу может иметь стоимость драгоценных металлов в разных странах. Кусок ткани или муслина может потребовать большего труда в Индии, чем в Англии; в этом мы согласны, но мы не согласны в нашем объяснении этого факта. Вы говорите, что кусок ткани или муслина более ценится в Индии, чем в Англии, и ваше доказательство состоит в том, что в Индии на него может потребоваться больше труда. Вы бы так сказали, хотя и ткань, и муслин экспортировались из Индии в Англию, из страны, где они дороги, в страну, где они дешевы. Я, напротив, утверждаю, что не ткань и

муслин дороги в Индии и дешевы в Англии, а рабочая сила, которая дешева в Индии и дорога в Англии, и что ткань и муслин пришли бы в Англию из Индии, даже если бы на земле не было таких товаров, как золото и серебро. Я говорю далее, что вы вынуждены признать это в силу сделанной вами уступки, ибо вы должны признать, что труд мог бы стать дешевым в Англии так же эффективно, если бы убедил английских рабочих довольствоваться скромным вознаграждением в виде продовольствия, выплачиваемого в Индии, как и путем ввоза рабочих; и, если вы этого не признаете, я позволю себе спросить, почему вы отказываетесь это сделать. Я прошу вас указать на различие между поставкой рабочих из-за границы с последующим снижением вознаграждения в виде продуктов питания и поставкой рабочих из принципа народонаселения с последующим сокращением вознаграждения, выплачиваемого в виде продуктов питания. Можно ли сказать, что вы привели вескую причину для сделанного вами выбора меры ценности, когда она не выдерживает тщательного изучения? Вы неоднократно говорили, что товар, на который было затрачено определенное количество труда, всегда будет обменен на такое же количество вместе с дополнительным количеством, которое составит прибыль от авансов. Теперь это я считаю вашим главным утверждением, и от его истинности, согласно вашему собственному взгляду, должна зависеть правильность вашей оценки. Верно ли тогда, что каждый товар обменивается на два количества труда, одно из которых равно количеству, фактически переработанному в нем, другое равно количеству, которое принесет прибыль? Я говорю, что это не так. В этом году кукуруза дешева, и я должен отдать определенное ее количество, чтобы обеспечить труд десяти человек для производства товара, который я произвожу; но в следующем году, когда я вывезу свой товар на рынок, кукуруза будет дорогой, а заработная плата высокой, и поэтому, чтобы обеспечить определенное количество рабочей силы, я должен отдать больше своего готового товара, чем я отдал бы, если бы кукурузы было много [*sic*], а заработная плата низкой. Если бы кукуруза была дешевой, а заработная плата низкой, мои прибыли были бы высокими; а так они невелики. В этих двух случаях я хочу знать, действительно ли товар обменивается на два конкретных количества труда, упомянутых выше. Вы отвечаете на мой вопрос, говоря, что вы всегда делаете резерв первого количества, а все, что выше этого, вы называете прибылью. Но я утверждаю, что на товар был затрачен труд одной стоимости, а когда он поступает на рынок, его обменивают на труд другой стоимости, и это единственная причина, по которой остаток сверх затраченного на него труда невелик. Почему она невелика, как не потому, что ценность труда высока? Ничего подобного, скажете вы; рабочая сила никогда не меняется; и все же вы не можете не признать, что, если бы хлеба было в избытке и если бы заработная плата оставалась прежней, произведенный товар обменивался бы на гораздо большее количество труда. Вы скажете: "Как получается, что труд должен сохранять ту же ценность в процессе общественного прогресса, когда известно, что для его производства требуется больше труда?" Вы, должно быть, имеете в виду "производить вознаграждение, выплачиваемое за это"; и вы добавляете: "Ответ на этот вопрос заключается в том, что, поскольку прибыль зависит от доли всего продукта, который идет на оплату труда, неизбежно должно случиться так, что увеличение стоимости, вызванное дополнительным количеством труда, будет точно уравновешено уменьшением суммы прибыли, оставляя стоимость труда неизменной". Признаюсь, я не могу понять этого ответа. Мы спрашиваем о значении, которое следует вкладывать в слова "увеличение стоимости", "уменьшение стоимости". Вы говорите мне, что увеличение стоимости означает увеличение способности командовать трудом. Я отрицаю, что это определение правильное, потому что я отрицаю неизменность выбранной вами стандартной меры; и чтобы доказать ее неизменность, вы говорите о пропорции, в которой делится весь продукт, и о том, что если заработная плата

больше, то прибыль меньше; все это верно, но какую связь вы доказываете между этим положением и неизменностью вашей меры стоимости? В своем ответе вы используете слова "увеличение ценности"; это делается для того, чтобы объяснить значение слов, которые необходимо понимать с помощью самих слов. Вы ошибочно принимаете наше с Маккалохом возражение против вашей доктрины, если предполагаете, что оно основано на том, что одно и то же количество труда приобретает одну и ту же стоимость, в то время как условия труда сильно различаются; мы не возражаем против этого по этой причине, потому что, как вы справедливо заметили, наши собственные доктрины требуют того же признания; но мы возражаем против вашего утверждения, что, по какой бы причине ни ухудшалось состояние рабочего, он всегда получает ту же стоимость, что и заработная плата. Когда *наши* рабочие находятся в тяжелом положении, хотя (мы говорим), что заработная плата у них одинаковая, прибыль обязательно должна быть очень низкой; по вашим словам, заработная плата была бы одинаковой, независимо от того, составляла ли прибыль 2% или 50%.

Думаю, я показал вам, что ваше длинное письмо было приемлемым, выполнив то, что для меня действительно является трудной задачей, - написав более длинное письмо самому. Однако я всего лишь работаю по своему призванию и пытаюсь разобраться в самом трудном вопросе политической экономии. Все, что я до сих пор делал, - это все больше и больше убеждал себя в чрезвычайной трудности нахождения неоспоримой меры ценности. Насколько я еще был [в состоянии] поразмыслить над предложением Маккалоха и Милля, я им не удовлетворен. Они являются лучшей защитой моей меры [273], но на самом деле они не устраняют всех возражений. Однако я считаю, что, хотя и не без ошибок, это лучшее.

Мне жаль, что вы не смогли уделить несколько дней, чтобы погостить у нас; если вы приедете в Гэткомб до того, как мы отправимся в город, я буду очень рад вас видеть.

Я написал несколько страниц в поддержку моего проекта Национального банка [274], с целью доказать, что нация ничего не потеряет в прибыли от упразднения Банка Англии, и что единственным результатом изменения будет передача части прибыли банка в национальное казначейство

Всегда твой,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Аргументы, очень похожие на приведенные в этом письме, были использованы против Мальтуса Юлиусом Пирсторффом в его книге "Смерть в неведении" (Берлин, 1875), где взгляды Мальтуса и Рикардо сравниваются друг с другом. There is, however, shrewder criticism of Ricardo's whole doctrine in Böhm Bawerk's 'Geschichte und Kritik der Kapital-Zins-Theorien,' Innsbrück, 1884. Аккуратное доведение до абсурда точки зрения, которой более или менее явно придерживались Маккалох и другие, о том, что затрат достаточно для объяснения ценности, дано Бемом Баверком в его "Основных принципах теории виртшафтлихен Гютервертс" (Йена, 1886, стр. 72), в отрывке из которого делается такой вывод: "Объяснять ценность товара его стоимостью - значит объяснять его стоимостью средств его производства. Но какова их ценность для последних? Логически мы должны исходить из *их* стоимости, другими словами, из средств производства, находящихся на ступень дальше назад, и так далее в обратном

направлении. Теперь ясно, что если мы продолжим этот регресс, мы либо придем к товарам, которые сами по себе не "произведены", например, к земле и труду, и наше объяснение всякой ценности затратами нас не оправдало; или же мы объясняем даже их софистически как являющиеся в некотором смысле "продуктами" и объясняющие их ценность их затратами, например, труд как объясняющий свою ценность стоимостью средств к существованию рабочего, и в этом случае мы вынуждены идти дальше назад и объяснять ценность средств к существованию *их* стоимостью, т.е. трудом, который их произвел; и мы бесконечно рассуждаем в одном направлении. круг".

LXXXVII [275].

Гэткомб-парк, Минчинхэмптон,

15 августа 1823 г..

Мой дорогой Мальтус,

С вашей стороны было бы благоразумно отказаться от своей уступки, поскольку я уверен, что ваша теория этого не выдержит. Вы говорите, что придираетесь к моей мере стоимости, потому что она меняется в зависимости от меняющейся прибыли от других товаров. Я признаю, что это несовершенство, когда оно используется для измерения других товаров, в которые входит больше или меньше прибыли, чем входит в мою меру; но вы, по-видимому, не видите, что против вашей меры имеет силу то же возражение, поскольку ваша мера вообще не содержит прибыли и, следовательно, никогда не может быть точной мерой стоимости товаров, которые действительно содержат прибыль. Если бы у меня не было других аргументов против вашей меры, то то, о чем я собираюсь упомянуть, *когда буду обращаться к вам*, было бы фатальным для нее. Вы говорите, что моя мера не может измерять товары, произведенные одним трудом. Допустимо; но, если это правда, как ваша мера может измерять товары, произведенные вместе с трудом и прибылью? С таким же успехом вы могли бы сказать, что трижды два равно шести, а дважды три не шесть, или что мера в фут была хорошей мерой для ярда, но ярд не был хорошей мерой для фута. Если ваша мера позволит точно измерить мой товар, моя должна соответствовать вашей. Это идентичные предложения, и, признаюсь, я не вижу ответа, который можно было бы мне дать. На самом деле дело в том, что точной меры абсолютной ценности найти невозможно. Никто не сомневается в желательности его наличия; но все, на что мы можем когда-либо надеяться, - это получить единицу измерения, достаточно хорошо рассчитанную для измерения наибольшего количества товаров, и поэтому я без колебаний признал бы вашу меру наилучшей при любых обстоятельствах, если бы вы могли показать, что наибольшее количество товаров было произведено одним трудом без вмешательства капитала. С другой стороны, если большее количество товаров производится при обстоятельствах, которые, как я предполагаю, сопутствуют производству товара, который я выбираю в качестве моей меры, то моя мера была бы наилучшей. Вы поймете, что в любом случае я допускаю некоторую произвольность в выборе, и я только утверждаю, что это было бы лучше всего использовать при выборе моего.

Когда вы говорите, что моя большая ошибка заключается в рассмотрении товаров, состоящих только из труда, а не из труда и прибыли, я думаю, что ошибка ваша, а не моя, поскольку именно это вы и делаете; вы измеряете товары только трудом, в которых есть и труд, и прибыль. Вы, конечно, не скажете, что мои деньги, произведенные трудом и капиталом и которыми я

предлагаю измерять другие вещи, не учитывают прибыль. Ваша - да; какая прибыль от креветок или золота, добытого ежедневным трудом за счет работника на морском берегу? Насколько справедливее было бы тогда выдвинуть против вас это обвинение!

Вы возражаете мне, что я непоследователен, желая исключить рассмотрение ценности денег здесь и в Индии, когда говорю о ценности труда и товаров в этой стране и в Индии. Я, как вы говорите, не принимаю во внимание ценность драгоценных металлов, которые предложили измерять с их помощью! В этом нет ничего непоследовательного. Рассматривая ваше предложение, которое отвергает мою меру и принимает другую, я должен руководствоваться вашими доктринами, а не моими, которые вы отвергаете. Вывод, основанный на моих предпосылках, может быть справедливым, но, если вы оспорите мои предпосылки и замените их другими, вывод может уже не быть таким; и при изучении ваших доктрин я должен обращать внимание только на те выводы, к которым привели бы меня ваши предпосылки. Вы спрашиваете: "Вы действительно сказали бы, что сукно и муслин не были дорогими в Индии, где они стоили в четыре или пять раз больше труда, чем в Англии?" Вы знаете, что я бы этого не сделал, потому что я оцениваю стоимость количеством труда, затраченного на товар; но под затратами труда на сукно и муслин в Индии вы имеете в виду не количество труда, фактически затраченное на их производство, а количество, которое готовый товар может получить в обмен. Разница между нами заключается в следующем: вы говорите, что товар дорог, потому что он потребует большого количества труда, я говорю, что он дорог только тогда, когда на его производство было затрачено большое количество труда. В Индии товар может быть произведен двадцатидневным трудом и может потребовать тридцатидневного труда. В Англии он может быть произведен двадцатипятидневным трудом и потребовать только двадцати девяти дней. По вашим словам, этот товар дороже в Индии, по моим словам, он дороже в Англии.

Теперь вот мое возражение против вашей меры как общей меры стоимости, заключающееся в том, что, несмотря на то, что на товар может быть затрачено больше труда, его стоимость, оцененная по вашей мере, может упасть; он может быть обменян на меньшее количество труда. Это невозможно, когда вы законно применяете свою меру только к тем объектам, для измерения которых она рассчитана. Было бы возможно, например, приложить больше труда к производству креветок или собирать золотые крупинки на морском берегу и все же продавать эти товары с меньшими затратами труда, чем раньше? Конечно, нет; но было бы вполне возможно затратить больше труда на изготовление куска ткани и все же обменять ткань на меньшее количество труда, чем раньше. На мой взгляд, это еще один убедительный аргумент против целесообразности принятия вашей меры.

Я повторяю еще раз, что точно такая же торговля шла бы между Индией и Европой в том, что касается товаров, если бы в мире не существовало такой вещи, как деньги, сделанные из золота и серебра. Все товары в этом случае так же, как и сейчас, требовали бы в Индии гораздо большего количества труда, чем в Англии; и если бы мы захотели знать, насколько больше, любой из этих товаров, равно как и деньги, позволили бы нам установить это. То же самое, что делает деньги низкой стоимости в Англии, делает там многие другие товары низкой стоимости; и политэкономист, принимая во внимание низкую стоимость одних, в то же время учитывает низкую стоимость других. Я не возражаю против объяснения низкой стоимости золота в отдельных странах; но я говорю, что это несущественно для исследования общей меры стоимости, особенно если возражают против того, что оно само по себе образует какой-либо элемент в этой мере.

Предположим, что у фермера есть определенное количество скота и орудий труда и сто четвертей пшеницы, — что он расходует эту пшеницу на содержание определенного количества рабочей силы, и что в результате получается 110 четвертей пшеницы и увеличение также на одну десятую его скота и орудий труда; разве его прибыль не составила бы 10 процентов? какой может быть цена на рабочую силу в следующем году? Если бы 110 четвертей могли потребовать не больше труда, чем раньше могли потребовать 100 четвертей, он, по вашему мнению, не получил бы прибыли; и вы правы, если мы признаем, что ваша мера стоимости верна; он получил бы прибыль в натуральной форме, но не прибыль в стоимости. Если бы пшеница была мерой ценности, он получал бы прибыль в натуральной форме и такую же прибыль в стоимостной форме. Если бы деньги были правильным мерилom стоимости и он начал со 100 фунтов стерлингов, он получил бы 10 процентов. прибыль, если бы стоимость его продукции составляла 110 фунтов стерлингов. Все эти результаты оставляют вопрос о мере ценности нерешенным и не доказывают ничего, кроме удобства, по вашей оценке, принятия одного предпочтения другому. Рабочего, однако, который жил своим трудом, было бы трудно убедить в том, что его труд имел одинаковую ценность в два периода, в один из которых у него было изобилие пищи и одежды, а в другой он умирал с голоду от нужды. То, что он мог бы подумать, конечно, не повлияло бы на философию вопроса; но это было бы, по крайней мере, такой же веской причиной против предлагаемой вами меры, как и у фермера в пользу нее, когда он обнаружил, что у него нет прибыли, потому что он не лучше владеет трудом, хотя у него могло бы быть больше зерна или больше денег. Вы называете номинальным каждое увеличение стоимости, которое не является увеличением предлагаемой вами меры. Я не возражаю против того, чтобы вы поступили так; но те, кто не согласен с вами в уместности принятия этой меры, могут очень последовательно аргументировать, говоря, что они обладают большей ценностью, когда у них есть 110 фунтов стерлингов, чем когда у них было 100 фунтов стерлингов, хотя большая сумма, когда она реализуется, может не требовать такого большого труда, как меньшая сумма раньше, потому что они не только признают, но и утверждают, что стоимость труда может повышаться и понижаться, и, следовательно, в отношении труда он может быть беднее, хотя он обладает большей стоимостью.

Я уже говорил, что стоимость большинства товаров складывается из труда и прибыли. Если это так, вы заметите: "ясно как божий день, что переменная заработная плата, требующая одинакового количества труда, должна иметь одинаковую стоимость, *потому что* при ее производстве всегда будет затрачиваться одинаковое количество труда с добавлением прибыли от этого труда". Признаюсь, я не вижу связи этого вывода с предпосылками. Независимо от того, разделите ли вы товар на восемь, семь или шесть частей, он всегда будет разделен на две порции, переменные порции, но всегда на две. Если разделить на восемь частей, то порций может быть шесть и две, пять и три, четыре и четыреста, семь и одна. Если семь, то их может быть шесть и один, пять и два, четыре и три и так далее. Теперь это мое признание. Что мы хотим знать, так это каково количество этих подразделений или какова стоимость товара, будь то восемь, семь или шесть? И стал ли я немного ближе к этому знанию, признав, что какой бы ни была ценность, она будет разделена между двумя людьми? Все, что вы даете рабочему, состоит из труда и прибыли, и, следовательно, ценность труда постоянна! Это ваше предложение. Для меня оно требует полной ясности. Я нахожу, что в одно время я даю человеку десять бушелей пшеницы за то же количество его труда, за которое в другое время я даю ему восемь бушелей. Пшеница, по вашим словам, падает в пропорции десять к восьми. Я спрашиваю, почему? И ваш ответ таков: "поскольку положительная стоимость труда,

затраченного на заработную плату, увеличивается, положительная стоимость прибыли (другой составной части всей их стоимости) уменьшается точно в такой же степени". Теперь, относится ли эта положительная стоимость к тому же количеству пшеницы? Конечно, нет, но в двух разных количествах, в один момент до десяти бушелей, в другой - до восьми. Вы добавляете: "Если эти два положения [""] (а именно то, которое я только что упомянул, и неизменность труда как меры стоимости) "можно правильно рассматривать как не имеющие связи друг с другом, я, должно быть, совершенно запутался в этих предметах и едва ли могу надеяться показать связь чем-либо, что я могу сказать дальше ["]". Надеюсь, вы не заподозрите меня в том, что я закрываю глаза на свою убежденность; но, если это утверждение так предельно ясно, как оно представляется вам, я не могу объяснить отсутствие у меня сил понять его. Я все еще думаю, что неизменность ваших мерочевидна в *определении* с которым вы их излагаете, а не в *выводе*, к которому вы приходите с помощью каких-либо законных аргументов. Моя жалоба на вас заключается в том, что вы утверждаете, что дали нам точную меру ценности, и я возражаю против вашего утверждения, не в том, что я преуспел, а вы потерпели неудачу, но в том, что мы оба потерпели неудачу, что нет и не может быть точной меры ценности, и что [максимум, что] может сделать любой человек, это найти меру ценности, применимую во многих случаях и не очень сильно отклоняющуюся от точности во многих других. Это все, на что я претендовал или сейчас претендую; и, если бы вы не выдвигали более высоких требований, я был бы более скромным; но я не могу допустить, чтобы вы преуспели в достижении великой цели, к которой стремились. Отвечая вам, я действительно использую то оружие, с помощью которого, по вашим словам, вас можно победить и которое, я признаю, в равной степени применимо как к вашей, так и к моей мере, я имею в виду аргумент о несуществовании какой-либо меры абсолютной ценности. Такой вещи не существует; ваша мера, так же как и моя, будет измерять различия, возникающие в результате того, что для производства товаров требуется больше или меньше труда, но трудность заключается в соблюдении различных пропорций, которые относятся к труду и прибыли. Изменение этих пропорций изменяет относительную стоимость вещей в той степени, в какой в них вкладывается больше или меньше труда или прибыли; и для этих изменений никогда не существовало и, я думаю, никогда не будет какой-либо совершенной меры стоимости.

Я, не теряя времени, ответил на ваше письмо, поскольку только сейчас проникся этой темой и не могу придумать ничего лучшего, как изложить свои соображения на бумаге.

Всегда, мой дорогой Мальтус,
Искренне твой,
Дэвид Рикардо.

LXXXVIII [276].

Гэткомб-парк, 31 августа 1823 г..

Мой дорогой Мальтус,

Мне осталось сказать еще всего несколько слов на тему ценности, и я это сделал. Вы не можете воспользоваться аргументом, что ступня может измерять переменный рост человека, хотя переменный рост человека не может на самом деле измерять ступню, потому что вы согласились, что при определенных обстоятельствах рост человека не является переменным, и именно на эти обстоятельства я всегда ссылаюсь. Вы говорите о моей мере, и говорите искренне, что если бы все товары производились при тех же обстоятельствах времени и т.д., что и она сама, это была бы совершенная мера, и вы говорите далее, что сейчас это совершенная мера для всех товаров, произведенных при таких обстоятельствах. Таким образом, если при определенных обстоятельствах моя мера является совершенной, а ваша - всегда совершенной, то при таких обстоятельствах определенные товары должны различаться по этим двум показателям в одинаковой степени. Так ли это? Конечно, нет, тогда одна из мер должна быть несовершенной. Если они обе совершенны, то моя должна соответствовать вашей, а ваша - моей.

Нет ничего неуместного в вашем высказывании с Адамом Смитом [277], что "труд будет измерять не только ту часть полной стоимости товара, которая выражается в труде, но также и ту, которая выражается в прибыли", потому что это факт. Но разве это не верно также для любой переменной меры, которую вы могли бы зафиксировать? Разве это не верно для железа, меди, свинца, ткани, зерна и т.д. и т.п.? Вопрос касается неизменяемой меры стоимости, и ваше доказательство неизменности состоит в том, что она будет измерять прибыль так же, как и труд, что также будет делать любая переменная мера.

Я признал, что моя мера неточна, вы говорите, что я так и сделал; но не потому, что она не выполнит всего, что, как вы утверждаете, сделает ваша воля, а потому, что я не уверен в ее неизменности. На мои деньги креветки стоят 10 фунтов стерлингов; — предположим, для улучшения качества креветок необходимо сохранить их в течение года, когда прибыль составит 10%.; креветки по истечении этого срока будут стоять 11 фунтов стерлингов. Они приобрели стоимость в 1 фунт стерлингов. Теперь, в чем разница, оцениваете ли вы их в труде и говорите, что в первый период они стоят десяти дней труда, а затем одиннадцати, или говорите, что в первый период они стоят 10 фунтов стерлингов, а затем 11 фунтов стерлингов?

Я не уверен, что ваши формулировки точны, когда вы говорите, что "труд - это реальный аванс в натуральной форме, и прибыль может быть правильно оценена на основе аванса, каким бы он ни был". Капитал фермера состоит из необработанного продукта, и его реальный аванс в натуральной форме - это необработанный продукт. Его авансы, несомненно, стоят определенного количества труда и могут потребовать его, и его прибыль равна нулю, если только продукт, который он получает, не будет стоить больше, если он оценивает как авансы, так и прибыль в труде, но так же обстоит дело с любым другим товаром, в котором он может оценить свои авансы и прибыль. Означает ли это, является ли это трудом или какой-либо другой вещью, при условии, что нет оснований подозревать, что ее стоимость изменилась? Я знаю, что вы скажете, что при условии, что его продукт наверняка потребует определенного количества труда, он уверен в способности к воспроизводству, но это не так, если он оценивает что-либо другое, потому что эта вещь и труд могли претерпеть значительные относительные изменения. Но не может ли реальное изменение заключаться в стоимости труда, и, если он действует, исходя из предположения, что она останется на прежнем уровне, не может ли он прискорбно ошибиться и оказаться проигравшим, а не выигравшим? В ваших аргументах всегда предполагается, что труд имеет одинаковую ценность, и если бы мы согласились с вами в этом,

между нами не возникло бы никаких вопросов. Производитель, который единообразно не использовал никакой другой меры ценности, кроме той, которую вы рекомендуете, был бы так же неизбежно подвержен большим разочарованиям, как и сейчас, в вульгарной переменной среде, в которой он привык оценивать ценность.

И вот, мой дорогой Мальтус, я закончил. Как и другие спорщики, после долгих дискуссий каждый из нас остается при своем мнении. Эти дискуссии, однако, никогда не влияют на нашу дружбу; вы нравились бы мне не больше, чем если бы вы были согласны со мной во мнении.

Прошу вас, передайте от нас с миссис Рикардо наилучшие пожелания миссис Мальтус.

Искренне ваш,
Дэвид Рикардо.

Примечание.—Рикардо умер в Гэткомбе 11 сентября 1823 года от абсцесса в голове, который причинил большие страдания. Он был похоронен в склепе церкви в Хьюише, недалеко от Чиппенхэма, Уилтс; и его друг Джозеф Хьюм был среди скорбящих. Поскольку ему был всего пятьдесят один год, его смерть стала большим потрясением для его друзей и вызвала нечто вроде смятения среди его учеников. "Я никогда никого из своей семьи так сильно не любил. Наш обмен мнениями был настолько откровенным, а цель, к которой мы оба стремились, была настолько абсолютной правдой и ничем иным, что я не могу не думать, что рано или поздно мы должны были прийти к согласию". Так сказал Мальтус в присутствии Эмпсона [278].

Джеймс Милл [279], хотя и непривычный к тающему настроению, был переполнен горем и в письме Маккалоху от 19 сентября 1823 г. с большой нежностью пишет о заключительных сценах.

СНОСКИ:

[1] Ср. Письмо LXXX, стр. 200, ср. 236 и т.д.

[2] Смотрите некролог в Annual Register 1823, который, как представляется (при сравнении с Предисловием Маккалоха к работам Рикардо, стр. xxxii), был написан Джеймсом Миллем. См. также проф. "Жизнь Джеймса Милля" Бейна, стр. 210.

[3] Он оставил 700 000 фунтов стерлингов. Gent. Mag. 1823.

[4] Письмо Джорджу Роджерсу, 11 января 1832 г., из коллекции "Плейс", Британский музей.

[5] Нынешний редактор довольно подробно описывает политическую философию Мальтуса в книге III "Мальтус и его творчество".

[6] Свидетельство Броэма тем ценнее, что он ни в коем случае не является учеником или почитателем Рикардо как экономиста. "Государственные деятели времен Георга III", том ii. стр. 166 и далее. Другие авторитетные источники по этому вопросу см. в книге Жозефа Гарнье "Жизнь Рикардо" в "Диктанте л'Экона". Полит., и "Жизнь Джаса" Бейна. Мельница.

[7] См. примечание к письму XXI.

[8] 26 марта 1823 г.

[9] Речь от 18 марта 1823 года.

[10] 21 мая 1823 г. и т.д.

[11] 17 июня 1822г.

[12] 29 апреля, ср. 7 мая 1822 г.

[13] "Финансирование и налогообложение" Маккалоха, Предисловие к 1-му изд. (1845).

[14] Бентам, "Принципы морали и законодательства", I, IV.

[15] Труд Рикардо. стр. 554 (из "Наблюдений за парламентской реформой").

[16] Б. IV, гл. IX, середина, стр. 307. 1 (ред. Маккалоха).

[17], например, Хелдом, "Sociale Geschichte England", статья Рикардо, и Вестерном в Палате представителей от 11 июня 1823 г., более грубо Коббетом в отрывках, процитированных в Примечании к письму LXIX, и многими другими.

[18] 11 июня 1823 г., в ответе Вестерну.

[19] Например, Гренфеллу, 11 марта 1823г.

[20] 21 февраля 1823 г. и т.д.

[21] 30 мая 1823 года. Он добавляет толику критики: Коббет недооценил эффект машин, выбрасывающих людей с работы.

[22] Например, "Предприниматель капитала всегда будет стремиться к наибольшему преимуществу". Свидетельство перед Комитетом лордов по возобновлению, 1819, Вопрос. и ответ. 75.

[23] Буква LXXVI.

[24] Глава xxxi. о политике и налогах; глава добавлена в 3-е изд., 1821.

[25] Речь 9 мая 1822 г.

[26] Это было четко замечено (без помощи этих писем) автором статьи в гарвардском "Экономическом журнале", июль 1887г.

[27] Рикардо, Пол. Ес. и налог. Раздел I.

[28] Роберт Муше из Монетного двора. В том же 1810 году он опубликовал "Исследование влияния законопроекта о банковских ограничениях на национальную валюту и обменные курсы".

[29] Джон Уишоу из Линкольнс Инн, редактор "Жизни и путешествий" Мунго Парка (1815 и др.): см. Изд., февраль 1815; "Государственные деятели времен Георга III" Броэма, изд. 1855, i. 369.

[30] Ричард Шарп, прозванный "Разговорным шарпом", автор "Писем и эссе в прозе и стихах" (1834), член Комитета по ценным бумагам.

[31] Вероятно, Смитсон Теннант, химик.

[32] П. Э. Л. Дюмон из Женевы, друг Мирабо и Ромийи, наиболее известный как поклонник Бентама, чьи работы он издал на французском языке с любовью. См. Работы Бентама, изд. Боуринг, том х. стр. 184-5. Как и Уишоу, Шарп и Теннант, он был членом "Короля трэф". См. Следующее письмо.

[33] Смотрите примечание в конце этого письма.

[34] Та же фраза встречается в приложении к "Высокой цене слитков" (Труды Рикардо, стр. 297) и т.д.

[35] Мальтус рассматривал изменение валюты как в некоторых случаях следствие (а не причину) изменения в торговле. Смотрите ссылки под письмами VI, XII.

[36] Скреплена воском в одном углу.

[37] Вероятно, с 1793 по 1810 год. См. "Пол. Экономика" Мальтуса (1820), стр. 324 и др.

[38] Вероятно, "Богатство наций" (изд. Маккалоха, 1863) I. xi. 95. 1, где говорится, что драгоценные металлы особенно полезны в случае обходной торговли товарами потребления. Ср. Edinb. Rev. февраль 1811 г., стр. 362.

[39] "Курс обмена" Ветенхолла. См. Примечание к письму XI.

[40] Edinb. Ревью, февраль 1811 г. См. "Мальтус и его работы", стр. 285.

[41] Некоторая информация по этому вопросу была предоставлена мистером Томасом Хьюэном, торговцем из Вест-Индии, перед Комитетом по ценным бумагам и биржам (Доказательства, стр. 55-61).

[42] Франкирован Ричардом Шарпом.

[43] См. примечание к письму XII.

[44] Эти отрывки, вероятно, были первыми тремя или четырьмя главами третьей книги сэра Джаса. "Исследование принципов политической экономии" Стюарта (1-е изд. 1767 г.), особенно гл. iii, "Является ли потеря, которую курс обмена наносит торговле Великобритании с Францией, реальной или кажущейся?"

[45] "Приложение" Рикардо к четвертому изданию его трактата о "Высокой цене золотых слитков". В этом приложении воплощено большинство мнений, изложенных в этих ранних письмах. Смотрите его работы (изд. Маккалох), стр. 291. Ср. "Мальтус и его работы", стр. 287.

[46] "Именно личный интерес регулирует все спекуляции в торговле; и там, где это может быть ясно и удовлетворительно установлено, мы не должны знать, где остановиться, если примем какое-либо другое правило действия". Приложение к "Высокой цене слитков" (Сочинения, стр. 292).

[47] См. выше, стр. 15.

[48] Смотрите "Высокую цену золотых слитков", работы Рикардо (издание Маккалоха), стр. 264, 282.

[49] Фрагмент на стр. 105, возможно, следует привести здесь.

[50] Аарон А. Голдсמיד из Mocatta and Goldsmid, брокеров по продаже драгоценных металлов. Смотрите Отчет Комитета по слиткам, Показания свидетелей, стр. 1-18, 61. Он был племянником Абрахама и Бенджамина Голдсмидов, которые умерли от собственной руки в 1810 году.

[51] Ветенхолл получил информацию от Мокатты и Голдсмида. Смотрите Отчет о слитках, очевидно, стр. 2.

[52] Генри Торнтон, член парламента, член Комитета по ценным бумагам, автор книги "Исследование природы и последствий бумажного кредита Великобритании", 1802. Дж. С. Милль, Политическая экономия III. xi. § 4.

[53] Часть III. глава i. § 5: "О мнениях Комитета по ценным бумагам о явлениях обращения в 1809-1811 годах", стр. 100-110.

[54] Смотрите, в частности, Письма IV и VI.

[55] Тук, История. о ценах, стр. 359.

[56] Как было показано также в "Письмах о хлебных законах" Х. Б. Т. (Дж. Дикон Хьюм.) Лондон, 1834 год.

[57] Когда цена золота в Голландии превысит 10 пенсов премиум-класса, а монетный двор в Англии будет открыт для публики, серебро станет стандартом в Лондоне. Следовательно, его рыночные цены и цены на монетном дворе совпадут, и золото будет выше цены на монетном дворе. При цене ниже 10 пенсов серебро будет дороже монетного двора, а золото станет стандартом.

Когда цена золота в Голландии превышала премию в 9 п.у.е., английский фунт стерлингов оценивался бы в серебре, и, следовательно, обменный курс неизменно оставался бы 38,61 рубля; и 37,48 Banco, если бы agio был равен 3 п.у.е.

[58] Agio является переменной величиной, но в этой таблице для целей расчета предполагается, что она постоянна.

Масса выжимки = 3798 тройских зерен. Марка делится на 5120 онсенов^a, 200 онсенов^a чистого серебра в гульденах. Золото и серебро продаются marc в Голландии в идеальной чистоте^b.

Британский стандарт—золото 11 пробы, 1 сплав; серебро 11·2 пробы, 18 пробы. сплав.

^a Слово нечеткое.

^b Имеется в виду золотая марка. См. Отчет Адама Смита о банке Амстердама в "Богатстве наций", IV. iii. стр. 212 н. э. (изд. Маккалоха).

[59] Хороший комментарий к этим таблицам и ко всем этим ранним письмам в целом можно найти в Показаниях свидетелей, допрошенных Комиссией по ценным бумагам (1810).

[60] Его любимое загородное поместье в Глостершире.

[61] Это действительно произошло; и письмо перенаправлено сначала на "Эйлсбери", а затем на "Хейлсбери".

[62] Здесь и в других местах написано "расходы".

[63] Второй сын Рикардо. Старшим был Осман, третий Мортимер. У Рикардо было пять дочерей, три из которых были замужем, одна за мистером Клаттербаком, упомянутым позже в переписке. (См. Джентл. Маг. 1823, pt. ii, 376.)

[64] Объявлено еще в 1807 году в ответе Спенсу ("Коммерция защищена"). Дружба Рикардо с Джеймсом Миллем, по-видимому, началась примерно в 1811 году: "Оценивая его [Рикардо] ценность для дела человечества, которая большинству людей показалась бы простой расточительностью, я вспоминаю о дюжине лет самого восхитительного общения, в течение большей части которого у него едва ли были мысли или цели, касающиеся как общественных, так и его личных дел, в которых я не был его доверенным лицом и советчиком". Письмо Jas. Милл - Маккалоху, 19 сентября 1823 г. ("Жизнь Джаса" Бэйна. Милл, стр. 209).

[65] Томас Смит из Истон Грей. Его имя есть в списке подписчиков на "Отзыв Хона" за 1818 год.

[66] Мальтус имел привычку проводить Рождество с родственниками своей жены в церкви Святой Екатерины близ Бата, и именно во время одного из таких визитов он умер там в 1834 году. См. Мальтус и его работы, стр. 415.

[67] Здесь и в других местах пишется "благоприятствующий".

[68] Изд. 5-е (1789). В изд. Маккалоха (1863), стр. 336, 337. Смотрите цитату в конце письма.

[69] Смотрите примечание в конце этого письма.

[70] Милль поселился там вместе с Бентамом летом этого года (1814). Его биограф дает подробное описание дома (*Жизнь Джаса. Милл*, стр. 129 и далее). Он находится в долине Топора, в четырех милях от Чарда, на границе Девоншира и Сомерсета.

[71] Первые предложения этого письма процитированы Эмпсоном, Edinb. Ревью, январь 1837 г., стр. 498.

[72] Он писал трактат, озаглавленный "Основания для заключения о политике ограничения ввоза иностранной кукурузы", предназначенный в качестве приложения к "Замечаниям о хлебных законах". Однако это мог быть трактат о ренте, на который здесь ссылается Рикардо. См. Письмо XXIII.

[73] Здесь, как и везде, пишется "endeavor".

[74] "Исследование природы и динамики арендной платы и принципов, с помощью которых она регулируется". 1815.

[75] В оригинале сначала было написано "торговля", а затем вычеркнуто в пользу "акции".

[76] "Эссе о влиянии низкой цены на зерно на прибыль акций, показывающее нецелесообразность ограничений на импорт, с замечаниями о двух последних публикациях г-на Мальтуса", 1815. Работы Рикардо (Маккалох), стр. 367-390.

[77] Ср. "Природа и динамика арендной платы", стр. 30, примечание.

[78] "Аренда", стр. 21, 34. В последнем случае Мальтус говорит, что "это принесло бы только обычную прибыль от акций с небольшой рентой или вообще без нее". Ср. *ib.* стр. 36.

[79] "Основания для заключения". См. Примечание к Письму XXII, стр. 56.

[80] Вероятно, отрывок из книги II, глава v, цитируемый Рикардо в *Pol. Экономика.* глава ii (об аренде), стр. 39 футов (под ред. Маккалоха. собрание сочинений). В нем содержится физиократический парадокс, заключающийся в том, что на производстве природа ничего не делает, все делает человек; в сельском хозяйстве природа делает почти все, а человек очень мало.

[81] Мнение Рикардо, часто и решительно высказывавшееся впоследствии в Палате общин и наиболее полно изложенное на бумаге в его статье о падающем фонде, написанной для Энциклопедии. Британский закон заключался в том, что никакие гарантии не могли предотвратить присвоение Амортизационного фонда нуждающимся правительством, и поэтому с точки зрения общественных интересов это была просто ловушка и заблуждение.

[82] Ср. Политику Рикардо. Экономика., глава vi. 65 (ред. Маккалох).

[83] В своем "Письме Сэмюэлю Уайтбриду, эсквайру, члену парламента", являющемся продолжением "Соображений о защите брит. Сельское хозяйство, с замечаниями к публикациям члена Университетского колледжа, мистера Рикардо и мистера Торренса". Датировано 25 февраля 1815 года. Он обсуждает Уэста в длинной "Заметке", а двух других - в более длинном "Приложении". Рикардо (чей трактат "Влияние низкой цены на зерно на прибыль акций" он только что прочитал), по его словам, "мало что знает на практике", но выдвигает "прописные истины, смешанные с причудами, облаченные в технический жаргон политической экономии". Торренсу не так-то легко отделаться.

[84] Новый закон о кукурузе, запрещающий импорт, когда внутренняя цена на пшеницу должна быть ниже 80s. за четверть.

[85] Возможно, Уильям Филлипс, Ф.Р.С., F.G.S., квакер и выдающийся минералог и геолог, член Геологического общества. Родился в 1773 году, умер в 1828. Рикардо в молодости сам посвятил себя геологическим исследованиям.

[86] Часть этого письма (с 5-го по 8-е предложения) цитируется Эмпсоном, *Edinb. Ревью*, январь 1837 г., стр. 499.

[87] "Очерк внешней торговли зерном", 1815, часть II, глава ii: "Подлежит ли общий принцип "свободной торговли" ограничениям в случае страны, облагаемой более высокими налогами, чем другие растущие страны?" (На что Торренс отвечает: Нет), глава iii. Должны ли быть ограничения в тех случаях, когда в результате продолжающейся защиты был создан искусственный диапазон цен? (На что он отвечает: Нет, но повторное введение свободной торговли должно быть постепенным.) Вероятно, именно по таким вопросам, как десятина и

налогообложение, он больше всего отличался от Рикардо. В целом, Торренс жестко поддерживает Адама Смита в отличие от его преемников, особенно Мальтуса. См. Примечание к письму XXIX.

[88] Мальтус не осуществил своего намерения. Хотя в его более поздних книгах время от времени встречаются ссылки на "Производство богатства" Торренса, кажется, что в этом "Эссе" нет ничего лучше ответа на критику.

[89] Здесь, как и везде, по старинке пишется "расходы".

[90] Вероятно, одна из двух, которые он опубликовал о валюте в 1812 и 1813 годах соответственно.

[91] МИСС безнадежно порвана.

[92] В письмах Рикардо, адресованных Сэю, это имя фигурирует как Басви. Даже в четком почерке Рикардо Басеви и Басви было бы едва различимо.

[93] Вероятно, утверждение, приведенное в начале следующего письма.

[94] Это действительно происходит в случаях, отмеченных мистером Кэри в "Социальных науках", I. iv (1858), где исторические обстоятельства заставили начинать возделывание с безразличных, а не плодородных почв.

[95] Потому что оставшиеся шесть купили бы то же, что восемь купили раньше.

[96] Наполеон высадился близ Фрежюса 26 февраля 1815 года.

[97] Или, скорее, в Приложении к ней, стр. 292 (ред. Маккалоха).

[98] Смотрите Примечание в конце этого письма.

[99] Рикардо был одним из первых членов Геологического общества. См. изд. Маккалоха. его работы, стр. xvii.

[100] Блейк, вероятно Уильям Блейк, автор "Наблюдений над принципами, регулирующими обменный курс, и над нынешним обесценившимся состоянием валюты", 1810.

[101] Вероятно, Г. Б. Гриноу, Ф.Р.С., F.S.L. и президент Геологического общества, который писал о геологии в 1819 году.

[102] Они были иностранными только в том смысле, что были изделиями, произведенными не только в этой стране, но и импортированными из-за рубежа, например, мылом (под высокими пошлинами) из Франции, Италии и Испании.

[103] Вероятно, Уильям Смит, профессор современной истории в Кембридже, друг Макинтоша и Хорнера.

[104] Доктор Александр Кромби, школьный учитель, теолог и экономист, опубликовал в 1813 году в "Памфлетисте", том х, "Письмо Давиду Рикардо, содержащее анализ его брошюры об обесценивании банкнот". Примерно через год после даты этого письма он написал "Письма о сельскохозяйственных интересах". Когда Торренс черпал вдохновение не у Адама Смита, он, по-

видимому, черпал его у доктора Кромби, к которому питал глубокое уважение. См. Эссе Торренса о деньгах и бумажной валюте, 1812 год, и Эссе о внешней торговле зерном (предисловие), 1815 год.

[105] Безнадежно порвана печать.

[106] Вероятно, у них состоялся частный разговор на эту тему. 28 июня Уайтбрид выступил с пространной речью в Палате представителей по этому поводу.

[107] В 1815 году был заключен заем в размере 36 000 000 долларов. См. "Историю и принципы банковского дела" Гилбарта (2-е изд., 1835), стр. 54.

[108] Паско Гренфелл, член Комитета по ценным бумагам, решительный сторонник Уилберфорса в вопросе Эмансипации. Его предложения в парламенте по вопросу о Банке Англии приведены в приложении к книге Рикардо "Экономичная и надежная валюта" (Wks. стр. 451), брошюре, которая, по признанию автора (стр. 395), многим обязана ему.

[109] Ср. Политику Рикардо. Экономика. и налоги. глава vi, Прибыль.

[110] Вероятно, "Обращение к нации об относительной важности сельского хозяйства и мануфактур с замечаниями по доктринам мистера Мальтуса", 1815.

[111] Высокие цены на кукурузу в 1815 году.

[112] Пишется как "Othaeite".

[113] Вероятно, Генри Уорбертон, упомянутый, например, в Личной жизни Гео. Гроте, стр. 75. В письме Джозефа Хьюма Фрэнсису Плейсу от 19 октября 1839 г. (в "Плейс Коллекшн") он упоминает мистера Уорбертона как друга Плейса, которым слишком сильно пренебрегали находящиеся у власти виги.

[114] В "Календаре фермера" Артура Янга, 1815, стр. 501, 10 фунтов стерлингов считаются средним капиталом, необходимым для обеспечения фермы в 1814 году, а 15 фунтов считаются высокими.

[115] Вероятно, "Предложения по созданию экономичной и безопасной валюты с наблюдениями за прибылью Банка Англии в отношении общественности и владельцев банковских акций". См. Работы (ред. Маккалоха), стр. 391 кв. Одно "предложение" заключалось в том, что Банк должен быть обязан поставлять нечekanенные слитки по цене Монетного двора (вместо чеканных денег) в обмен на свои банкноты.

[116] Предположительно первая брошюра Рикардо 1810 года. Ср. Сочинения (ред. Маккалоха), стр. xxiii.

[117] Они составили 27 300 000 ('Есop. и раздел Валюта", Wks., стр. 450, но ср. стр. 413).

[118] Вероятно, 'Экономика. и безопасная валюта". См. Примечание к письму XLII.

[119] См. Мальтус и его работы, стр. 422.

[120] "Дополнения к 4-му и предыдущим изданиям эссе о принципе народонаселения", опубликованные в июне 1817 года, как в отдельном виде, так и в составе 5-го издания Эссе.

[121] В справочнике почтового отделения Лондона того времени указан полный городской адрес Рикардо: Трогмортон-стрит, Шортерс-Корт, 4.

[122] Совет был принят.

[123] Которая дала ему первый стимул к изучению экономики, когда он прочитал ее в Бате в 1799 году. Смотрите изд. Маккалоха. из Wks., стр. xvii, xviii.

[124] См. Примечание в конце этого письма.

[125] "Экономичная и безопасная валюта". См. Примечание к предыдущему письму.

[126] Ср. "Экономика. и безопасная валюта", Wks., стр. 433, 434.

[127] Письмо графу Ливерпульскому по сельскому хозяйству, 1816.

[128] Издание перепечатано в Wks., ред. Маккалох, стр. 391 след.

[129] Вопрос заключался в том, должен ли подоходный налог, являющийся военным налогом, прекратиться с началом войны. Министерство было вынуждено уступить.

[130] Отсутствует. Босанке, который написал Отчет о слитках, но Джейкоб Босанке, директор Ост-Индской компании.

[131] Письмо лорду Гренвиллу, вызванное его замечаниями об Э. Образование государственных служащих Индийской компании, 1813 год.

[132] См. Мальтус и его работы, стр. 424.

[133] Уважаемый. У. Ф. Эльфинстоун, директор Ост-Индской компании.

[134] Пишется без заглавной, поскольку этими буквами обычно обозначаются дни недели.

[135] Судя по нижеследующему описанию, это, должно быть, последний раздел ("Мнения мистера Мальтуса о ренте") в "Политической экономии и налогообложении", 1817.

[136] Из букв LII, LIII ясно, что принтеру пришлось ждать всю MS намного дольше, чем предполагалось вначале.

[137] Это предложение цитируется Эмпсоном Эдином. Ревью, январь 1837 г., стр. 498.

[138] Эссе о населении.

[139] Часть этого предложения процитирована Эмпсоном в Edin. Ревью, январь 1837 г., стр. 498.

[140] См. Мальтус, Пол. Экономика. (1820), стр. 241: "Реальная заработная плата за труд состоит из его стоимости, выраженной в предметах первой необходимости, удобствах и роскоши жизни". 2-е изд. (1836) добавляет: "которые денежная заработная плата рабочего позволяет ему приобрести" (стр. 217). В "Определениях" (1827) он говорит "повелевать" вместо "покупать" (стр. 239).

[141] "Заявления, касающиеся Ост-Индского колледжа" и др., 1817г.

[142] Смотрите длинный и интересный отчет Специального комитета Палаты общин по законам о бедных. Ann. Reg. 1817, Chron. стр. 263-302. Ср. Ann. Reg. 1816, Chron. стр. 151 и 345.

[143] "Заявления, касающиеся Ост-Индского колледжа", 1817 год.

[144] Аренда, стр. 8. Второй факт заключается в том, что предметы первой необходимости создают собственный спрос, приводя к увеличению численности населения.

[145] Стр. 40.

[146] Там же, стр. 15.

[147] Более подробные комментарии к этому письму приведены в последней главе книги Рикардо "Политика. Экономика. и налоги": "Мнения мистера Мальтуса о ренте" (1-е изд., 1817), McS. изд., стр. 243 след.

[148] "Дополнения к четвертому и предыдущим изданиям Эссе о принципе народонаселения" и др., 1817.

[149] Должна быть стр. 17.

[150] Стр. 21.

[151] 10 488 000 - это цифра, приведенная Мальтусом, л. с. 18.

[152] Должно быть стр. 21. У Рикардо, возможно, было доказательство перед ним.

[153] Чарльз Грант, член парламента, позже лорд Гленелг. Он был директором в предыдущем году (1816).

[154] Уважаемый. Дуглас Дж. У. Киннэйрд.

[155] Pol. Экономика. и налоги. глава xxxii.

[156] Одним из которых, вероятно, был Джеймс Милл. См. "Автобиографию Джона С. Милля", стр. 27.

[157] "Беседы о политической экономии" (аноним. 1816), в которых собеседниками являются "миссис Б." и "Кэролайн".

[158] В оригинале, "дополнение".

[159] О внешней торговле кукурузой.

[160] Джозеф Хьюм, член парламента от Мелкомб-Реджиса, а позже от Монтроуза. Он много знал об Индии и в то время (тщетно) пытался получить место в Совете директоров.

[161] Т.е. заметка, которая теперь отображается как Ric. Wks., стр. 253, ("После показа этого отрывка мистеру Мальтусу в то время, когда эти документы направлялись в печать" и т. Д.). В этом примечании Мальтуса заставляют сказать, что он дважды по ошибке употребил слова "реальная цена" в смысле Рикардо, "издержки производства", вместо его собственного "покупательная способность других товаров".

[162] Профессор индуистской литературы и истории Азии в колледже Хейлибери.

[163] Профессор математики.

[164] М. де Фолиньи, согласно Е. Регистрация в Индии на этот год (1817).

[165] Probably the 'Petit Volume contenant quelques aperçus des Hommes et de la Société.' See Œuvres Diverses, pp. 661 seq.

[166] Смотрите отрывки, цитируемые Мальтусом, Пол. Экономика. (1820), стр. 382 и далее. Ср. "Дополнения" к Эссе, стр. 243, 235.

[167] Вероятно, доктор У. Х. Волластон или Вуластон, Ф.Р.С., химик.

[168] Стр. 81 следующего издания сочинений Маккалоха.

[169] "Британская Индия".

[170] Врач, который вместе с доктором Марсе лечил сэра Сэма. Ромилли за день до его смерти (ноябрь 1818 г.).

[171] Дом лорда Лансдауна в Уилтшире.

[172] Эссе о поп-музыке., 4-е изд. См. выше, стр. 128.

[173] Посмотреть следующую страницу.

[174] Королева София отправилась туда с принцессой Елизаветой в конце ноября. (Апп. Регистр, 1817, Хроника, стр. 123.)

[175] Вероятно, "Политическая экономия", 1820.

[176] Дж. Р. Маккалох, по всей вероятности.

[177] "Британская Индия".

[178] Оценка Милла, однако, редко принималась более поздними авторитетными источниками.

[179] Написано по недосмотру 1817 года. Почтовый штампель и все внутренние документы показывают, что это, должно быть, 1818 год.

[180] Возможно, менее известен своими многочисленными трудами и речами о валюте, чем его Письмом к арендаторам весной 1811 года, в котором он призывал их выплачивать арендную плату золотом или банкнотами в такой сумме, которая покрыла бы обесценение с даты их аренды. Текст письма приведен Коббетом, Бумага против золота, письмо XXV.

[181] "Политическая экономия и налогообложение".

[182] Макинтош приступил к своим обязанностям профессора права там в 1818 году.

[183] 1818. См. Ann. Register, 1818, Хроника, стр. 207.

[184] Британская Индия, издание 1818 года.

[185] Он был распущен 10 июня.

[186] Законопроект о продлении ограничений еще на год был принят Палатой общин и должен был быть внесен лордом Ливерпулем 26 мая 1818 года. Лорд Гренвилл очень долго выступал против него.

[187] "План парламентской реформы в форме катехизиса с обоснованиями для каждой статьи. Со вступлением, показывающим необходимость радикальных и неадекватность умеренных реформ" (1817).

[188] Краткий обзор его ментальной истории дан в замечательном письме Шарпу, написанном из Бомбея 9 декабря 1804 года. Уже тогда он пережил свою реакцию против идей Французской революции. См. Life, том i. 128-136.

[189] Внук.

[190] Зять Рикардо. См. Выше, стр. 41. Рикардо в конечном итоге баллотировался от Портарлингтона в округе Куинс.

[191] Голосование длилось пятнадцать дней, и в субботу, 4 июля, были объявлены результаты: Ромилли (виги) 5339, Бердетт (Виги) 5238, Максвелл (Тори) 4808, Оратор Хант 84.

[192] Нам следует ожидать "подробностей".

[193] Он добавил (а затем отменил фразу): "Но мне кажется, что наши разногласия вызваны, как мне кажется, неправильным смыслом, в котором вы используете слово "Богатство"".

[194] Франкирован Х. Дж. Шепардом (депутатом парламента от Шефтсбери, Дорсетшир).

[195] Июнь 1818 г. Рикардо, - говорит рецензент, - сделал больше для совершенствования [политической экономии], чем любой другой писатель, возможно, за единственным исключением доктора Смита" (стр. 60). Вслед за этой похвалой он проводит полный анализ доктрин книги ("Политическая экономия и налогообложение"), не находя ничего, с чем он был бы не согласен.

[196] Здесь, как и часто в других местах, написано М'Каллок.

[197] Поместье лорда Лэнсдауна, расположенное примерно в трех милях от Чиппенхэма, Увядает. Как лорд Генри Петти, этот государственный деятель был канцлером казначейства в недолговечном правительстве "Всех талантов" в 1806 году. В 1831 году он занимал должность в министерстве реформ Грея. Он вместе с Мальтусом и другими основал Статистическое общество в 1834 году. Он пережил своих самых известных современников и умер в 1863 году на 83-м году жизни.

[198] Известна в связи со спором в штате Орегон. Он записал свои впечатления об Англии в книге под названием "Рассказ о резиденции при Лондонском дворе с 1817 по 1825 год" (издание 1833 г.) и "Памятные записки о резиденции при Лондонском дворе, включающие официальные и личные инциденты с 1819 по 1825 год" (касающиеся штата Орегон и других вопросов) (1845).

[199] Бентаму было тогда за 70.

[200] Франкирован лично.

[201] Смотрите Примечание 1 в конце этого письма.

[202] Смотрите Переписку Маквея Нейпира (Macmillan, 1879), стр. 23, где Яз. Милль (письмо от 10 сентября 1819 г.) говорит о Рикардо Напье: "Причина его нежелания - искренняя застенчивость, ибо он скромнен настолько, насколько способен". Ср. Также "Жизнь Джаса" Бейна. Милль, стр. 187.

[203] Вероятно, это уважение к авторитету Рикардо задержало его новую книгу по "Политической экономии".

[204] Смотрите примечание 2 в конце этого письма.

[205] "Основные внутренние события 1819 года тесно связаны с движениями группы людей, получивших название радикальных реформаторов", Ежегодный реестр, 1819, История, стр. 103.

[206] Название непонятно в MS.

[207] Франкирован самим собой.

[208] "Принципы политической экономии, рассмотренные с точки зрения их практического применения" (Мюррей), 1820.

[209] Три предыдущих предложения процитированы Эмпсоном Эдином. Ревью, январь 1837 г., стр. 478, хотя письмо ошибочно датировано.

[210] Вероятно, примечание на стр. 485: "Г-н Рикардо заслуживает благодарности от имени страны "за то, что предложил ей сравнительно простой способ вернуться к наличным расчетам.

[211] Глава vii. раздел iii. стр. 351 и далее.

[212] Не хватает нескольких слов. Страница сильно порвана. Но ср. Письмо LXXIII, стр. 173.

[213] До сих пор "М ^сCullock". Рикардо наконец-то переходит на шотландский способ написания.

[214] "Важный либеральный орган", редактором которого в 1822 году был Уолтер Коулсон, друг Джаса. Милль. (См. "Жизнь последнего" Бейна, стр. 183.) В 1811 году редактором был мистер Куин, и взгляды журнала были, по крайней мере, недостаточно либеральными для Коббетта. См. "Бумага против золота", стр. 310.

[215] Франкирован им самим.

[216] Lettres à M. Malthus sur différents sujets d'économie politique, notamment sur les causes de la stagnation générale du commerce (Paris, 1820). В дополнение к этим 5 открытым письмам, письмо Сэя Мальтусу (февраль 1827 г.) вместе с ответом Мальтуса приведено в книге "Различные истории Дж. Б. Сэя", стр. 502-515.

[217] Возможно, октябрь 1819 г. (см., Например, стр. 471), "о планах мистера Оуэна по облегчению национального бедствия".

[218] Здесь, как и везде, пишется "варианты".

[219] Из "Черты экономической политики" (1819). See Œuvres Diverses, p. xiii. Сэй внес значительные изменения.

[220] См. Ricardo, Pol. Экономика. и налоги., глава XX. "Ценность и богатство", Wks. стр. 165 и далее, 3-е изд.

[221] Един. Ревью, август 1820 г. Маккалох предложил установить размер десятины в фунтах арендной платы, варьируя, следовательно, в зависимости от чистого дохода, а не от валового продукта.

[222] Элементы политической экономии, 1821. См. J. S. Mill, Autobiography, стр. 27, 28, для использования которого (в первую очередь) она была подготовлена. По ясной логической точности она стоит особняком среди учебников по экономике.

[223] См. Вкл. (изд. Маккалл.), Предисловие, стр. XXXI.

[224] Франкирован им самим 9 октября, что, следовательно, является реальной датой письма.

[225] Написано "контроль".

[226] Три предыдущих предложения процитированы Эмпсоном Эдином. Ревью, январь 1837 г., стр. 499.

[227] "Реальная ценность в обмене может быть определена как способность объекта распоряжаться в обмен предметами первой необходимости и удобствами жизни, включая труд", Мальтус, Пол. Экономика. (1820), стр. 62. "Заработная плата должна оцениваться по ее реальной стоимости, а именно по количеству труда и капитала, затраченных на ее производство", Рикардо, Pol. Ec. 2-е изд. 1819, стр. 44, Wks., стр. 32.

[228] См. Экономика. и налоги. глава xxi. "Влияние накопления на прибыль и проценты".

[229] Расположение изменено, и у нас есть такие существенные изменения, как "почти исключительно" вместо "исключительно".

[230] Франкирован лично.

[231] См. Wks. стр. 176. "Мальтус и его работы", стр. 294.

[232] См. Ricardo, Wks. стр. 110-112.

[233] Амортизационный фонд.

[234] Это сравнение используется Мальтусом в "Кварте". Откр. июнь 1824 г., с "старым вином" вместо "дубов".

[235] Франкирован им самим. Дата указана только на обложке.

[236] Возможно, отрывок, начинающийся в конце стр. 41 Wks. и стр. 65-6 2-го изд. Политики и налогообложения. (где он описывает эффект улучшений в сельском хозяйстве): "При том же населении и не более не может быть спроса на какое-либо дополнительное количество зерна" и т.д. и т.п., что касается предложения: "Прошел бы значительный период, сопровождающийся положительным снижением арендной платы".

[237] Франкирован лично.

[238] Глава xxxi, в которой он с большой откровенностью объясняет свое изменение мнения. Ср. Рекламу автора к 3-му изд. из Pol. Econ. и Tax., Wks. стр. 3. Взгляды Маккаллоха слишком рано стали стереотипными. О его характере и привычках в целом см. Бэйн, "Жизнь Джаса". Милль, стр. 183 и др.

[239] Именно Маккалох должен сказать, что в своих опубликованных заметках о Рикардо он скрывает свой ужас.

[240] Франкирован лично.

[241] Или Бромберроу, одно из поместий Рикардо, впоследствии оставленное его сыну Осману.

[242] Аноним. Лондон, 1821. Автор критикует Мальтуса внимательно, хотя и в дружеском духе. Он, мягко говоря, менее вежлив.

[243] Также анонимный.

[244] Франкирован лично.

[245] Импортированные иностранные товары. Смотрите ниже.

[246] "Эссе о производстве богатства с приложением, в котором принципы политической экономии применяются к фактическим условиям этой страны", Лондон, 1821. Предисловие датировано 30 июня 1821 года.

[247] Франкирован им самим. Дата указана только на обложке.

[248] *Так*, описка пера вместо "восстань".

[249] [Примечание Рикардо.] Перечитывая мое письмо, я сомневаюсь в правильности этого мнения относительно экспортируемых товаров.

[250] Июль 1821 г., № LXX. См. Мальтус и его работы, стр. 368. Рикардо, очевидно, подозревал, что автором был Мальтус. Смотрите заключение следующего письма.

[251] Автор добавил, но вычеркнул: "и заработная плата обязательно должна быть высокой, и в этом случае она может использовать почти такой же объем капитала".

[252] Франкирован им самим.

[253] Смотрите "Политическую экономию и налогообложение", главу о стоимости.

[254] Франкирован им самим.

[255] Клуб политической экономии был основан Туком в 1821 году, хотя до этого в доме Рикардо проводились неофициальные встречи членов. См. "Жизнь Джаса" Бейна. Милл, стр. 198, где приводится программа клуба. Это включало обсуждение и пропаганду, ответы на нездоровые газеты и распространение здоровой литературы.

[256] "Эссе о производстве богатства", 1821. См. выше, стр. 195.

[257] Это было его особенностью в течение некоторого времени. "В Лондоне есть заядлый шотландец, который издаёт газету под названием "Чемпион", который постоянно утверждает о достоинствах "домашнего очага" и который внушает долг тихого подчинения". Коббетт, Пол. Reg., 2 ноября 1816 г., стр. 460. Коббетт, как и многие другие, принял общепринятую Политическую экономию за доктрину политического квиетизма.

[258] Убежище Неккера в 1790 году и место его смерти в 1804 году, убежище также его дочери мадам де Сталь, изгнанной из Парижа Наполеоном. Мадам де Сталь умерла здесь в 1817 году, а ее последняя книга "Соображения о принципах французской революции" была выпущена в 1818 году ее сыном бароном де Сталь и герцогом де Бройлем совместно. Сисмонди давно был близким другом этого дома, и, вероятно, именно он представил Рикардо. The 'Nouveaux Principes d'écon. "политика" (главный экономический труд Сисмонди) появилась в 1819 году.

[259] Публицист. См. "Мальтус и его работы", стр. 416.

[260] См. Рикардо, Работы, стр. 171; Де Трейси согласился с определениями Сэя "ценности", "богатства" и "полезности". В то время ему было 68 лет, и его пестрая жизнь (война, политика и авторство) закончилась только в 1836 году. Его экономика, по сути, является разделом его философии.

[261] Луи, как и его брат, занимался производством хлопка, но оставил его для переработки сахара. Рикардо ссылается на его "Соображения об индустрии и легислатуре" и др., опубликованные в 1822 году.

[262] Жермен Гарнье, автор "Истории Монне" и переводчик не только "Богатства народов", но и "Калеба Уильямса" и др., скончался 4 октября 1821 года.

[263] "Политическая экономия". 2-е изд. появилось только в 1836 году, после смерти автора.

[264] Апрель 1822 г., стр. 239 след. о состоянии валюты. Это статья, подвергнутая жесткой критике Тука в "Высоких и низких ценах", часть i. стр. 19 далее.

[265] "Письмо Дэвиду Рикардо, эсквайру, члену парламента, об истинном принципе оценки степени позднего обесценивания валюты и о последствиях законопроекта мистера Пила о возобновлении банком платежей наличными", Томас Пейджет, эсквайр, 1822 (июль). В нем больше риторики, чем логики.

[266] Один из его главных парламентских оппонентов в интересах сельского хозяйства.

[267] "Мысли и подробности о высоких и низких ценах" были опубликованы в начале 1823 года. Тук в течение тридцати лет был русским купцом.

[268] "Установленная и проиллюстрированная мера стоимости с ее применением к изменениям стоимости английской валюты с 1790 года", Лондон, 1823.

[269] Смотрите примечание к этому письму.

[270] Здесь, как и везде, написано "chuse".

[271] Здесь, как и везде, написано "картофель".

[272] Франкирован им самим. Дата и адрес указаны только на обложке.

[273] Золотая, со многими оговорками. См. Wks., стр. 29-33. Но сравните стр. 231 ниже.

[274] Опубликовано в 1824 году его семьей и перепечатано в Wks., изд. мак., стр. 499 след.

[275] Франкирован им самим.

[276] Франкирован им самим.

[277] W. of N., I. vi. 23, 1.

[278] Ред., январь 1837, стр. 499.

[279] Life, стр. 209-213.

ХРОНИКА.

1809. Письма Рикардо в "Морнинг Кроникл" ("Высокая цена слитков"). Основано ежеквартальное обозрение. Корунья (январь), Талавера, Ваграм, Вальхерен. Продолжаются распоряжения Совета и берлинские декреты. Персиваль, премьер-министр. Юбилей короля. Массовые беспорядки. Плохой урожай. Пшеница подорожала. Другие товары подешевели.

1810. Письма I (25 февраля) - V (август).—Реплики Торреса Ведраса, Бусако. Комитет по ценным бумагам (отчет, 8 июня). Бердетт и парламентские привилегии. Хороший урожай. Коммерческая и сельскохозяйственная депрессия. Множество неудач. Рынок Южной Америки переполнен. Торговля с Соединенными Штатами возобновилась.

1811. Письма с VI по X (декабрь). — "Ответ Босанкету" Рикардо, статья Мальтуса об "Обесценивании". "Проклятие Кехамы". Фуэнтес Оноро, Альбуэра. Отчуждение Наполеона от России. Фактический конец правления Георга III. Вопросы регентства. Каслри и Сидмут в правительстве. Неурожай и высокие цены на пшеницу. Письмо лорда Кинга своим арендаторам. Дебаты о валюте в парламенте. Правительственный заем торговцам. Небольшое оживление торговли. Прекращение торговли с Соединенными Штатами.

1812. Письма XI и XII (декабрь). — "Чайльд Гарольд", I и II. Ciudad Rodrigo, Badajoz, Salamanca. Московская кампания. Отмена приказов Совета (июнь). Война с Соединенными Штатами. Католическая ассоциация. Убийство Персиваля (май). Ливерпуль, Премьер. Убийства Уильямса на Рэтклифф-хайвей. Экономический спад. Вспышки луддитов. Холодное и влажное лето. Высокие цены на кукурузу.

1813. Письмо XIII (декабрь).— "Письмо Мальтуса лорду Гренвиллу". Саути, лауреат. Виттория, С. Себастьян. Lützen, Katzbach, Dresden, Leipzig. Дела принцессы Шарлотты. Джоанна Сауткоут. Судебное преследование за подстрекательство к клевете. Лишение Компании монополии на торговлю с Ост-Индией. Хороший урожай. Рост производства колониальной продукции.

1814. Письма с XIV по XXI (декабрь). — Мальтус "Наблюдения над хлебными законами". "Уэверли". "Экскурсия". Шомон-ский мирный договор. Отречение Наполеона (апрель). Первый Парижский мирный договор. Конгресс в Вене. Захват Вашингтона. Гентский мир (декабрь). Суд над Кокрейном. Сожжение таможни (февраль). Введение счета за кукурузу. Отмена премии за кукурузу. Падение цен на колониальные продукты. Урожай безразличный. Средние цены на кукурузу.

1815. Письма XXII-XL (декабрь). — "Влияние низких цен на зерно" Рикардо. "Основания для мнения" Мальтуса и "Рента". Наполеон во Франции (март). Венский мирный договор. Ватерлоо. Второй Парижский мирный договор (ноябрь). Плохой сезон. Новый закон о кукурузе. Вспышки луддитов. Низкие цены на кукурузу. Низкие общие цены.

1816. Письма XLI к ЛИ (октябрь). — "Экономичная и надежная валюта" Рикардо. Бомбардировка Алжира. Военные налоги не снижались. Принятие золотого стандарта актом парламента. Отклонен подоходный налог. Агитация по поводу гражданского списка. Дешевый "Политический реестр Коббетта". Курортные поля. Вспышки луддитов. Петиция Лондонской корпорации. Продолжающееся падение общих цен. Неурожай. Подорожание кукурузы.

1817. Письма LII к LXIV (декабрь). — "Политическая экономия и налогообложение" Рикардо. "Заявления Мальтуса относительно Ост-Индского колледжа". Визит Мальтуса в Ирландию. Рикардо отправляется во Фландрию, Германию и Францию. Смерть Хорнера (8 февраля). "Литературная биография", "Восстание ислама", "Лалла Рукх". Комитет по синекурам. Приостановление действия Хабеас Корпус. Восстание в Дерби. Торговцы одеялами. Нападение на регента. Смерть принцессы Шарлотты. Испытания Хоуна. Хороший урожай. Рост цен в целом.

1818. Письма с LXV по LXVIII (август.). — Макинтош в Хейлибери. Рикардо, шериф Глостершира. Смерть Ромилли. "Чайльд Гарольд", III, IV. Конгресс Экс-ла-Шапель. Секретные комитеты по борьбе с недовольством. Акт о возмещении ущерба. Законопроект о законах о бедных. Реформа шотландского округа. Дебаты о возобновлении выплат наличными. Королевские браки. Обновление Закона об иностранцах. Всеобщие выборы (июнь, июль). Забастовка в Манчестере. Справедливый урожай. Увеличение общего объема импорта и падение общих цен.

1819. Письма LXIX и LXX (ноябрь). — Мальтус Ф.Р.С. Рикардо М.П. из Портарлингтона. Закон о возобновлении наличных платежей. "Радикалы". Закон о фабриках. Поправка к закону о бедных. Поправка к уголовному законодательству. Резня в Петерлоо. Шесть актов. Падение цен на хлопок. Торговля здоровее. Хороший урожай.

1820. Письма LXXI -LXXV (ноябрь). — "Политическая экономия" Мальтуса. Визит Мальтуса во Францию. "Система финансирования" Рикардо. "Ченчи". Смерть Георга III. Восстание в Испании. Конгресс Троппау. Всеобщие выборы. Королева Каролина. Заговор на улице Катона. Политические процессы. Движение за реформу. Народное образование. Поправка к уголовному законодательству. Хороший урожай. Низкие цены на кукурузу. Бедственное положение в сельском хозяйстве.

1821. Письма LXXVI - LXXXI (ноябрь). — Основание Клуба политической экономии. Смерть Китса. Коронация короля и визит в Ирландию. Фактическое возобновление наличных платежей. Вмешательство в работу прессы. "Банда с Бридж-стрит". Коалиция ливерпульского министерства с Гренвиллами. Отставка Сидмута. Восстание в Греции. Смерть Наполеона. Большой урожай, низкого качества. Падение урожая пшеницы. Низкие общие цены.

1822. Письмо LXXXII (декабрь).— "Защита сельского хозяйства" Рикардо. Визит Рикардо в Италию и Швейцарию. Смерть Шелли. Новый закон о браке. Новый закон о зерне. Уэлсли в Ирландии. Самоубийство Каслри. Каннинг в Министерстве иностранных дел. Веллингтон в Вероне. Война Ашанти. Спор с Соединенными Штатами по поводу территории Орегон. Действие Хабеас Корпус приостановлено в Ирландии. Хороший урожай. Низкие цены на кукурузу. Большой импорт пшеницы из Ирландии. Общее процветание. Сельскохозяйственный кризис.

1823. Письма LXXXIII - LXXXVIII (31 августа). — "Мера стоимости" Мальтуса и статья о Туке. Мальтус, член Королевского литературного общества. "Национальный банк" Рикардо (написано). Смерть Рикардо, 11 сентября. Очерки Элии. Байрон в Греции. Бирманская война. Вторжение Франции в Испанию. Признание независимости Южной Америки. Хаскиссон из Министерства торговли. Поправка к законам о судоходстве. Циркуляр Каннинга о Ямайке. Католическая ассоциация. Плохой урожай, но средние цены на кукурузу. Низкие общие цены. Увеличение общего импорта.

КОНЕЦ.